

Литературная Грузия

7-9

1998

Литературная Грузия

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей Грузии

Институт грузинской литературы им. Ш. Руставели

Издательство «Литературная Грузия»

7-9

1998

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 4

ПОЭЗИЯ

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ. Оплачьте. АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ. Еврейское причитание в Грузии. ТИЦИАН ТАБИДЗЕ. Еврейская мелодия. АЛЕКСАНДР АБАШЕЛИ. Израильский народ... Переводы Инны Кулишовой	5
ГЕОРГИЙ ХУХАШВИЛИ. Сонеты. Перевод Инны Кулишовой	91
ЯНА ДЖИН. Стихи. Переводы с английского Нодара Джина и Владимира Гандельсмана	149
НАТАН БААЗОВ. Стихи	168
ИННА КУЛИШОВА. Стихи	180
АЛЕКСАНДР ЦЫБУЛЕВСКИЙ. Стихи	226

ПРОЗА

ДЖЕМАЛ АДЖИАШВИЛИ. «Пробудись, лира!» Перевод Гины Челидзе	13
ГУРАМ БАТИАШВИЛИ. «Если я забуду тебя, Иерусалим!» (Отрывок из романа). Перевод Лианы Татишвили	94
РЕВАЗ МИШВЕЛАДЗЕ. «Иерусалим — Тбилиси». Новелла. Перевод Лианы Татишвили	157

БЫЛОЕ

ФАИНА БААЗОВА. «Прокаженные» (отрывок)	104
МИХАЭЛЬ ЗАНД. «Вместо послесловия»	133
НАТАН БААЗОВ. Предисловие	104

ПУБЛИЦИСТИКА

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ. О евреях	11
ГУРАМ ШАРАДЗЕ. Три портрета	184
Вместе — двадцать шесть веков. С главным раввином Грузии беседует Ирина Зурабашвили	201

КРИТИКА

ЗУРАБ КИКНАДЗЕ. Сладость Божественных напевов	174
ЦИАЛА ХИНТИБИДЗЕ. Семейный портрет	154

НАУКА

НОДАР ХОНЕЛИДЗЕ. «...Истомились глаза мои от ожидания Бога моего»	205
--	------------

ВСПОМИНАЯ УШЕДШИХ ДРУЗЕЙ

ГЕОРГИЙ АНТЕЛАВА. «И делал он угодное в очах Господних»	216
МАРИЯ НЕДОСПАСОВА, АЛЕКСАНДР ГВА- ХАРИЯ, ГЕОРГИЙ АНТЕЛАВА. Наш Шура Цыбулевский	221
АНАИДА БЕСТАВАШВИЛИ. Век любви	228

*Редакция благодарит писателя Дже-
мала Аджиашвили за консультацию в
процессе работы над номером.*

ОТ РЕДАКЦИИ

В этом году отмечается знаменательная дата — двадцать шесть веков, то есть две тысячи шестьсот лет, со времени первого поселения евреев в Грузии. И все эти долгие годы отмечены взаимным уважением, взаимопомощью, дружбой, духовной близостью двух братских народов — грузинского и еврейского, один из которых обрел у подножия Кавказа, на берегах Мтквари и Фазиса вторую подлинную родину-мать.

История Грузии менее всего была безоблачной и спокойной. Захватчики шли с Востока и Запада, с Севера и Юга. Но бывали и светлые периоды, когда страна расправляла плечи, кровью завоевывала право на мирную жизнь, обретала мощь, строила города, кукольные храмы, наголяла амбары зерном и зарытые в землю квеври — искрящимся вином.

И естественно, еврейское население всегда разделяло судьбу своих братьев — и в горе, и в радости, и в счастье, и в несчастье евреи были рядом с грузинами, ибо считали своим священным долгом защищать от врагов Отечество, делать все возможное для его процветания.

Грузинский язык для живущих в нашей стране евреев стал родным, и писатели-евреи, которые создавали и создают свои литературные произведения на родном, то есть грузинском языке, по праву считаются грузинскими писателями.

Этот номер нашего журнала посвящен чрезвычайно важной юбилейной дате. В нем собраны посвященные еврейской теме произведения как классиков грузинской литературы, так и современных наших писателей.

Редакция, разумеется, не ставила перед собой непосильной задачи всесторонне охватить и отразить на страницах одного номера журнала все литературные и культурные ценности, созданные на протяжении веков грузинскими евреями, и историю наших духовных связей. Но надеемся, какие-то основные тенденции и направления культурного и исторического процесса в этом номере журнала все-таки обозначились.

Редакция руководствовалась одной целью — внести свою лепту в дело дальнейшего укрепления дружбы грузинской и еврейской наций.

Илья ЧАВЧАВАДЗЕ

ОПЛАЧЬТЕ!

Еврейская мелодия
(из Байрона)

Оплачьте тех, кто плачет, плачет безутешно
на реках Вавилона. Тех, чье сожаленье —
о храме, уничтоженном рукою грешной.
Тех, чье отечество — лишь сон или виденье.
Оплачьте лиру иудейскую. Разбита
она. Где обитал Бог плачущих, отныне
живут те, у кого нет Бога. И забыто
все в этой выжженной, потресканной пустыне.
В каком источнике Израиль утомленный
теперь омоет окровавленные ноги?
Когда услышим мы великий глас Сиона?
И песню сладостную о любви и Боге?
И иудейская мелодия когда же
вновь оживит сердца, исполненные боли,
что бьются лишь во имя гласа, если даже
пройдут тысячелетья в горькой доле.
О племя в кандалах путей, о ты, чьи ноги
изъязвлены от нескончаемых скитаний.
Чье сердце прожигают слезы и дороги,
уставшее от бесконечных расстояний.
Как ты найдешь спокойствие? Гнездо у птицы
есть. У лисы — нора. Дает родной дом силы.
Лишь у Израиля, что жаждет возвратиться,
нет ничего, помимо собственной могилы.

1858

15

საქართველოს
მემორიალი
ბიბლიოთეკა

ЕВРЕЙСКОЕ ПРИЧИТАНИЕ В ГРУЗИИ

Ой ты, горький померанец,
ох ты, терпкий вкус граната.
Ты оглянешься безмолвно,
будто смотришь виновато.
Не цветешь уже, как роза.
Стала ночь черней агата.
Вот уже скрестились руки,
и глаза сомкнулись. Рада
тебе темная могила.
У нее своя отрада.
Как понять, пришел откуда
и теперь идешь куда ты.
Ой ты, горький померанец,
ох ты, терпкий вкус граната.

Ты уходишь... Если будет
райский стражник бородатый
преграждать тебе дорогу,
ты отдай все, что когда-то
накопил. А коли это
не поможет, то тогда ты
топором руби все цепи.
Чтобы не был пленник ада.
Чтобы мог вдохнуть в эдеме
ты иного аромата.
Ой ты, горький померанец,
ох ты, терпкий вкус граната.

Там ты встретишь Иеремию,
передай ему, что надо:
что еще мы ждем Мессию,
что реченное когда-то
не сбылось. Прошли все сроки.
Ждем с Востока. И тогда-то
всласть нам сладостей наестся!
Будем веселы, богаты.
Ныне молимся, как прежде,

от заката до заката.
Все скажи, как есть. Вторично
не родишься никогда ты.
Что узнал на этом свете,
пусть дойдет до адресата.
Ой ты, горький померанец,
ох ты, терпкий вкус граната.

Встретишь ты там Моисея,
Аарона, будешь рад ты
Илие и Елисею.
Расскажи, что так же свято,
строго чтим Завет мы Ветхий,
заповеданный когда-то.
Не изменим старой вере,
чем бы ни было чревато —
кровью, стонами, слезами.
От заката до заката
сеем семена надежды,
ищем в муках путь до сада,
чтоб потом плоды отведать.
Расскажи им все, что надо.
Ой ты, горький померанец,
ох ты, терпкий вкус граната.

Мы рассеяны повсюду,
по чужим краям. Отрада
наша Иерусалим! Далече
он от нас. И нет услады
оку: Храма Соломона.
Нет его сиянья. Плата
за грехи иль испытанье?
Ах, жестокая утрата!
Наш бальзам — одна лишь вера.
У Всевышнего пощады
просим. Мы для всех народов
чужаки. Но нет досады.
Просто молим о спасенье,
Друг за друга. Брат за брата.
Ой ты, горький померанец,
ох ты, терпкий вкус граната.

Вот уже скрестились руки,
и глаза сомкнулись. Сжаты

плотно веки. Все, что было,
ты не взял с собой. Наградой
будут райские ворота.

В них душа твоя, крылата,
пролетит. И свет увидишь
там, идешь сейчас куда ты.
А у нас сердца разбиты.

Нет уже тебе возврата.
Так прощай же, померанец,
ты, небесный вкус граната!

1907—1908

Тициан ТАБИДЗЕ

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

I

И все ж от Вавилона
поблизости Сион.
В пустыне вились ветры,
как будто дух Кидрона.
И охранял серьезный,
седой Кавкасиони
закрытые ворота
племен у небосклона.
Слеза и есть слеза,
слеза земли — двойная.
И реки Вавилона
наполнились рыданьем.
Как будто тыщу лет
над мертвецом стеная.
И вторила Кура
Аракса причитаньям.
Врывается в рассвет,
затронув ночи край,
изнеможенный стон:
— О Адонай! О Адонай!

Невзгоды, муки
накопив сурово,
обрушивает гнев
на племя Иегова.
И книга эта кровью
окрашена, и кровью
все ж Библия писалась.
И тени к изголовью
плывут. Вплывают в веки
все слезы. Так осталась
еврейская мелодия
звучать вовеки.
И так звенела лира
и Байрона, и Гейне
растаявшей слезою.
В ней билось сердце мира
с бессмертной частотою.
Минует разве юность
поэта звук сей? Сжались
в комок все дни. Поэты,
скорей поторопитесь,
пока не разорвались
сердца на свете этом.

II

Мне детство вспоминается и слышу
Давида лиры нежной воркованье,
дочь Иафета — и жена Патофра,
от красоты Иосифа в страданье
погибшая, святой Светицховели,
Абиатар в задумчивом молчанье...
Но во дворе залаяла собака,
к калитке бросившись. И возглас Даниэля,
толкающего впереди Исака:
— Для покупателей есть карамели,
гвоздики, шпильки, мыло есть для бани.
Идет по улице с ребенком.
— Кому парча? Кому другие ткани?
Помчится стайка сорванцов вдогонку
торговцу мелкому. — А где же волос
с хвоста несчастной лошади? — И долго

клянется, просит и рыдает в голос,
хотя сто раз на дню обманет Бога.
Кто знает, сколько в жизни пережил он?
Его судьба — скитанье и торговля.
Ты, мама, не торгуйся с ним. Не мылом
торгует он — куском души и кровли.
И понял я несчастный голос позже.
В то время суд над Бейлисом вершили.
Тогда сердца студенческие, Боже,
гремели, словно шпаги обнажили.
Но честным поединкам места нету
в районе бедноты. Когда, как гром,
раскат войны пронесся, в пору эту
узнал я слово страшное: «погром».

1926

Александр АБАШЕЛИ

* * *

Израильский народ, несущий стрелы
букв-молний, озаряющих дорогу
рожденья смысла — суть рожденья веры,
страданьем устремляющийся к Богу!
Твою Голгофу принял Он и слезы
Свои смешал с твоими, как с Синая
песком. Живут соленые занозы
в душе земли твоей — у неба края.
Пустого дома страж осиротелый,
хранишь ты жажду очага поныне.
И видишь возведенный город белый
и родину в проснувшейся пустыне.

1938

Переводы Инны КУЛИШОВОЙ

Илья ЧАВЧАВАДЗЕ

О ЕВРЕЯХ

Ни один народ не прошел через столько мук и страданий, сколько выпало на долю еврейского народа. Судьба лишила этот некогда великий и прославленный народ родины и независимости, рассеяла по всей земле, принудила осесть в чужих краях, где евреев ожидали скорбь и мучения. В Азии и Европе, в Африке и Америке — повсюду один и тот же рок преследовал несчастный народ, который всеми средствами боролся за самосохранение. Сколько времени скитается этот народ по земле и, похоже, не осталось такой муки, которую не испытал бы он. Какой только причины не придумывали, к чему только не привязывались, лишь бы преследовать и громить евреев! Нет такой исторической несправедливости, которой они не подверглись бы. Евреев преследовали как народ, преследовали как исповедующих своеобразную, особенную веру, преследовали как представителей несправедливого экономического уклада и экономических угнетателей других народов. Гонители отдавали предпочтение то одной, то другой причине, и ненависть к евреям не утихала никогда.

И в наши дни, когда все только и взывают к человеколюбию, евреев преследуют по тем же самым причинам даже там, где, казалось бы, не должно быть места ненависти и жестокости.

В Европе давно уже существует т. н. антисемитское, т. е. антиеврейское движение, цель которого — притеснение и угнетение евреев. Особенно сильно это движение в Австрии и Германии, даже в тех кругах, от которых этого менее всего можно было ожидать. Мы имеем в виду определенную часть австрийской и немецкой интеллигенции, в том числе писательскую общественность. Иные газеты постоянно выступают против евреев; даже студенчество, которое, казалось, невозможно обвинить в человеконенавистничестве, публично призывает к действиям против евреев. Недавно в Вене открывали памят-

ник Глазеру, бывшему министру юстиции. Глазер — по происхождению еврей, и когда ректор университета Фокель начал рассказывать о жизни и деятельности покойного, студенты подняли такой гвалт, что руководство университета вынуждено было прервать церемонию. Студенты покинули университетский зал, как выяснилось, большинство из них было членами антисемитского движения, так что даже в храме науки пред памятью почившего ученого антисемитизм не склонил головы. Кроме того, во время недавнего суда над Шенерером приспешники последнего открыто признали, прикажи им Шенерер уничтожить евреев, они без лишних слов выполнили бы его приказ.

Разгул антисемитского движения заставил правительство Германии крепко призадуматься. Об этом свидетельствуют некоторые газетные публикации, в которых говорится о положении евреев в Германии. Отмечается, что антисемитское движение постепенно набирает силу и в других странах. Причина этого не в национальной ненависти или религиозном фанатизме, а в экономическом усилении еврейских капиталистов, в руках которых сосредоточились несметные богатства Франции, Германии и др. государств. Это обстоятельство, считают газеты, имеет не только экономическое, но и политическое значение и, если вовремя не остановить усиление еврейского капитала, это может повлечь за собой непредсказуемые последствия, ибо в руках его окажутся судьбы народов и царств. Антисемитское движение крепнет день ото дня. И особенно в просвещенных кругах.

Безусловно, тут есть над чем поразмыслить, ибо просвещенная часть общества оказывает большое влияние на жизнь Европы. И может оставить свой след в судьбе еврейского народа

Джемал АДЖИАШВИЛИ

ПРОБУДИСЬ, ЛИРА!

На вербах посреди его
повесили мы наши арфы.
Псалтирь

В октябре 1987 года евреи, выходцы из Грузии, внесли в Крестовый монастырь в Иерусалиме икону Ильи Чавчавадзе, причисленного к лику святых, и благоговейно поместили ее рядом с фреской Шота Руставели. Факт необычайный, вызвавший множество толков в Иерусалиме. В ознаменование этого события, сопровождавшие католикоса-патриарха Всея Грузии, Святейшего и Блаженнейшего Илью Второго священнослужители, христиане-грузины и встретившие их там иудеи-евреи из Грузии тут же в монастыре Креста вознесли совместную молитву. Присутствовавшие при этом израильские евреи, а также аккредитованные при многочисленных иностранных посольствах журналисты не могли скрыть изумления.

Да и было чему изумляться... Иудей с иконой в руках, возносящий молитву в христианской церкви! Для традиционного иудаизма явление невероятное. «Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу и что на воде ниже земли». Так заповедал Моисею Бог Израиля. Эта заповедь одна из тех десяти, которые вот уже три тысячелетия ревностно блюдет верующий еврей. А тут еврей Грузии входит в монастырь Креста с иконой Ильи Праведного в руках, тем самым отдавая дань уважения стране, на земле которой на протяжении многих веков он свято и непоруганно хранил веру свою и род свой...

ՀԱՄԱՅԻՆԱԿԱՆ
ՀՈՂԱՅԻՆՈՒԹՅՈՒՆ

«Ни один народ не прошел через столько мук и страданий, сколько выпало на долю еврейского народа. Судьба лишила этот некогда великий и прославленный народ родины и независимости, рассеяла по всей земле, принудила осесть в чужих краях, где евреев ожидали скорбь и мучения. В Азии и Европе, в Африке и Америке — повсюду один и тот же рок преследовал несчастный народ, который всеми средствами боролся и борется за самосохранение», — писал Илья Чавчавадзе в 1886 году в статье, посвященной еврейскому вопросу. Да, казалось, именно на муки и страдания испокон веку был обречен этот наидревнейший народ. Еще на заре человеческой цивилизации ему довелось испытать четырехвековую неволю в Египте, упоминание о которой и по сей день заставляет содрогаться каждого верующего еврея. Ежегодно, в Песах, в память о том злощастном времени, беря в руки мацу (опреснок), он с печалью в голосе запекает: «Вот скудный хлеб, который ели наши предки на земле Египетской». Назначение этого ритуала — грядущие поколения должны помнить поразительную историю избавления от рабства. История для еврея в эти минуты не далекое, отвлеченное понятие, а вполне осязаемая реальность, в необычных и драматических коллизиях которой участвует и он сам: «От отцов к детям, от поколения к поколению передается история о выходе из Египта, как лично пережитое, которое невозможно забыть», — гласит еврейская мудрость, подкреплённая библейским наставлением Бога: «Помни день твоего исхода из Египта!».

«Этот праздник — наиболее еврейский среди всех еврейских праздников — восходит своими корнями к священному прошлому человечества в гораздо большей степени, чем любые другие обычаи и предания всего культурного человечества. Этих традиций придерживаются сейчас совершенно так же, как много веков назад. Мир изменился до неузнаваемости, многие народы исчезли с лица земли, уступив место другим, расширились горизонты. Словно из небытия возникли новые материки, новые силы при-

роды пришли на помощь человеку, чтобы облегчить ему жизнь. И только один этот народ сохранился с тех пор, верный самому себе и свято хранящий память о страданиях предков. Он, как и прежде, молится своему вечному Богу теми же словами тысячелетней давности. Этот народ рабства и свободы — народ Израиля...» (Теодор Герцль).

НАРОД РАБСТВА И НАРОД СВОБОДЫ...

Да, именно еврейский народ, еще в самом своем младенчестве испытавший весь ужас неволи, сумел воздвигнуть нерукотворный памятник свободе и демократии. «На протяжении всей истории человечества Библия была тем великим набатом, который звал людей на борьбу против духовной и политической тирании. Ни один народ не смог выразить с такой силой основополагающую истину о том, что благосостояние государства, в конечном итоге, зависит от благосостояния граждан. Библия самая демократическая книга в мире» (Томас Гексли); на страницах ее четко выразилось то неугасимое стремление к свободе и самостоятельности, которое через множество мук и невзгод смог пронести многострадальный народ Израиля...

Господь освободил евреев из рабства египетского за четыре заслуги — они не меняли своих имен, сохранили родной язык, не открывали священных тайн своих и не отменили Авраамов завет, — читаем мы в одном из памятников раввинской литературы. Как видно, сохранение языка и национальной самобытности причислено авторами Талмуда к самому божественному деянию. «В бытность свою в Египте евреи собирались все вместе и жили одной семьей: они поклялись друг другу свято хранить в своих сердцах союз Авраама, Ицхака и Иакова, не предавать язык своих предков и не говорить на языке египтян, дабы избежать идолопоклонства», — говорится в другом письменном памятнике.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ЯЗЫКА ПРЕДКОВ

Кто знает, возможно, в те древнейшие времена усвоили евреи истину о том, что измена языку, в конечном итоге, означает измену своему народу, и куда бы ни забрасывала их судьба, они никогда не изменяли этому наставлению и, стало быть, языку. Евреи Грузии оставались верны и языку того народа, на земле которого живут с незапамятных времен. Известный ученый и общественный деятель Захарий Чичинадзе пишет в изданной в 1904 году книге «Грузинские евреи»: «Грузинские евреи на протяжении веков сохраняли грузинский язык даже в самых далеких странах Востока... В Трапезунде и сегодня они говорят на этом языке. Потомки же самих грузин, грузинские мусульмане, не сумели сохранить грузинский язык и утратили его...»

«Хиди» («Мост») — газета, выходящая в Израиле на грузинском языке. В номере от 4 декабря 1987 года читаем объявление:

«Дорогие читатели!

При содействии Общества израильско-грузинских культурных и дружеских взаимосвязей в городах и районах Израиля, в местах поселения грузинских евреев будут созданы курсы по изучению грузинского языка. Назначение этих курсов в том, чтобы наше будущее поколение наряду с родным еврейским языком знало также и язык своих предков — грузинский.

Обучим грузинской речи наши последующие поколения!...».

Язык предков — грузинский язык. Казалось бы, странное заявление...

* * *

Сорок лет пророк Моисей водил по пустыне вышедших из Египта евреев, сорок лет гонимый народ, страдая и ропща, шел сквозь ветры и жар пустыни к Земле Обетованной. Впервые после четырехвекового плена соприкоснулся он со свободой; это была первая, быть может, самая мощная за всю историю человечества устремленность алчущей свободы души. И, как некогда сказал Гейне, «после выхода израильтян

из Египта слово «свобода» на всех языках мира стало произноситься с еврейским акцентом».

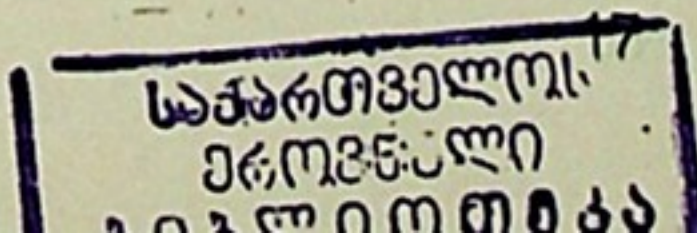
* * *

...Что касается ухода в пустыню и сорокалетнего скитания по ней, то, по мнению более поздних толкователей Библии, этот акт также является сакральным, содержащим в себе глубокий смысл: пока человек не отойдет от обыденности, пока не уйдет в пустыню, как это делали древние отшельники и пророки, он не сможет быть готовым к исполнению великой миссии. Воистину, путь к Земле Обетованной лежит через пустыню...

* * *

Как известно, Земли Обетованной народ, прошедший через египетское рабство, достичь не смог; даже самому пророку Моисею не довелось ступить на «землю молока и меда». Лишь поколение, рожденное в пустыне свободным, сумело войти в священные пределы Израиля; израильтян же, погибших в пути во время сорокалетнего странствия, история нарекла «поколением пустыни»... Понятие это впоследствии стало обобщающим и определяющим переходные исторические ступени, когда одно поколение приносит себя в жертву ради благополучия последующего. И евреи, гонимые и унижаемые в разных странах — была ли то Франция Людовиков или Англия Ричарда Львиное Сердце, Испания времен инквизиции или самодержавная Россия, не говоря уже о фашистской Германии, — называли себя «поколением пустыни».

Иерусалим. «Яд ва-Шем» («Память и Имя») — музей памяти погибших во второй мировой войне. Шесть миллионов евреев стали жертвами этой войны. И наибольшее число жертв составили советские евреи, но об этом у нас почему-то умалчивают (один из самых достоверных источников — «Черная книга», составленная под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга, уже подготовленная к печати и запрещенная в 1948 году. Лишь спустя много лет, в 80-х годах, она вышла в свет в Иерусалиме). Полтора из шести миллионов погибших — дети. В память о них в му-

зее горит одна-единственная свеча («светильник Господень — дух человека» — эти слова из Библии выгравированы прямо на дверях музея); преломляясь в зеркальных гранях огромного помещения, она загорается полутора миллионами звезд, создавая иллюзию открытой Галактики. Поистине ошеломляющее впечатление! Мерцают звезды в беспредельном пространстве, и в траурной тишине далекий потусторонний голос шепотом повторяет имена детей, чьи души слились со звездами:

Фанни Фришман — трех лет...

Дебора Ласкер — пяти лет...

Анна Франк — тринадцати лет...

К музею ведет аллея деревьев, посаженных во имя тех неевреев («хасидей умот-ха-олам» — праведники народов мира), с помощью которых были спасены жизни многих евреев. Каждое дерево названо именем конкретного человека. Здесь же находится и лодка, на которой некий датчанин-рыбак за одну только ночь перевез с одного берега пролива на другой сотни евреев, спасая их от оккупировавших страну гитлеровцев. За две с половиной недели около восьми тысяч евреев были спасены датскими рыбаками. Но в 1943 году фашистам все-таки удалось захватить около пятисот евреев; некоторые из них чудом уцелели и, вернувшись после войны в Данию, нашли свои дома и имущество нетронутыми...

В музее вам напомнят об одном, уже ставшем как бы легендой, событии. Объявив в Дании военное положение, немцы потребовали у местного правительства собрать все еврейское население столицы на площади. Было ясно, что это означает. На другой день, ранним утром первыми на площадь вышли король и королева Дании с еврейскими шестиконечными звездами («Маген Давид» — Щит Давида) на груди...

В знак вечной памяти об этих людях и воздвигнут великолепный музей, само название которого — «Память и Имя» — уже говорит о его назначении: «Тем дам Я в доме Моем и в стенах Моих место и имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям: дам им вечное имя, которое не истребится» (Исаия, 56.5). Таким же настроением проникнута и еврейская поминальная мо-

литва, которая время от времени звучит в траурно-уборных залах музея...

Перед нами несколько документов, с которыми во время моего пребывания в Израиле меня ознакомили бывшие наши соотечественники — известный общественный деятель господин Роберт Елигулашвили и поэт Давид Агмон (Аджиашвили). Вот один из них:

«Община грузинских эмигрантов в Париже.
Париж, 27 июня, 1980 г.

Дорогой Лео!*

Посылаю тебе список лиц, которые приняли активное участие во время последней войны в спасении грузинских и других евреев. Надеюсь, ныне усопшие эти люди будут достойно помянуты в музее «Яд ва-Шем».

Вот они:

НОЭ ЖОРДАНИЯ — председатель правительства независимой Грузинской Республики.

ЕВГЕНИЙ ГЕГЕЧКОРИ — министр иностранных дел Грузинской Республики.

КОТИЯ КАНДЕЛАКИ — министр финансов Грузинской Республики.

НОЭ ЦИНЦАДЗЕ — министр просвещения Грузинской Республики.

АЛЕКСАНДР КОРКИЯ — директор грузинского офиса во время войны.

И, разумеется, МИХАИЛ КЕДИЯ, без неутомимой и энергичной деятельности которого это благородное дело было бы неосуществимо.

С дружеским приветом Виктор Хомерики».

Второй документ еще более лаконичен:

«Париж, 16 октября 1944 г.

Господину Жордания — президенту Грузинской Республики.

Господин президент!

* Лео Елигулашвили — грузинский еврей, живущий во Франции, бизнесмен и общественный деятель.

Господин Иосиф Елигулашвили* сообщил мне о той великодушной поддержке, какую оказали Вы Вашим соотечественникам-евреям. Благодаря Вашей бескорыстной помощи за время четырехлетней оккупации Франции их не коснулся ужас расистского режима. Мне известно то чувство бесконечной благодарности, какое Ваши соотечественники-евреи испытывают в отношении Вас. Считаю своим долгом от имени еврейской общины Парижа передать Вам слова благодарности и выразить искренние чувства, которые испытываем мы, отдавая дань Вашему благородству и чувству справедливости.

Примите мои искренние уверения, господин президент, в моем к Вам глубоком уважении».

Документ подписан главным раввином Парижа.

Раз уж речь зашла о раввине, вспомним еще один факт из новейшей истории евреев Грузии.

Девятисотые годы. В одном из городов Европы проходит Всемирный конгресс евреев. Ораторы сменяют друг друга, каждый, представляющий свою страну, рассказывает о вопиющих фактах еврейских погромов. Перед глазами собравшихся предстают картины нечеловеческих страданий униженного и угнетенного народа. По залу проходит ропот возмущения, нарастает напряжение. Но вот председатель дает слово посланцу далекого Кавказа — раввину из Грузии Лавиду Баазову (отцу трагически погибшего в 1938 году писателя Герцеля Баазова); свое выступление он начинает словами:

* Иосиф Елигулашвили — известный общественный деятель, один из трех грузинских евреев, которые 26 мая 1918 года подписали Акт о независимости Грузии и 19 марта 1919 года приняли участие в Учредительном собрании независимой Грузии. После установления в Грузии большевистской диктатуры эмигрировал вместе с правительством Ноэ Жордания. Он, как заместитель министра финансов независимой Грузии, внес свою лепту в дело сохранения вывезенных из Грузии ценностей, о чем сообщает нам Резо Табукашвили в своем нашумевшем фильме «Казначей Грузии». В годы оккупации Франции был спасен от нацистов усилиями Ноэ Жордания.

«Братья, я из той страны, где евреи проживают 2500 лет, и на протяжении всего этого времени ни разу не испытали гонений и погромов...»

Впечатление от этих слов было ошеломляющим.

Газета «Самшобло» («Родина»), 1914 год:

«В минувшем году на созванной во Франкфурте конференции, председательствующий на ней генерал Лифмон (Франция), предоставляя слово прибывшему из Грузии раввину Давиду Баазову, сказал:

«Братья, перед вами ваш брат из далекой страны. Эта страна далеко от нас, но она должна быть близкой сердцу каждого еврея (взволнованный зал молча встает). Европа сегодня пытается осуществить - идеи человеколюбия, тогда как грузинский народ усвоил их еще 2000 лет назад. Свидетелем тому был город Мцхета и его старейшина, встретивший хлебом и солью вышедших из Иерусалима евреев. Они и поныне живут там, хоть и множество изменений претерпел этот прекрасный народ, но идеалы человеколюбия и миротворчества в нем незыблемы.

Грузинский народ с гордостью может заявить: «И у нас были цари, духовенство, писатели, но у нас даже в помыслах никогда не было притеснять другие народы. В крови, пролитой в Европе, мы не замешаны». Вот таков народ той страны, откуда приехал наш гость».

В зале раздались бурные рукоплескания и возгласы: «Да здравствует грузинский народ! Долголетия и счастья грузинскому народу!» У многих в глазах блестели слезы, публика долго не могла успокоиться. Свое выступление генерал закончил словами:

«Дети мои, вот мой завет вам: пусть каждый из вас, как сумеет, выразит свою любовь грузинскому народу».

* * *

«На Кавказе, преимущественно в Кутаисской и Тифлисской губерниях, живет довольно многочисленная группа евреев, известная здесь под именем «грузинских евреев». Они называются так потому, что с незапамятных времен живут во владениях Грузии. Но не только местность дает им право так называть-

ся: такое право даёт им также известное сближение в бытовом отношении с коренными жителями Грузии — грузинами. Самый яркий признак сближения — заимствование грузинскими евреями у коренных грузин их языка и алфавита, которыми они пользуются в повседневной жизни своей», — читаем мы в одном из номеров журнала «Еврейский вестник» за 1915 год.

Эта выписка интересна тем, что автор ее, приехав из России и увидев положение евреев в Грузии, не смог скрыть удивления по поводу своеобразия грузино-еврейских взаимоотношений.

Здесь было бы кстати упомянуть и опубликованную в одном из декабрьских номеров газеты «Нью-Йорк Таймс» за 1979 год статью «Особое положение евреев в Грузии». Речь в ней идет об одной из литературных передач грузинского телевидения, посвященной средневековой еврейской поэзии. Казалось бы, что тут особенного — такие передачи мы не раз видели, но ведь в те застойные времена табуировано было даже упоминание о еврейской культуре, порой дело доходило до курьезов. Вот хотя бы такой пример:

«Профессора Авинера, как одного из признанных исследователей марксизма, в 1983 году пригласили в Москву на международный симпозиум, посвященный 100-летию со дня смерти Маркса. В московском аэропорту при проверке книг ему задали вопрос:

— Что это за книга?

— «Капитал» Маркса на еврейском языке.

— Нельзя провозить.

— Что значит нельзя? У меня ведь доклад именно на эту тему!

— Не имеет значения. Эта книга никому не нужна.

— «Капитал» Маркса не нужен никому?

— Раз он на еврейском, значит никому не нужен! — ответили ему».

(Газета «Самшобло», апрель, 1988 — выходит в Израиле на грузинском языке).

И вот грузинское телевидение за несколько лет до так называемой перестройки разорвало этот заколдованный круг, что и было отмечено зарубежными средствами массовой информации.

«Это была 50-минутная телепередача о средневековой еврейской поэзии. Время показа было специально назначено на вечер, когда большинство телезрителей сидит у экранов. Вся передача была проникнута симпатией и уважением к еврейской культуре, религии и народным традициям. Но это показывалось лишь по местному грузинскому телевидению, что указывает на особое положение евреев Грузии...»

Затем автор статьи несколько экзальтированно описывает эту передачу:

«...телекамера постепенно вводила нас в древний Иерусалим, один за другим сменялись библейские виды вечного города, крепостные стены и замки на склонах гор. Впечатление еще больше усиливали развалины древнего Храма и витражи Марка Шагала в одной из синагог нынешнего Иерусалима. Пение кантора сливалось с изображением Стены Плача, и на фоне всего этого актриса проникновенно читала стихи жившего в Испании XI века еврейского поэта Иехуды ха-Леви.

— Это песнопение Сиона, — пояснил один из гостей, представившийся сефардским евреем, т. е. евреем неашкеназского происхождения, потомком того иудейского племени, чьи гонимые предки двадцать шесть веков назад подошли к воротам Грузии...» («Нью-Йорк таймс», 1979 г., 12 декабря).

Двадцать шесть веков! Шестой век до нашей эры...

Но до той поры евреям предстояло еще пройти долгий исторический путь — принять учение Торы, слиться в единый народ, двинуться войной к земле Ханаанской, сокрушить стены Иерихона, осесть на земле своих предков и, создав могущественное государство израильтян, поднять на небывалую высоту словесность древнего Востока и его философско-поэтическую культуру, испытать годы величия и унижения, расцвета и упадка.

Пока же они, палимы зноем пустыни, ропща и стеная, проторяют себе путь к Земле Обетованной...

Деяния и устремленность их предводителя не остались незамеченными для жителей древней Грузии. Вот, что читаем мы в «Картлис цховреба» («Жизне Грузии»): «И пришла весть о том, что Моисей пе-

решил море израильтян (так упоминается в летописи Чермное море — Прим. пер.)... и дивились всяк и каждый язычник и воздавали они хвалу Богу израильскому».

А Бог этот, согласно Библии, явился Моисею впервые близ горы Хорив в терновнике:

«И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает.

Моисей сказал: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает?..»

Этот библейский эпизод позднее получил аллегорическую нагрузку, а Неопалимая Кутина, как символ еврейского народа, запечатлелся в сознании последующих поколений.

«Господь, показав Моисею пылающий куст, как бы сказал ему: так же, как не сгорает куст этот, хоть и объят он пламенем, так и врагу не дано сокрушить детей Израилевых».

Таков комментарий Талмуда...

И действительно, не раз потомки Израиля были охвачены огнем, не раз их громили и притесняли, но, как показали последующие события, народу Израиля не было суждено физическое уничтожение. На обелиске победы, возведенном египетским фараоном Мернептахом еще до нашего летоисчисления, были высечены слова, датированные 1230 годом:

«Ханаан и все его злодейское население покорены; Ашкелон взят, Гезер — в наших руках, а Израиль полностью уничтожен. Даже следа его не осталось на земле».

И это было сказано в 1230 году до нашей эры.

С тех пор возникло множество стран и народов. Великие империи рождались и исчезали с лица земли, а народ Израиля каким-то чудом уцелел в урагане веков, уцелел, чтобы донести до наших дней десять Божественных заповедей, ставших жизненной основой для последующих поколений всех времен: «Не убий!», «Не прелюбодействуй!», «Не укради!», «Почитай отца твоего и мать твою!», «Не сотвори себе кумира!»...

«Не сотвори себе кумира!»

Возможно, история человечества пошла бы совер-

шенно иным путем, если бы жители Земли этой древней библейской заповеди..

Между тем, на протяжении всей своей истории человек неустанно пытается создать нечто превосходящее его самого, ибо, размышляя о бытии своем и о бренности мира, он испытывает время от времени неодолимые сомнения — «Суета сует, все суета!» — и мучительно сознает то, что на заре новой Европы с убийственной жестокостью сформулировал Ницше:

«Человек есть то, что не состоялось».

«Человек есть то, что должно превозмочь...»

Под бременем этой трагической безысходности человек, ища спасения в бескрайнем мире, то с мольбой взирает на небо, то, разочаровавшись в прежних богах, придумывает себе сверхчеловека, которому до поры до времени рабски подчиняется. Наш двадцатый век, выпуская технократического джина, который в самой своей основе подавляет активность духа и ограничивает кругозор человека материальным, тем самым уготовил незавидную перспективу уставшему от тысячелетних забот и раздумий человечеству.

А из глубины веков до нас доносится древнееврейское предостережение: «Не сотвори себе кумира!».

И вновь обратимся к Захарию Чичинадзе:

«Грузины проявляли к евреям большое почтение, всегда чувствовали себя в нравственном долгу перед ними, ибо Багратионов считали их потомками. Хорошо понимали грузины и то, что к евреям принадлежали Моисей, Давид, сам Иисус, Богородица и все апостолы»...

Да, еврейский народ помнит годы величия, помнит библейских патриархов, псалмопевца Давида и Соломона Мудрого, но помнит он также погромы и гонения.

С какой-то фатальной закономерностью бедствия обрушивались на евреев в один и тот же день. День этот 9-е ава по еврейскому календарю (ав — 11-й месяц еврейского календаря: июль—август), по-еврейски, «тиша-беав».

В этот день вышедшим из Египта евреям («поколению пустыни») было знамение свыше, что не достичь им Земли Обетованной («В этой пустыне падут

ваши трупы»), ибо усомнились они во всемогуществе Господа, вняв уверениям лазутчиков, утверждавших, что попасть в «Страну молока и меда» невозможно.

В 9-й день ава был разрушен первый еврейский Храм (VI в. до н. э.).

Спустя семьдесят лет Храм был восстановлен, но через шесть веков, в этот же самый день был разграблен и второй Храм иудеев.

В день 9 ава пала последняя крепость восставших против римлян баркохбовцев (II в.).

За три года до восстания Бар-Кохбы войска Адриана надругались над Иерусалимом, перепахав всю его землю («Сион будет вспахан, как поле»), и Божий город превратили в город язычников.

9 ава 1290 года было начато массовое изгнание евреев из Англии.

9 ава 1306 года — массовое изгнание евреев из Франции.

В тот же день 1492 года из Испании было изгнано триста тысяч евреев.

Эта роковая дата не миновала евреев и в нашем веке.

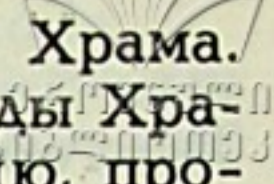
9 ава 1941 года: все еврейство Варшавы согнано в гетто.

Ровно через год, в этот же самый день, — гетто и все его обитатели сожжены в адском огне.

Таков неполный перечень трагических событий дня 9 ава...

Да, много мук и страданий выпало на долю еврейского народа в дни 9 ава, но самым тяжким и невыносимым из всех испытаний был день разрушения Храма, Храма, который в сознании народа олицетворял собой родину и целостность нации, а также воспринимался как символ связи с Богом. Храм этот был Божьим домом, или Святым домом (по-еврейски «Бет ха-Микдаш»), где находилось то, чему поклонялся каждый еврей: «святая святых». Римляне были поражены роскошью Храма, ибо, как позднее признает французский теолог Шарль Вагнер, ничто — «будь то Египет, Афины, Рим — не смогло бы сравниться с бессмертным великолепием Иерусалима».

По преданию, вид объятого пламенем Храма заставил содрогнуться даже самого Господа. И Он велел

ангелам спасти от огня хотя бы одну стену Храма. Ангелы с плачем опустились на пылающие своды Храма. Слезы их не давали более разгораться огню, проникали до самого основания, укрепляя стену и придавая ей твердость; так уцелела эта одна-единственная стена святейшего Храма «Бет ха-Микдаш», «Стена Плача», которая стоит и по сей день, как след былого величия, символ стойкости и несокрушимости духа вечного народа... А день разрушения Храма вот уже двадцать веков — день траура для иудеев всего мира. У евреев Грузии он называется днем «Плача Сиона», ему непременно сопутствуют повсеместная скорбь и печаль. В этот день скорбящие иудеи посещают могилы предков и родных. А в синагогах — читают «Плач Иеремии».

Предыстория же «Плача Сиона» такова:

В 586 году до нашей эры царь Вавилона Навуходоносор разгромил Иерусалим, разрушил первый Храм и уничтожил жителей Иерусалима, а тех, кто уцелел от огня и меча, захватил в плен и увез в Вавилон.

Сбылось пророчество Иеремии:

**«В то время, говорит Господь,
выбросят кости царей Иуды,
и кости князей его,
и кости священников,
и кости пророков,
и кости жителей Иерусалима —
из гробов их;
и раскидают их пред солнцем и луною
и пред всем воинством
небесным,
которых они любили
и вслед которых ходили,
которых искали и которым поклонялись;
не уберут их и не похоронят,
они будут навозом на земле»**

(Иеремия, 8, 1—2).

Когда по возвращении в Иерусалим пророк Иеремия увидел разгромленный и испепеленный Храм, он, по преданию, поднялся на гору, забросил в небо ключ от Храма и возопил к Господу:

«Боже Всесильный! Коль не смог я быть достойным Тебе верным слугою, то прими ключ от Храма Твоего!»

И опустился с небес Божий перст и принял ключ. Иерусалим — город Божий — разгромлен. Храм — символ единства народа, Храм — мост между землей и небом, связующий Израиль с Богом, — повержен. В отчаянии пророк взглянул на опустошенный город и горько заплакал:

«Как помрачил Господь во гневе Своем дочь Сиона! С небес поверг на землю красу Израиля...

Об этом плачу я, око мое изливает воды, ибо далеко от меня утешитель, который оживил бы душу мою».

Таково древнееврейское предание.

Оно рассказывает, что у развалин Храма сидит скорбящая тень пророка, в своей горестной литургии призывающая печальные души поверженных соотечественников. А из сумрачных окрестностей Картли белобородый поэт на рубеже тысячелетий вопрошает канувшего в бездонную палестинскую ночь пророка:

О ком твой плач, Иеремия,
Зачем посыпаешь ты голову пеплом,
Зачем оплакиваешь Иерусалим
и Храм Соломона?*

(Акакий Церетели)

В воображении поэта вновь и вновь возникает вечный призрак скорбящего Иеремии:

...Он скорбел так возвышенно,
Вопль мой — простолюдина,
Хотя у обоих у нас
Источник скорби — один...

У этой легенды есть и продолжение, еще более причастное к трагической реальности, пропитанное кровью и слезами тысячелетий...

...Иеремия с плачем последовал за плененными братьями, которых вели в Вавилон. Он пробирался

* Здесь и далее, где не указан переводчик, переводы стихов подстрочные.

узкими тропами и повсюду видел кровь убиенных иудеев; поравнявшись с пленными соплеменниками, связанными железной цепью, он тоже надел на себя кандалы и повесил на шею цепь. Навуходоносор пытался избавиться от упрямого старца, но ничего не мог с ним поделать. Когда подошли они к берегам Евфрата, Иеремия решил вернуться в Иерусалим, чтобы оплакать разрушенный город и утешить оставшихся в живых. Он простился с пленными и пустился в обратный путь. А покинутые Богом пленники, оставшиеся без Храма и пророка, сели у рек вавилонских и горько заплакали:

«При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе».

По преданию, Навуходоносор приблизился к скорбящим иудеям, призвал левитов, которые испокон веку пели и молились в Храме, и обратился к ним так:

«Готовьтесь! Этой ночью на пиру вы должны играть на арфах и петь израильские псалмы, как играли вы в Храме своем для Господа своего».

Содрогнулись левиты, посмотрели друг на друга: как это мы должны играть на арфах наших перед нечестивцами? — подумали они и повесили арфы на ветках вербы и переломали себе пальцы, чтобы не играть более на них:

«...На вербах посреди его повесили мы наши арфы. Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши — веселия: «пропойте нам из песней Сионских».

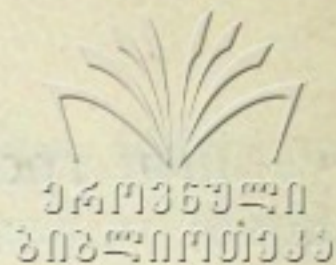
Как нам петь песнь Господню на земле чужой?
Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня, десница моя.

Прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего...»

(Псалтирь, 137)

Так причитали пленные иудеи на чужой земле. И плач их позднее разнесся по всему миру пронзительным воплем души, утратившей родину и свободу. В этом плаче Израиля почувствует боль своего народа и своей земли двадцатилетний Илья Чавчавадзе, когда будет переводить «Еврейскую мелодию» Байрона.

**Оплачьте тех, что плачут
У рек Вавилонских,
Оплачьте тех, чьи разрушены храмы...**

А какой глубокий подтекст содержит в себе его стихотворение «Подражание Гейне»:

**Далекий свет моей отчизны
Утраченной мне слаще жизни,
Тот свет, что озарял мне душу
В краю родном — во сне минувшем...**

В этой затаенной печали Гейне юный Илья усмотрел схожесть исторических судеб двух народов, и ему, готовому к борьбе за освобождение родины, в тумане забвения грезится древняя Грузия, по образу которой, по словам поэта, Грузию девятнадцатого века надо придумать и сотворить.

А до сотворения такой Грузии предстоял долгий тернистый путь; двадцатилетний Илья пока и мыслить об этом не мог, как не могли представить себе возрождения разгромленной родины покинувшие землю предков, распростертые ниц у стен Вавилона иудеи, с содроганием вспоминая ужасающую картину объятую огнем Иерусалима...

И в самом ли деле Бог отвернулся от избранного им народа, покинул Израиль и нарушил изначальный обет, данный устами пророка: «Я Господь, Бог их, — с ними, и они, дом Израилев — Мой народ...» И не нарочно ли подверг Он жесточайшему испытанию свой народ, чтобы в лабиринтах истории испытать его выносливость, убедиться в его способности к долготерпению?

Или, быть может, та первородная глина, в которую Бог вдохнул жизнь, создавая человека по образу и подобию Своему, показалась Ему замешанной наскоро, и Он доверил ее векам, дабы обожглась она как следует в полыхающем костре тысячелетий...

Обожженная в Господней печи глина выдержала испытание истории, начавшееся еще у рек Вавилонских...

Ничего не осталось у евреев от их бывшего величия: Божественный Храм Соломона, этот бесценный памятник искусства был превращен в прах и золу,

драгоценная золотая утварь — расхищена, наследие предков разграблено и уничтожено. Единственное уцелевшее сокровище — Библия, их «карманная родина» (Г. Гейне), благодаря которой тысячелетие спустя пророк мусульман Мухаммед назовет евреев «книжным народом» (по-арабски «ахл ал-китаб»). И вот, озаренный библейской мудростью, обогащенный историческим опытом тысячелетий народ, давно воспринявший идею единобожия («Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть»), — начинает свое великое странствие по миру и в поисках прибежища с затаенной надеждой подступает к воротам Грузии.

«Царь Навуходоносор поработил Иерусалим, и гонимые оттуда евреи пришли в Картли и попросили у мцхетского старосты землю под оброк. Дал он им ее и поселил над Арагви у родника, что зовется Занави» («Житие Грузии»)...

В этом мире возможно всякое, здесь родственные души «в пространстве чувствуют друг друга». И седой Кавкасиони еще задолго до появления здесь иудеев болью отзывался на плач и стенания простертого ниц у стен Вавилона племени:

От Вавилона
До Сиона путь недолог.
Дыханье Кидрона
Приносили с собой
Ветры пустыни...
И гордый Кавкасиони
Охранял
Железные врата своих народов.
Слеза всегда горька,
Но горше — слеза земли,
Когда сидели они у рек Вавилонских
Плача, как над покойником
Тысячелетним.
Причитаниям Аракса
Вторит Мтквари,
Приносит рассвет их,
Уносят закаты,
И стон раздается
О-о, Адонай!

(Тициан Табидзе)

Вторая волна евреев хлынула в Грузию в I веке нашей эры, когда Иерусалим во второй раз был разбит и уничтожен, на этот раз римским императором Титом Веспасианом, и евреи окончательно лишились Родины.

«Веспасиан, кесарь римский, разгромил Иерусалим, и гонимые оттуда евреи явились и сели рядом с потомками прежних евреев» (т. е. присоединились к потомкам бежавших от Навуходоносора евреев), — повествует «Житие Грузии».

К этому времени евреи уже шесть веков жили в Грузии (их называли «грузинскими евреями» или, как сказано в летописи, «уриями грузинскими») и, как видно, преуспели на общественно-культурном поприще. Завершались шесть веков с того времени, как измученные долгими скитаниями иудеи подошли к древнейшей столице Иберии и, осев в ней, обрели вторую родину, — возможно, город, расположенный на склонах гор, с первого же взгляда живо напомнил им родной Иерусалим. Основанием для этого предположения послужат дальнейшие события, когда Мцхета в жизни еврейской диаспоры Грузии выполнит ту же функцию, что и Иерусалим для евреев всего мира...

Мцхетские евреи поддерживали постоянную связь с Палестиной, «основная часть правления духовенства евреев Грузии располагалась во Мцхета» (З. Чичинадзе) и, очевидно, подобно другим евреям диаспоры, подчинялась диктату Иерусалима. Из Святой земли сюда часто приезжали служители еврейского культа, т. н. «шалиахи», которые привозили с собой землю с могилы библейской Рахили и раздавали ее тоскующим по родине соотечественникам. Эта земля, как свято верили люди, была «Божественной землей», и если бросить горсть ее в могилу, то до прихода «Машиаха» (Мессии), т. е. до воскресения из мертвых, тело усопшего сохранится нетленным. Верующий иудей с благоговением покупал эту освященную горсть земли, олицетворявшую для него утраченную родину, а при бракосочетании, во время возвышенного и торжественного ритуала венчания, произносил, как клятву: «Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня, десница моя», в синагоге же, склонившись в молитве, лицом к Иерусалиму, обращаясь к Всевышнему, обе-

шал: «Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь!..».

Древний ритуал приношения родной земли напомянит о себе уже в наши дни, когда часть грузинских евреев, покидая Грузию, направится к вечному городу — Иерусалиму; тогда и сомкнется прошлое и настоящее, овеществится история и, говоря словами поэта, «замкнется связь времен»; и вот уже покидающие Грузию евреи пригоршнями увозят грузинскую землю так же, как их гонимые предки везли ее из разгромленного Навуходоносором Иерусалима! В обоих случаях это зов родной земли, неосознанная боль разлуки с родиной. А любовь к родине для народа, создавшего Библию, издревле считалась наиболее возвышенным, наиболее Божественным чувством, что нашло свое отражение уже в самой лексике еврейского языка: человека, прибывшего на Землю Обетованную, называют «оле», что по-еврейски означает «возвысившийся»; проживающего же вдали от родины — «йоред», «опустившийся». Эта лексическая особенность находит подтверждение и в библейских текстах, что так или иначе нашло отражение в разных переводах Священного Писания и прочно утвердилось в повседневной разговорной практике евреев. Постоянная связь с Иерусалимом давала возможность грузинским евреям вовремя узнавать обо всем происходящем на Святой земле и реагировать на те или иные события: «Каждый удар пульса в Иерусалиме вибрировал во Мцхета», — отмечает в журнале «Пастырь» за 1888 год известный грузинский священнослужитель, в последующем католикос-патриарх Всея Грузии Кирион II. И вот, во Мцхета прибыл вестник, поведавший здешним евреям, что в Иерусалиме появился человек, «называющий себя сыном Божьим», и что по велению иерусалимских первосвященников «мужами Великого Собраниа» будет совершен суд над Иисусом. Для участия в суде собрались в путь Лонгинос Карснели и Элиоз Мцхетели. Мать последнего, отправляя сына в дорогу, просила не становиться соучастником распятия. Благословила его мать и молила сына своего, чтобы он, прибыв в Иерусалим, не стал соучастником надругательства над Иисусом, чтобы увиделся с Ним и принял от Него благословение.

«Не соучаствуй в пролитии Его крови... молю тебя, сын мой, не соучаствуй!»

Отправились в Иерусалим Лонгинос с Элиозом и стали свидетелями распятия Иисуса.

«От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? То есть: Боже Мой, Боже Мой! Для чего ты Меня оставил?»

Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили: Илию зовет Он.

И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом, и, наложив на трость, давал Ему пить;

А другие говорили: постой; посмотрим, придет ли Илия спасти Его.

Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух.

И вот завеса в Храме раздралась надвое, сверху до низу; и земля потряслась; и камни рассеялись...»

Гул этот докатился и до Мцхета, и, услышав его, мать Элиоза возопила в скорби великой:

«Прощай, царствование Израиля!»

Причитала мать Элиоза, сам же Элиоз «покинул Иерусалим, взяв с собой хитон Господень», вернулся во Мцхета, и вышла навстречу ему сестра его Сидония, прижала к груди хитон Господень и тут же испустила дух. Весть эта сразу же облетела Мцхета, люди пытались разнять ей руки, высвободить хитон из оцепеневших пальцев, но не сумели и были вынуждены похоронить ее вместе с хитоном Господним. Прошло время, и на могиле ее выросло Божественное дерево— «животворящий столп» (свети цховели); на этом месте в четвертом веке была воздвигнута базилика. остатки которой и сейчас находятся в великолепном храме Светицховели.

Эта прекрасная легенда заслуживает всестороннего внимания; более же всего тем, что в фамильной хронике мцхетских евреев, переданной первосвященником Абиатаром, евреи Грузии не упомянуты как соучастники распятия («Когда Христа пленили в Иерусалиме, ни Элиоз, ни Лонгинос не были соучастниками пленения его»). Более того, как показали последующие события, история отвела им особую роль в деле распространения христианства в самой Грузии. Тут

мы уже, оставив мифы и предположения, можем при-
слушаться к авторитетным высказываниям ученых.

ИВАНЭ ДЖАВАХИШВИЛИ: «В окрестностях Картли был город Урбниси, и в городе Урбниси — еврейское поселение с молельней».

КОРНЕЛИЙ КЕКЕЛИДЗЕ: «Относительно евреев следует отметить, что, хотя в Грузии, в частности во Мцхета, евреев было много, они не только не противостояли христианству, а, напротив, даже подготовили почву для него; первых прозелитов христианство нашло в их среде, и они способствовали его распространению. Таковыми были, к примеру, Абиатар, Сидония и другие».

ПАВЛЕ ИНГОРОКВА: «Становится очевидным, что грузины и грузинские евреи сотрудничали друг с другом, в частности в области литературы; и, что интересно, — первоначально Библия была переведена на грузинский язык с еврейского...» И далее: «Тесное сотрудничество грузинских евреев с грузинами в области литературы, а также их вклад в дело развития грузинской словесности подтверждается хотя бы тем фактом, что Абиатар и вместе с ним еврейская женщина Сидония (дочь Абиатара) предстают перед нами как первые христианские писатели...»

ЗУРАБ КИКНАДЗЕ: «В Картли еще раз подтверждается генезис распространения христианства. Первые христиане вышли из среды евреев, первыми христианскими соборами стали синагоги, так как именно там было возможно проповедовать веру, семя которой заложено в религии Ветхого Завета, говоря словами Блаженного Августина: «Новый Завет хранится в Ветхом, Ветхий же проявляется в Новом»...

И далее: «Следует думать, что в Картли, как и в других странах, где расселялись евреи, синагога представляла собой общественный и религиозно-культурный очаг, в атмосфере язычества хранивший веру Ветхого Завета. Где, как не в среде евреев, могла встретить внимание и найти опору женщина-миссионер в языческой стране. Потому, разумеется, и обратилась она к синагоге, представлявшейся ей религиозным и культурным оазисом. Первым городом в Картли, где Нино какое-то время пробыла среди евреев, был Урбниси; о том, что еще в далекой древности в нем жило

иудейское племя, свидетельствует обнаруженный в тех местах в могильнике перстень с еврейскими письменами.

«И достигла я окрестностей Картли, — повествует Нино Саломе Уджармели, — города Урбниси, и увидела народ чужой, слугителя чужих богов, поклоняющегося огню, камню и дереву; и смутилась душа моя пагубой их, и пришла я в молельню иудеев, чтобы услышать язык еврейский, и была там один месяц и испытала силу страны этой».

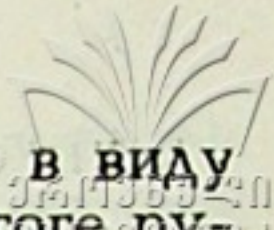
Миссия Нино закончилась блистательно. Слово ее проникло в мцхетскую синагогу и заложило основу общины христиан-евреев.

Первосвященник Абиатар уверовал в то, что эсхатологическое лицо Ветхого Завета — помазанник Божий (Христос), то есть Слово Божье, он же Сын Божий, явился прежде всего для того, чтобы спасти евреев. Поэтому он «без устали денно и нощно проповедовал учение Христа, восславляя Его...». И теперь уже оставшимся в старой вере «грузинским евреям» не было места в мцхетской синагоге. Событие, произошедшее в Иерусалиме, повторилось во Мцхета, в этом новом Иерусалиме евреев: «исход» иудеев из Мцхета был связан с консеκραцией синагоги в христианскую молельню, что в представлении евреев отождествлялось с разрушением их Храма. Мцхета была местом средоточия их, отсюда они расселились по разным уголкам Грузии, где исторически проживают и по сей день.

Таким образом, трагедия, разыгравшаяся несколько веков назад у стен Иерусалима, а именно то, что евреи, покинув родину, рассеялись по всему миру, — часто в разных вариациях повторяется на протяжении всей их истории...

Исходя из сказанного выше, можно заключить, что грузинские евреи как бы исполнили роль своеобразного медиума между идеологиями Ветхого и Нового Заветов.

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ: «После эпохи этого великого перелома в истории Грузии почти незаметны следы грузинских евреев, во всяком случае, в нас нет свидетельств их активного участия в социально-политической жизни нашего народа...»

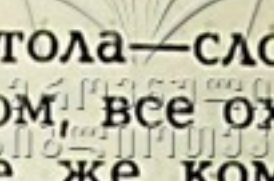

Говоря «почти», писатель, очевидно, имеет в виду обнаруженную в Лечхуми, в Лаилашской синагоге рукопись «Пятикнижия Моисея», которая, по мнению академика Георгия Церетели, датируется XI—XII веками, когда Грузия возрождалась в культурном и государственном отношении и, как видно, грузинские евреи также способствовали ее культурному ренессансу. Этой Библии, в течение веков хранившейся в еврейской общине, население приписывало чудодейственную силу, и евреи, равно как и христиане, благоговейно преклоняли перед ней колена.

Тут же следует сказать и о дошедших до нас двух трактатах на древнееврейском языке, выполненных или переписанных, должно быть, в 1207—1208 годах, предположительно караимами (восточными евреями), имевшими в эпоху царицы Тамар свои школы в окрестностях Гагра.

Только и всего. После этого о грузинских евреях в исторических хрониках на протяжении долгих столетий ничего не говорится. Возможно, это было обусловлено и своеобразием их жизни, подчинявшейся лишь своему строго регламентированному религиозному укладу. С того времени, как римляне разрушили Храм иудеев и попрали его Святая святых, дальновидные раввины сосредоточили все помыслы потерявшего родину народа на Мессии: веру в него и ожидание прихода его вынес с собой еще из объятых пламенем Иерусалима каждый еврей. По убеждению народа, Мессия родился в тот день, когда был разрушен Храм; ангелы вознесли его на небо, и он явится лишь тогда, когда отягощенному многочисленными войнами и грехопадениями человечеству будет более всего необходима его помощь, то есть, как говорил пророк Осия: «После того обратятся сыны Израилевы и взыщут Господа Бога своего...» Уповая на это, еврейское сознание обособилось от всех и вся, замкнулось в себе и осталось вне времени.

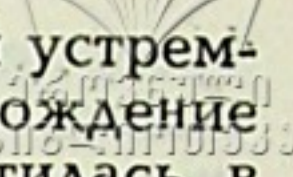
Этот дух, мне думается, своеобразно отображен на одном из полотен величайшего еврейского художника современности Марка Шагала. Картина называется «Революция». Художник изобразил «бурю обновления» — все как один, и стар и млад, поднялись на борьбу; в ряд шагают солдаты, тут же и вождь рево-

люции стоит вверх ногами у края длинного стола—словно балансируя над пропастью—одним словом, все охвачено революционным безумием; в центре же композиции вне этой суеты сидит уповающий на Господа раввин: сосредоточившись в себе, он смотрит в беспредельную даль, взор его устремлен в вечность. Эта тема, встречающаяся в той или иной вариации и в классической живописи, великолепно отражает своеобразие еврейского феномена, большей частью отмеченного активностью духовной жизни, что, со своей стороны, подразумевает относительную индифферентность к социально-бытовым явлениям.

В этом контексте интересен факт, имевший место, по преданию, во II веке нашей эры — во времена знаменитого восстания Бар-Кохбы: евреи восстали против беспощадной тирании римлян; к всенародному восстанию не присоединилась лишь малочисленная каста книжников-богословов. Озлобленный народ заклеймил их позорным именем изменников и даже хотел забить камнями, хотя, возможно, перед лицом истории они, эти книжники, по-своему были правы: они оттачивали в своих пещерах последние главы Библии и создавали мудрость Талмуда, ибо прекрасно понимали, что восстание изначально обречено на гибель, так как в Иудее того времени не было силы, способной противостоять римским легионам. Участию в бунте и опьянению хрупкой, недолговечной победой предпочли они нечто великое и вечное. И отвергнутые соплеменниками, вглядываясь в глубь веков, искали то нужное Слово, которому надлежало спасти дух народа. Наверное, нам, современным людям, погруженным в суету повседневности, или, как говорится, в «текущие процессы», такое понятие гражданственности покажется несколько чуждым и неприемлемым, однако, факт остается фактом: восстание это, как и другие, подобные ему, было подавлено, а уцелевший благодаря Слову народный дух помог евреям, потерявшим 2000 лет назад родину, вновь обрести ее. Имея в виду именно эту миссионерскую роль Слова, Генрих Гейне восторженно-благоговейно восклицает, говоря о Библии:

«Сколь великолепна эта книга! Гигантская и безграничная, подобно самой Вселенной, уходящая кор-

нями своими в первозданный хаос и вершиной устремленная в небесную лазурь! Восход и закат, рождение и смерть — вся драма человечества воплотилась в этой книге. Поистине, это книга книг!

Потеряв Иерусалим и Храм Божий, ковчег завета, золотую утварь и сокровища царя Соломона, евреи имеют нечто такое, что дает им утешение.

Все эти ценности ничто в сравнении с Библией — немеркнущим факелом, который, несмотря ни на что, народ сумел уберечь. Если не ошибаюсь, Мухаммед назвал евреев «народом книги», и так называют их и по сей день на Востоке. В этом титуле заложен глубокий смысл. Книга эта — их символ, все их достоинство, их повелитель, их счастье и несчастье. Они живут в этой Книге, обнесенные крепкой оградой, пользуются здесь своими неотъемлемыми гражданскими правами; здесь их нельзя презирать, отсюда их нельзя изгнать; здесь они величественны и всемогущи. Погруженные в изучение этой Книги, они почти не замечали перемен, происходивших вокруг них в реальном мире. Появлялись и исчезали народы, возрождались и угасали царства, по всему земному шару бушевали революции, — они же, евреи, все более углублялись в свою Книгу, даже не заметив, как пронеслись над ними ураганы веков...»

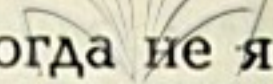
Послушаем Фридриха Ницше, который в преддверии двадцатого века острее всех сумел выразить трагедию усталой и расшатанной души человечества. С какой печалью говорит он о той первозданной, ныне утраченной гармонии, которой дышит Священное писание.

«В Библии, в этой книге Божественной справедливости, речь идет о народе, о предметах и мыслях таких возвышенных, что ни греческой, ни индийской литературе не под силу противопоставить ей что-либо.

И вот ты стоишь ошеломленный, переполненный чувством благоговения перед этими гигантскими останками, что некогда было человеком, и погружаешься в печальные раздумья над Азией Древнего мира...

Библия — это пробный камень, на котором проверяется все — и великое и малое».

Мыслители нового времени говорят о Библии, как о несравненном литературном памятнике; согласно же

традиции, для верующего еврея Библия никогда не являлась самостоятельной литературной ценностью, — она прежде всего была опорой религиозной жизни; этим обусловлено и своеобразное отношение к ее текстам: Библию читали и изучали в синагогах, раввины пытались постичь скрытую в ней истину, она была для них одновременно и философией, и историей, и законом о праве, и моральным кодексом. Говоря иначе, эта книга была образом жизни евреев, которому ни разу не изменили грузинские евреи, поскольку все традиционное, унаследованное ими от предков, в их представлении было овеяно древнебиблейским ореолом и озаряющим их еще со времен пустыни Божественным сиянием:

Илью, Моисея там встретишь,
Аарона увидишь, Исаию,
Скажи им, что нет на свете
Священной для нас писания,
Чем Ветхий Завет наших предков,
Что вечно пребудет с нами,
И что иудеи сеяли,
Пожали потом христиане.
И не тая всей правды
Скажи, что нам нет пощады.

Горечь апельсина
И цветок граната.

Скажи им, что разделены мы
То морем, то океаном,
Не светят Ершалаима
Ни солнце и ни луна нам,
И не ослепляет божественный
Блеск Соломонова Храма;
И только заповедь рода
Стала души бальзамом,
Хоть нету числа невздам
И неостывающим ранам.
Скажи, что нам хватит ада,
И попроси пощады...

Горечь апельсина
И цветок граната.

Неосознанное тяготение к религиозно-духовной жизни, столь знаменательное в еврейском быту, с особой ясностью проявляется в этих строках. Автор их — Акакий Церетели. Стихотворение называется «Еврейский плач-причитание в Грузии».

Вот так оплакивала свою злосчастную повседневность измученная душа Израиля и, устремляясь за священными призраками, погружалась в блаженные воспоминания. Воспоминания эти, однако, означали не возвращение к какому-нибудь конкретно-историческому прошлому, а нечто большее, вневременное, вечное; была в них какая-то неосознанная ностальгия, тяготение к истокам человечества, поиск той первозданной, ныне утраченной гармонии, которая настолько сокращала расстояние между Господом и человеком, что повседневность бытия согревалась мощным животворящим дыханием ветхозаветного Бога. А Бог этот не мог мириться с ограничениями во времени, так как время и неотделимая от него тленность в самой основе своей противоречили идее Его вечности и универсальности. Потому Бог, явившись впервые Моисею, сказал ему, пораженному божественным сиянием: «Аз есмь Сущий».

И этот вечносущий Бог, присутствие которого ощущал человек еще на заре библейского рождения, за грехи людские (первородный грех, грех Каина и жителей Содома и Гоморры) постепенно стал отдаляться от человечества, пока не достиг седьмого неба: таково мнение мудрецов Талмуда. «Господь нас оставил, расколол царство надвое и отдалил нас от Храма Господня, полностью пренебрегши родом нашим», — горестно произнесет утративший Бога иудей, устремляя к небу молитвенный взор:

**Крыло светозарное,
Опустись невиданной птицей,
Суть неземного яви мне впервые,
Чтобы, неведающему,
Тайну постичь мне.**

И хотя стараниями и усилиями пророков и праведников расстояние между человеком и Богом время от времени сокращалось, однако разыгравшаяся вследст-

вие тягчайших грехов человечества трагедия оказалась необратимой. И потому в этом необъятном мире не стихает вопль человеческого одиночества и бесприютности:

«Боже мой! Боже мой! Для чего Ты оставил меня!..»

И вот, чтобы вновь обрести Бога, восстановить потерянную с ним связь, древнееврейские мудрецы узаконили язык свой как сакральный, единственный и неповторимый, назвав его «лашон ха-кодеш», то есть «святой язык». Это язык Моисея и библейских пророков, язык псалмопевца Давида и Соломона Мудрого. Пользование им в повседневной практике было ограничено, он применялся лишь в богословско-литургических целях, предназначался для общения с Богом и говорить на нем в бытовых условиях считалось несколько неуместным. Кто знает, возможно, этой повседневной необходимостью и было вызвано возникновение второго еврейского языка — так называемого «идиш», сформировавшегося в средневековой Европе на базе разговорного немецкого языка и не имевшего почти ничего общего с возвышенным языком «лашон ха-кодеш», божественный статус которого должен был изначально быть святым и неприкосновенным. Это раздвоенное стремление к повседневно-бытовому и вневременному, преходящему и вечному, что, очевидно, лежит в самой основе еврейской души, четко проявляется и в противопоставлении двух культур — ивритской и идишской: первой были созданы Библия и Талмуд, каббалистически-мистические учения, «Зо-хар»; вторая же, в основном, отображает конкретные — ограниченные местом и временем явления. Наметилось два проявления еврейской души: конкретно-локальное и вневременно-космическое; оба они по сей день существуют параллельно, о чем свидетельствует творчество двух современных еврейских писателей: Шмуэля Агнона и Исаака Зингера; если видение первого обращено к вневременно-библейским первоисточникам, то творчество второго вдохновлялось, в основном, местечковым бытом и богатейшим народным юмором. Что же касается грузинского еврея, то он своим жизненным укладом более склонялся к первому, так как в его воображении, подобно

сновидению, запечатлелась память о том древнебиблейском образе, который он принес с собой две тысячи шестьсот лет назад в окрестности Мцхета.

«И сказал Господь Моисею: пойдя к народу и освяти его сегодня и завтра; пусть вымоют одежды свои,

Чтобы быть готовыми к третьему дню: ибо в третий день сойдет Господь пред глазами всего народа на гору Синай.

И проведи для народа черту со всех сторон, и скажи: берегитесь восходить на гору и прикасаться к подошве ее; всякий, кто прикоснется к горе, предан будет смерти;

Рука да не прикоснется к нему, а пусть побьют его камнями или застрелят стрелою; скот ли то, или человек, да не останется в живых. Во время протяжного трубного звука могут они взойти на гору.

И сошел Моисей с горы к народу, и освятил народ, и они вымыли одежду свою.

И сказал народу: будьте готовы к третьему дню; не прикасайтесь к женам.

На третий день, при наступлении утра, были громы, и молнии, и густое облако над горою, и трубный звук весьма сильный; и вострепетал весь народ, бывшие в стане.

И вывел Моисей народ из стана в сретение Богу, и стали у подошвы горы.

Гора же Синай вся дымилась от того, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась.

И звук трубный становился сильнее и сильнее. Моисей говорил, и Бог отвечал ему голосом.

И сошел Господь на гору Синай, на вершину горы, и призвал Господь Моисея на вершину горы, и возшел Моисей» (Исход, глава 19).

Да, в сознании грузинского еврея четко запечатлелся день, когда Господь явился его предкам в пустыне, ему словно и поныне слышатся слова пророка Моисея, с которыми обратился он к пораженным ослепительным сиянием Господа евреям во время принятия ими Торы: «Сегодня стали вы народом, ибо приняли Тору...» Тора — духовное учение.

Как видим, эта духовность еврейства, как единого народа, проявляется в самом генезисе его и несколько выходит за черту привычных для нас понятий — народ и национальное, — основанных на географически-территориальных или других локальных категориях...

Существует предание:

Наполеон имел обыкновение по вечерам, переодевшись простолюдином, прохаживаться по городу. Во время этих прогулок наведывался он и в еврейские кварталы. Однажды, выйдя на улицу, в один из таких вечеров он, как обычно, забрел в еврейский квартал и, к своему удивлению, застал его безлюдным. Повсюду, в какой бы дом ни заглянул он, двери оказывались на запоре. После долгих поисков и расспросов дошел он до синагоги и, бесшумно войдя внутрь, стал свидетелем удивительного зрелища: евреи со всего города, все как один, распростершись ниц, горько плакали.

— Какая беда вас постигла, о чем вы так тяжело скорбите?! — изумился Наполеон.

— Оплакиваем разгромленный Навуходоносором и Веспасианом Иерусалим, — пояснил один из старейшин.

— Как это, Иерусалим? — еще больше удивился император.

Тогда раввин, с вековой печалью в глазах, обернулся к непонятливому нееврею (по-еврейски: гой) и подробно рассказал ему историю разрушения Храма. Потрясенный услышанным, император воскликнул: — Поистине вы народ вечный, если способны переживать события двухтысячелетней давности так, словно это произошло вчера...

Глубокий символический смысл заложен в этой легенде.

Неоспоримо, каждого человека прежде всего интересует его сегодняшний быт, и современные, пусть даже самые незначительные явления будоражат наше сознание больше, нежели величайшие войны, бушевавшие тысячу лет назад, то есть, как говорил Гомер, «более всего сердце человеческое увлекает песнь, повествующая нам о недавно минувших событиях». Евреи в этом отношении составляют исключение, ибо

никакая музыка современных празднеств не услаждает им слух так, как звуки фанфар, под которые сплелася свой восторженный танец Мириам, когда пересекла Чермное море три тысячи пятьсот лет назад. Это состояние еврейской души — итог многолетнего опыта, ибо иудей с молоком матери впитывает мудрое поучение отцов: «В каждом поколении еврей должен видеть себя таким, будто он сам вышел из Египта».

Кто знает, возможно, такая наследственность и обусловила необычный хронометраж истории евреев...

А вот отрывок из грузинского романа, автор которого в поисках архетипов углубился в генеалогию своей фамилии и в далеких исторических пластах наткнулся на окаменевшую тень своего предка:

«575 год от рождества Христова. Июль месяц. Скончался князь Ирубак Ирубакидзе. Фамилию свою он унаследовал из Халдеи. Корень слова «Ирубак» — халдейский... Князь был высок ростом, красив глазами. Нос с горбинкой. Лоб открытый и высокий... Смотрел он как бы сквозь человека неопределенным взором. Был просвещен. Знал тайные науки: Моисея и Пифагора. Больше любил Моисея. Был горяч духом и нежен сердцем — как Моисей. Часто говорил: — Нет видения светлее Синайского. Нет гнева страшнее Моисеева, разбившего скрижали Завета. Нет большего испытания для народа, чем сорокалетнее странствие в пустыне. Нет проклятья страшнее Израилева... Нет скорби больше, чем не видеть и не смочь увидеть Земли Обетованной... Знал языки: еврейский и греческий. Больше любил еврейский. Часто повторял; С Богами можно говорить только на еврейском. Улыбку на его лице видели редко. Слез на глазах у него не видел никто. Но рассказывали: дети, заглядывая в его комнату сквозь щелку, видели — он плакал. Это случилось во время большой радости. Сочинял стихи. Вечно воспевал Моисея...».

Редко встретишь подобную апологию еврейской души. Слова эти принадлежат выдающемуся грузинскому писателю, которому — то ли это ирония судьбы, то ли превратности истории — долгое время приписывалось сотрудничество с фашистами.

Писатель этот — Григол Робакидзе.

Ничего не поделаешь, встречаются в истории и такие парадоксы.

Вспомним его же статью о спектакле «Ха-Диббук», поставленном в то время (начало 20-х годов) московским еврейским театром, где проявлено такое же отношение к еврейскому феномену; или хотя бы трансформированную в пассажах «Змеиной кожи» библейскую тематику, благодаря которой в сознание грузинского читателя так мощно входит звучание сакральной и магической еврейской формулы:

«— Руах Элохим...

— Руах Элохим?!

— Везде Руах Элохим... везде.

Словно молится то ли перс, то ли индус, то ли египтянин. Не прячет от лунного света веснушчатое, изрытое оспой лицо. Арчибальд Мекеш ошалело уставился на него.

— Ведь вы не еврей.

— Это мог почувствовать только еврей.

Руах Элохим: Дух Божий.

— Помнишь избрание Моисея Иеговой?

— Когда он из страны Мадиама направился в Египет.

— Именно... В пути его настиг Иегова и задумал убить... Что сделала тогда жена Моисея?

— Сефора обрезала своего сына и бросила обрезанное мясо Иегове.

— И что крикнула Сефора Иегове?!

— Не помню.

— Потом Иегова оставил Моисея в покое.

— Здесь вроде до конца высказанная тайна...

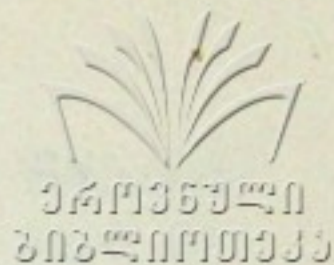
— Это учение израильское: Канту его не понять.

Слово Сефоры побеждает всего Гегеля...»

«Руах Элохим» — Дух Божий.

Именно на обретение этого Духа было направлено отягощенное апокалиптическими видениями сознание средневекового еврея, оставившего позади историческое детство и отрочество, остро переживавшего отдаление от своих истоков. В этом контексте, возможно, определенные ассоциации вызовет фрагмент одного из стихотворений пишущей на немецком языке еврейской поэтессы Нелли Закс, посвященного библейскому царю Давиду:

Тогда воздвиг он этот Дом псалмов:
Молящимся — пристанище в ночи,
Чтоб боль от нанесенных ран в пути
унять.

Именно в построение Дома псалмов каждый еврей внес свою лепту, пытаясь заглушить боль от нанесенных ему на протяжении исторического пути ран. Этот Дом псалмов был надежно защищен от внешнего мира, и в нем еврей чувствовал себя спокойней и безмятежней, ибо, исходя из той же «Псалтири», — «лучше уповать на Господа, нежели надеяться на князей». Поскольку речь зашла об этом, добавим, что та же «Псалтирь» отнюдь не была привилегией одних лишь евреев, христианская церковь также объявила ее своей святыней, а народ древнейшей христианской культуры — грузины еще в древности, наряду с Новым Заветом, создали прекрасные переводы книг Ветхого Завета, открыв тем самым двери древнееврейской культуре. Достаточно вспомнить великолепную грузинскую гимнографию, не говоря уже о поэме «Витязь в тигровой шкуре», в которой с избытком нашла отражение библейская печаль из-за преходящности, бренности всего земного и четко просматривается извечное стремление лучших сынов человечества к построению идеального общества, отмеченного первозданной благостью и гармонией (Исаия: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их»). «Витязь в тигровой шкуре»: «Жили мирно в их владеньях и коза и хищный волк»); следовало бы также отметить и «Покаянный канон» — поистине блистательное поэтическое творение Давида Строителя, который (а это также знаменательно), будучи Багратиони, считал себя потомком библейского царя Давида. Какой поистине библейский, псалмовый вопль звучит в его строках, какая истинно Екклесиастова боль выражена в них, когда царь-поэт в своих раздумьях над смыслом мироздания за земной юдолью и призрачным величием усматривает лишь трагедию человеческого бытия.

Когда настанет время
бурных возмущений стихий,
когда минует пора
царского владычества,
когда угаснет царей величие,
изживутся радости
и поникнут цветы,
другой примет скипетр,
за другим последует войско,
тогда помилуй меня,
о, судия мой!

(«Покаянный канон», песнь XIII)

«И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: «нет мне удовольствия в них!»

Доколе не померкли солнце и свет и луна и звезды, и не нашли новые тучи вслед за дождем.

В тот день, когда задрожат стерегущие дом, и согнутся мужи силы; и перестанут молоть мелющие, потому что их немного осталось; и помрачатся смотрящие в окно;

И запираются будут двери на улицу; когда замолкнет звук жернова, и будет вставать человек по крику петуха и замолкнут дочери пения;

И высоты будут им страшны и на дороге ужасы; и зацветет миндаль; и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы;

Доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем.

И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, который дал его.

Суета сует, сказал Екклесиаст, все — суета!»

Оба плача царей-поэтов — Давида Строителя и библейского Соломона исполнены трагизма человеческого бытия, выраженного с таким же поэтическим вдохновением, что и этический идеал их, ибо, как известно, познание бытия — не что иное, как осознание и осмысление миссии, с которой приходит человек

в этот мир. И как созвучно им восклицание Бараташвили: «Но коли мы людьми зовемся, чадами мира сего, должно внять нам Создателю...»

Известно — мало кому удалось увековечить свой народ такими бесценными памятниками, какие были созданы Соломоном Мудрым, царем Израиля X века до нашей эры, и Давидом Строителем — царем Всея Грузии. Проникнутые печалью их строки ассоциируются с ритуалом древних египтян: в разгар веселого пиршества среди праздничной трапезы они ставили человеческий череп, чтобы задумавшись о неотвратимости смерти (Memento mori — Помни о смерти!), пирующие острее ощутили всю прелесть уходящего мига...

* * *

Так по извилистым тропам истории шагают бок о бок две родственные души, одна — иудейская, другая — христианская, но корни обеих уходят в древнейшие века, память о которых прочно вошла в их плоть и кровь. Если для еврея библейский царь Давид — символ величия и божественности и при упоминании его имени («Давид ха-мелех») он всякий раз вкладывает в него глубокий, сакральный смысл, то грузинские пари — Багратиони — считают себя потомками пророка Давида, и на митре католикоса-патриарха Всея Грузии изображен щит Давида, так как сам помазанник Божий, то есть Мессия (евр. «Машиах», греч. «Христос») принадлежал к ветви Давида, как об этом сказано в Евангелии от Матфея — «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова».

И идут они рядом, как одна плоть и кровь — со своей общей судьбой, общими слезами, общими думами и общей болью. Одинаково оплакивают поруганные храмы и вырубленные виноградники, ведь и любовь к лозе у них выражена общей символикой. Если лоза для иудея — традиционный символ еврейского народа («Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев, и мужи Иуды — любимое насаждение Его», Исаия. 5.7) и олицетворение чего-то самого святого и возвышенного («...поставили меня стеречь виноградники, — моего собственного виноградника я не сте-

регла», — в этих строках библейской «Песни Песней» более поздние еврейские теологи вычитают (боль плененного Израиля, вся же поэма будет воспринята в виде диалога Израиля с Богом), то для грузина-христианина лоза — олицетворение Спасителя:

**Ты есть виноградник, вновь расцветший,
Саженец благодатный, Эдемом возвращенный,
Тополь благоуханный, из Рая вышедший,
Богом украшенный, несравненный, хваленый,
Ты есть само солнце сияющее.**

Так воспеваает Христа-Спасителя царь Деметре, сын Давида Строителя, которого доблестный отец прославляет и превозносит в своем «Завещании»: «...сын мой Деметре мудростью, святостью, статью и бодростью превыше меня...».

Это пора, когда границы Грузии простираются от Никопсии до Дербента, власть ее признана во всей Передней Азии, ключи от Голгофы и храма Гроба Господня в руках у грузинских монахов, и грузинские всадники с развевающимися знаменами Багратиони входят в Иерусалим. Сам же Иерусалим для грузинских христиан, равно как и для верующих иудеев, испокон веку был связан с чем-то самым святым и заветным, ибо здесь чаяли увидеть они Гроб Господень, сюда стремились грузинские цари и знать, здесь они воздвигали церкви-монастыри и, если верить легенде, именно в монастыре Святого Креста (Джвари) доживал свои последние дни Шота Руставели...

Кто знает, возможно, и прах великой царицы Тамар покоится где-то здесь. Во всяком случае, грузинскую общественность уже давно будоражит одно из сведений французского рыцаря-крестоносца Гийома де Бюа, согласно которому Лаша Георгий перенес останки царицы из Гелати в Иерусалим.

«Царь их (речь идет о Лаше Георгии. — Дж. А.), шестнадцати лет — равен Александру по силе и благородству, но не по вероисповеданию. Этот юноша берет с собой останки матери, могущественнейшей царицы Тамар, которая еще при жизни приняла решение посетить Иерусалим, в случае же смерти своей завещала сыну перенести прах ее к Гробу Господню.

И вот он задумал исполнить желание матери и перенести ее в Святой город с позволения или без позволения язычников».

Таков текст письма французского рыцаря (письмо хранится в Парижской государственной библиотеке, написано на латыни, переведено на грузинский З. Авалишвили и опубликовано в 1929 году).

Если это сведение найдет подтверждение, Грузия обретет на древней земле Палестины еще одну святыню.

* * *

Поистине, это была пора величия и расцвета Грузии. В возрожденном Давидом Строителем Тбилиси жили люди разных национальностей и верований — все они имели религиозную автономию, но, как правило, подчинялись наивысшим интересам Всея Грузии. В этой всеобщей государственной гармонии и евреям, безусловно, было отведено подобающее место, хотя об этом не сохранилось почти никаких исторических справок. Возможно, «кровавые» дожди, низвергавшиеся на Грузию в течение веков, стерли их с лица земли...

Однако там, где безмолвствует история, глаголет народная память; в легендах и устных преданиях нет да промелькнет упоминание об иудеях Грузии. Вот одно из этих преданий, записанное в прошлом веке Рафиэлом Эристави и Гюставом Радэ:

«Когда царица Тамар отправилась в Хевсурети, ее сопровождал еврей по имени Бисо. Этот Бисо во время своего пребывания в Хевсурети заболел, а выздоровев, уже не вернулся к себе на родину. По мнению хевсуров, сегодняшние бисойцы происходят от того самого Бисо»*...

Сам факт существования легенды является неоспоримым свидетельством толерантного отношения грузин к евреям в тот период; когда по всей Европе преследовали и громили евреев, всячески пытались отторгнуть и изолировать их, грузинская легенда вводит в свиту причисленной к лику святых, солнцеликой ца-

* Бисо — деревня в Хевсурети.

рицы Тамар иудея и отводит ему роль родоначальника грузинской деревни...

ЯКОВ ГОГЕБАШВИЛИ: «В Грузии издавна жили евреи, но даже в средние века не были они притесняемы грузинами, а еврейских погромов, так часто происходивших и поныне происходящих в Европе, никогда не случилось в Грузии. Евреям Грузии цари доверяли даже трудные дипломатические дела» (Газ. «Иверия», 1901 г., № 2).

ЗАХАРИЙ ЧИЧИНАДЗЕ: «Как повествует «Житие Грузии», зажиточный тбилисский торговец, известный Занкан Зоровавель, воспринимается нами как еврей, об этом свидетельствует само имя его...»

Очевидно, под этим «именем» автор подразумевает библейского Зоровавеля, который, согласно Ветхому Завету, предводительствовал соплеменникам, освобожденным из вавилонского плена, и руководил восстановлением второго Храма, ибо, как говорит Господь, «руки Зоровавеля положили основание Дому сему: его руки и окончат его...» (Пророчество Захарии, 4, 9).

ГЕРОНТИЙ КИКОДЗЕ: «Свидетельством тому, сколь почитаемы были торговцы во времена Тамар, может послужить тот факт, что за первым женихом Тамар для сопровождения его в Грузию придворная знать отправила крупного купца, некоего Занкана Зоровавеля» (Газ. «Сахалхо пурцели» («Народный листок»), 1915 г., 9.IV, с. 3—4).

По-видимому, Г. Кикодзе, проявляя осторожность, не указывает на происхождение крупного тбилисского торговца, который, согласно «Житию Картли», привел к царскому двору Грузии первого жениха царицы Тамар — «юношу благоликого, статного и происхождения знатного». Не будем говорить, какую «пользу» принес этот «благоликий» грузинскому царскому двору и Грузии вообще, но еврей-торговец (если довериться Захарью Чичинадзе) с честью выполнил порученное ему царским двором дело.

«Нигде вы не встретите свидетельств того. — продолжает З. Чичинадзе, — что грузинские евреи когда-либо предавали Грузию... что они передавали вражеским государствам какие бы то ни было сведения

о ней, хотя они часто имели такую возможность, поскольку, занимаясь торговлей, путешествовали по разным странам...»

Далее: «Грузинские евреи путешествовали в Поцхови, Кваблиани, в Чилдирском ущелье, Джавахети, и повсюду с грузинами-мусульманами говорили по-грузински. Должен сказать, что даже там, где грузинский язык еще издревле был вытеснен и отброшен, грузинские мусульмане не забыли своего языка... В этом большая заслуга грузинских евреев».

Как видим, грузинские евреи внесли своеобразную лепту в сохранение языкового и территориального статуса юга Грузии. Раз уж речь зашла о грузинских мусульманах, то, опережая события, приведем некоторые документы, которые свидетельствуют о верности грузинских евреев грузинским христианам в сложном и болезненном вопросе их взаимоотношений с грузинами-мусульманами.

Газета «САКАРТВЕЛО», 1918 г.: «7 января местными христианами-грузинами и евреями было проведено общественное собрание. Выступили ораторы от всех партий по вопросу, касающемуся предпринятой мусульманами осады 28 и 29 декабря. Целью собрания было выяснить, какие меры следовало принять в отношении соседних мусульман, дабы в будущем избежать возможного кровопролития, спасти южную часть Грузии от катастрофы и, таким образом, принятым в Тбилиси решением обеспечить целостность Грузии... Собрание вынесло резолюцию о том, что грузины-христиане сегодня желают установить с грузинами-мусульманами добрососедские отношения; решено было основать Интерпартийный совет. Выборы в президиум были проведены на следующий день. На собрании председателем Интерпартийного совета был избран М. Квалиашвили. Его товарищами — М. Канделаки и раввин Давид Баазов».

Генерал ШАЛВА МАГЛАКЕЛИДЗЕ, Чрезвычайный военный уполномоченный Временного правительства России в мусульманской Грузии в 1917—1918 годах:

«С духовным наставником еврейского населения города Ахалцихе и его уезда Давидом Баазовым я лично встретился в начале 1917 года. Этот необычайно эрудированный общественный деятель, личность, име-

ющая глубокие познания в вопросах религии, проповедовал в Ахалцихе в период после Февральской революции, когда династия Романовых отошла в область преданий.

Населяющие Кавказ мусульмане были встревожены, и их тяга к Оттоманской империи, хотя бы в образе Анкары, превратилась в важный фактор.

Так христианское население Ахалцихского уезда оказалось в тяжелых условиях.

Подстрекаемые турецкими агентами, местные грузинские мусульмане-беги всячески пытались оказать услугу единоверцам-туркам. Активнее всех действовал атабаг Сервер-бег, принц Коблиани, как его называли, сын и наследник Фейзуллы-паши, правителя Самцхе-Саатабаго.

В своих претензиях Сервер-бег зашел так далеко, что даже учредил временное «Юго-западное Карсское правительство», намереваясь подчинить ему и Самцхе-Саатабаго.

Сформировав вооруженные турецко-курдские отряды, Сервер-бег в первой половине 1918 года неоднократно пытался путем набегов на расположенные в мусульманской Грузии грузинские войсковые части отторгнуть эту территорию от матери-Грузии.

Грузинскому населению в эти роковые дни необходим был покровитель, и таковой нашелся. Им оказался Давид Баазов. Пользуясь большим авторитетом в мусульманских кругах, находясь в особо дружеских отношениях с кази Али-эффенди, верховным священнослужителем Мухаммеда в Ахалцихе и его уезде, Давид Баазов сумел путем посредничества и переговоров спасти от смерти многих христиан. Этим он прославил и возвысил и местное еврейство, будучи его покровителем и предводителем. Большой вклад внесен им в дело защиты интересов грузинского народа, особенно в период разгула мусульманских орд в районах Ахалцихе, Ахалкалаки, Поцхови» (Сборник «Давид и Герцель Баазовы», Иерусалим-Тель-Авив, 1976 г.).

О евреях Ахалцихе существует еще одно предание, которое приводит Захарий Чичинадзе в своей книге:

«В XVII веке ахалцихские евреи были призваны на войну; на призыв они откликнулись с большой готовностью и вскоре после приказа отправились в назначенное место, но правитель Грузии передумал посылать их на войну, объясняя это тем, что евреи ведают торговлей и что их следует освободить от военной службы. Евреи сперва воспротивились этому приказу, посчитав себя уязвленными, и обратились к атабагу: — Господин наш, положишься на нас в делах военных так же, как полагаешься в торговле. Ведь это оскорбительно. Разве не сможем мы защитить себя и дом свой, возможно ли такое?!

Мы, — сказали они, — считаем себя в долгу перед страной, в которой живем. — После долгих переговоров евреи все-таки вняли совету и решили вернуться домой, не забрав ничего из того, что принесли с собой; пожелав воинам возвращения с победой, они так обратились к атабагу: — Поскольку вы цените и оберегаете торговый люд, и мы ответим на добро добром, вернемся домой и пришлем вам на поле брани все необходимое.

Они выполнили обещанное: вскоре армия получила несколько десятков ароб со всевозможными товарами и продуктами, все это, безусловно, было принято с большим почтением и благодарностью. Весть об услуге евреев облетела всю Грузию, все прославляли их. Так полезны были евреи Грузии...»

В феодальной Грузии евреи большей частью занимались торговлей. В экономическом отношении они делились на три основных слоя: крупных торговцев, купцов средней руки, мелких торговцев. Позднее они занимались также кустарным производством и ремесленничеством. Крепостные же евреи и землю обрабатывали, и виноградники насаждали, и сеяли, и пахали; но что касается каких-либо следов четко выраженного иудейского движения или иерархии служителей культа, по сведениям Венъямина Тудельского (еврейский путешественник XII века), их в феодальной Грузии не наблюдалось; так, собственно грузинская церковь не проводила антииудейской пропаганды, «вся антиеврейская религиозная полемика, существующая на грузинском, полностью переведена с других языков» (К. Кекелидзе). Церковь, можно сказать, от-

носилась терпимо к грузинским иудеям и социальной почве для какой-бы то ни было оппозиции со стороны евреев, пусть даже религиозной, здесь не существовало. Когда же дело касалось обновления интерпретации канонов веры, назначения служителей культа или же решения всякого рода культово-юридических вопросов, грузинские евреи подчинялись еврейским академиям Багдада, получая оттуда соответствующие советы и указания.

«С землей Грузии грузинский еврей был связан и слит так же, как и сам грузин. Таким было прошлое евреев в Грузии и таковым является их настоящее. Следует отметить, что о положении грузинских евреев было известно учителям их веры почти во всех странах, начиная с Иерусалима, за что и были они благодарны грузинским царям и правителям. Многие раввины и первосвященники благословляли в своих молитвах грузинский народ, упоминая его перед другими народами как нацию образцовую и достойную подражания в своем сострадании к евреям. Таково было положение евреев Грузии до рождения Христова и после, до XIX века (разговора о XIX веке автор избегает — утверждение самодержавия в Грузии дало «некоторые» плачевные результаты — Дж. А.). Вот такой достойный подражания союз был у них с грузинами, как они прославляли и почитали грузин, так и грузины поддерживали и опекали евреев» (З. Чичинадзе, там же).

И грузинский еврей, видя к себе такое отношение, ощущая свою ничем не скованную личностную автономию, в свою очередь, также служит верой и правдой доброжелательному народу и его стране. В любом деле — будь то ремесленничество, земледелие или, тем паче, торговля, он старается поступать по совести, как велит ему непреложный закон чести и верности, завещанный библейскими предками, и неписанный кодекс порядочности, превращенный в норму бытия в древней Грузии:

«Грузинский еврей всячески избегает бесчестных поступков в торговых делах. Его это коробит, пугает и, кроме всего прочего, он заботится и о душе. Если где-нибудь еврей совершит нечто постыдное, например, притеснит кого-либо, то поступок этот огор-

чит раввина; узнав об этом, раввин пристыдит его и, если сочтет нужным, заклеит позором и даже проклянет.

Поэтому-то грузинские евреи избегают притеснения и угнетения неимущих в денежных или каких-либо других делах, часто дают займы; оказать человеку помощь считают делом богоугодным. Твердо знают, что нуждающемуся надо помочь, и поэтому у них нет никакого желания притеснять угнетенных».

Исходя из слов З. Чичинадзе, можно представить нравственный облик грузинского еврея, обозначившийся за двадцать шесть веков общения с грузинским народом. И действительно, как говорил мудрый Илья, «редко встретишь народ, с которым евреи были бы совместимы так, как с грузинами... Евреи с давних времен и по сей день пользовались и пользуются теми же правами, что и христиане...» (Журн. «Иверия», 1881 г., № 6, с. 136).

Интересно, а как в это же время живут евреи в других странах? К сожалению, судьбе их не позавидуешь. Конечно, это не означает, будто весь мир был только тем и занят, что преследовал евреев, и на протяжении веков у человечества не было другой «радости», как громить их. Отнюдь. Будь это так, то рассеянные по разным странам евреи не смогли бы ни выжить физически, ни создать ту благодатную культуру, которой справедливо гордится все человечество. Достаточно вспомнить хотя бы средневековую Андалусию, не говоря уже о других европейских странах (для статистики: евреи составляют примерно 0,036 процента от всего населения мира, между тем, по данным 1986 года, 22 процента лауреатов Нобелевской премии — еврейского происхождения). И все-таки, это всего лишь короткие передышки в марафоне истории.

ДРЕВНИЙ РИМ. Во времена правления Калигулы (12—41 гг.) по повелению властей в еврейской молельне ставят изваяние обожествленного императора, что является неслыханным надругательством над иудейской верой: ведь Богом Ветхого Завета запрещалось поклонение кому бы то ни было, кроме Бога. Рассвирепевшие верующие разнесли статую вдребезги, что послужило поводом к массовой резне евреев.

Спустя немного времени после этого, правители Египта обнародовали эдикт, согласно которому евреев лишали гражданских прав и объявляли вне закона. Тот же эдикт запрещал евреям соблюдать ритуальный день субботы. Евреев забивали камнями, жгли на кострах, распинали на крестах. По приказу властей на одном из театральных представлений на глазах у всего народа перерезали горло тридцати восьми старейшинам еврейской общины.

В 135 году император Адриан запретил евреям соблюдать ритуал «брит мила» (обрезание).

А в это время во Мцхета и Урбниси в иудейских молельнях («Багини») молитвы читают «на языке еврейском», права Моисеевой веры незыблемы, прочны и неприкосновенны...

АНГЛИЯ. В 740 году архиепископ Йорка издает закон, запрещавший христианину переступать порог еврейского дома и принимать участие в его трапезе.

Считалось недопустимым для христианина мыться в одной бане с евреем.

Евреев исключали из торгово-ремесленнических объединений и пускали по ветру все их движимое и недвижимое имущество.

Разрешались вымогательство денег у евреев, погромы.

В 1189 году в день коронации Ричарда Львиное Сердце в Лондоне и других городах Англии громили евреев.

В 1290 году евреи были изгнаны из Англии.

Лишь в XVII веке в эпоху Оливера Кромвеля появилась возможность их возвращения, что скорее было продиктовано экономической необходимостью, впрочем под давлением предводителей церкви это решение так и не было санкционировано...

Неудивительно, что Шекспир создал свой знаменитый, исполненный сочувствия монолог:

«Да разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не студят его те же лето и зима, что и христианина? Если нас уколоть — разве

у нас не идет кровь? Если нас пощекотать — разве мы не смеемся? Если нас отравить — разве мы не умираем? А если нас оскорбляют — разве мы не должны мстить?» («Венецианский купец»).

На фоне всех тех трагедий, которые пришлось пережить евреям в средневековой Англии, доброжелательное отношение современных британцев к евреям, к сожалению, подобно лампаде, светящей в спину идущему, даже несмотря на известные слова сэра Уинстона Черчилля: «Мы решительно отвергаем те «научно обоснованные», вымученные басни о том, что Моисей, якобы, был всего лишь мифической личностью, которому народ приписал свои каноны, социально-этические и религиозные принципы. Мы верим, что даже с самой новейшей научной и рациональной точки зрения более всего приемлема библейская история о Моисее в самом прямом ее смысле, а также признание Моисея величайшим историческим явлением, с именем которого связан наиболее смелый и значительный прыжок, когда-либо имевший место в истории человечества».

Мы твердо стоим на незыблемой основе «Священного Писания»...

ФРАНЦИЯ. В 1182 году король Филипп II Август провозглашает указ, согласно которому евреям запрещается жить во Франции.

1198 год — новый королевский эдикт — на этот раз о возвращении евреев в Париж. После выселения евреев экономика государства заметно ослабевает и доход самого короля катастрофически падает. И хоть евреям, согласно новому эдикту, разрешалось вернуться в Париж, давать деньги займы или под залог они могли только с позволения короля или феодала. Так у последних появляется новый источник дохода, известный в истории Франции под названием «еврейского дохода».

1223 год — издается закон, по которому королю, как и феодалам, запрещено брать займы у еврея.

1234 год — король Луи IX издает новый закон. В статье, 34, параграф I сказано: «Подданные короля освобождаются от уплаты одной трети суммы, взятой займы у евреев».

1290 год — евреи вновь изгоняются из Франции.

1306 год — казна страны из-за нерадивости правительства оказывается пустой. Король Филипп Красивый находит «выход»: «изгнать евреев из Франции, а все их движимое и недвижимое имущество передать в распоряжение короля...», а на случай, если еврей припрячет свое добро, назначалась награда за донос на него: одна пятая часть имущества переходила к доносчику, а четыре пятых в королевскую казну, самому же еврею «разрешалось» в течение месяца покинуть Францию, взяв с собой двенадцать су и только то платье, в которое он был одет.

Через какое-то время вновь экономика государства приходит в упадок — евреев снова возвращают во Францию.

Церковь подает все новые и новые петиции королю, категорически требуя обратить иудеев в христианскую веру.

1501 год — король Луи XII вновь выселяет евреев из Франции, и только в Марселе остаются несколько еврейских семейств...

ИСПАНИЯ. В 589 году евреев обязуют соблюдать воскресный день.

Тем же законом еврею запрещается иметь слугу нееврея.

Чуть позднее VI церковное собрание в Толедо запрещает жить в Испании всем тем, кто не исповедует католическую веру.

То же самое повторяет XII церковное собрание в Толедо: в случае, если еврей в течение года не примет христианства, его лишают имущества, наказывают ста ударами розог, для посрамления сдирают кожу со лба и выселяют за пределы Испании.

В 693 году евреи лишаются права владения землей и домами. Евреям запрещается мореплавание, торговля с африканскими странами и какие бы то ни было торговые взаимоотношения с христианами.

1013 год — на трон восходит предводитель берберов Сулейман. Взят город Кордова, еврейские кварталы полностью разгромлены. Лишь несколькими евреям удается спастись бегством.

1293 год — по настоятельному требованию кор-

тесов, король Санхо I запрещает евреям покупать землю у христиан.

12 января 1412 года издается т. н. «эдикт непримиримости»: евреев обязуют жить только в отведенном для них месте, огороженном со всех сторон и с одной-единственной калиткой. Евреям запрещается врачебная практика, кредитные операции, аптечное дело и ремесленничество.

Тот же эдикт не гнушается и другими запретами:

Запрещается вступать в торговые отношения с христианином!

Запрещается ношение оружия!

Запрещается стричь волосы и бриться!

Запрещается надевать праздничную одежду!

Запрещается какая бы то ни была автономия!

После всех этих запретов евреи, что и говорить, не пожелали более оставаться в Испании. В эдикте предусмотрено и это.

В случае эмиграции евреи теряют всякие права на владение собственным имуществом.

Грандам и рыцарям строжайше запрещено давать приют беглым евреям.

Начатое предками дело окончательно завершается королем Фердинандом V: 2 августа 1492 года евреи полностью изгоняются из Испании, число беженцев достигало трехсот тысяч...

И что интересно — на второй день после этого, 3 августа 1492 года от берегов Испании отчаливает Христофор Колумб, чтобы открыть миру неизвестный до толе материк: его мать Сусанна принадлежала к знаменитому еврейскому роду Фонтерозас, а еврейский капитал, как это явствует из источников, сыграл немаловажную роль в успешном завершении предприятия Колумба. «Я служу тому самому Богу, который на царский трон Иерусалима возвел пастуха Давида», — записал в своем дневнике легендарный мореход, отправляясь в плавание по необъятному океану, откуда, согласно предсказаниям каббалистов, евреям, уставшим от тысячелетнего ожидания, должен был явиться Мессия.

Так, скорбя и стеноя, скитался вечно гонимый иудей по сумрачным дорогам жизни, и, подобно библейскому Иову, не проронил ни слова упрека в своем

обращении к Богу. Ежедневно с наступлением рассвета, устремив в небо смиренный взор, он возносил хвалу и молитву Господу:

«Благословен ты, Господь, Бог наш, Владыка вселенной, за то, что ты не создал меня рабом!».

А ведь вся история его — это бесконечная книга плена и рабства...

Произнося эти слова, он уходил от безрадостной действительности, создавая в своем воображении иную, желанную для себя реальность, ибо всегда был исполнен веры во всемогущество Слова; эту веру он, возможно, заимствовал еще тысячелетия назад у древних египтян, настолько убежденных в магической силе слова, что порой они даже прибегали к фальсификации и на саркофагах усопших грешников огромными иероглифами делали надписи: «Я не грешил», «Я не кощунствовал» и т. д., поскольку, по их убеждению, мысль, выраженная словом, в конце концов превращалась в реальность и на судилище могла защитить умершего грешника.

И, видимо, с надеждой на это, порабощенный иудей возносил ежедневную молитву Небу:

«Благословен ты, Господь, Бог наш, Владыка вселенной, за то, что ты не создал меня рабом!».

Участь евреев Испании породила множество легенд и преданий; некоторые в разных вариациях отразились и в художественной литературе.

...Во времена инквизиции один из церковных сановников перед смертью призвал к причастию епископа; и вот, когда остались они вдвоем и приготовились к причастию, умирающий, плача, обратился к епископу на древнееврейском:

«Шма Йисраэл Адонай Элогейну Адонай Эхад» («Слушай, Израиль, Господь Бог наш. Бог единый»).

И епископ не замедлил с ответом:

«Барух Шем кевод Малхуто Ле'олам Ва'эд» («Благословенно славное имя царства Его во веки веков»).

Оба они оказались евреями.

В 1348-49 годах в Европе свирепствует чума, оказавшаяся роковой для евреев: их обвинили в распространении эпидемии — еврейские старейшины, мол, привезли из Стамбула целый мешок яда и отравили водоемы. Стоило пустить этот слух, как евреев тут

же стали громить. Особенно отличились немцы: в сотнях городов они начисто уничтожили все еврейское население.

А евреи все так же молились, все так же возводили к небу взоры:

«Благословен ты, Господь...»

«Благословен ты, Господь...»

«Благословен ты, Господь...»

* * *

Лишь только глаза закрою я,
Слезы роняю во сне;
Еврейская эта мелодия
Плачет, рыдает во мне.

(Тициан Табидзе)

ПОЛЬША. 1494 год — Ян Альбрехт изгоняет евреев из Кракова.

1495 год — указом великого князя Александра Ягеллона евреи покидают Литву.

1651 год — местное население беспощадно громит евреев.

1663 год — снова погром, во Львове погибает двести человек. Нападающие разоряют еврейские дома и лавки, рушат синагоги, похищают подсвечники, ковры и другое имущество.

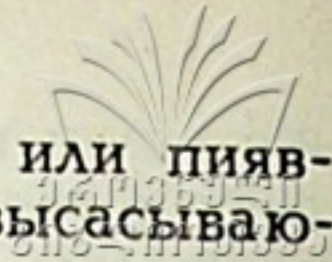
1761 год — за евреями устанавливается полицейский надзор. Им запрещается молиться на еврейском языке.

В тот же период иудеев принуждают слушать проповеди ксендзов в католических храмах.

В больших городах евреев обязуют жить в отведенных для них кварталах — гетто. Въезд в Варшаву им разрешен лишь во время заседания сейма...

И как это нередко случается, подобным мероприятиям правительства хвалу воздают поэты — «соль земли», которые, надо полагать, должны были бы служить человеколюбию и добру. Вот как наставляет своих читателей поэт Себастьян Кленович:

«Быть может, ты спросишь, как ведет себя еврей среди нас? Отвечаю: как волк в овечьем стаде, он врывается в укрепленные города и сеет вокруг голод

и нищету, подобно червю, что точит дуб, или пиявке, впившейся в ласточку и постепенно высасывающей из нее кровь...»

Затем автор перефразируя для большей достоверности слова библейского пророка, продолжает:

«...Как одежду, съест их моль, и, как волну, съест их червь» (Исаия 51,8), так поедает мир паршивый жид и обедняет государство. Правители, в конце концов, образумятся, когда испытают зловредность евреев, но будет поздно, и заплачут они в голос».

Трогательная картина: рыдающее, по вине евреев, правительство...

Примерно тот же мотив звучит в словах австрийского поэта Зейферта Гельблинга:

«Невозможно описать всю мерзость и позор, творимые евреями в нашей стране. На всем свете нет такой страны, которой бы евреи принесли хоть какую бы то ни было пользу. Будь проклят каждый, кто доверится евреям и кто по наущению их похитит христианина. Будь я правителем страны, я бы всех евреев, до единого, предал костру. Император Веспасиан, разгромив Иерусалим, продавал по 30 связанных веревкой пленных жидов за один пфеннинг. Но почему этот благословенный человек не предусмотрел то, как опоганили бы эти жида закупившие их страны...»

Немецкий поэт Граттенауэр (XVIII век) искренне сокрушается по поводу того, что «честному христианину просвещенный век не разрешает более попросту убивать жидов».

Доктор Гольст тоже не отстает от своего «просвещенного» соотечественника:

«Зависть, вражда, скупость, корысть, зло, ложь, грубость, безбожие и всевозможная мерзость присущи лишь евреям. Случаются и среди христиан подобные пороки, и, тем не менее, все это лишь чисто еврейское явление».

Как говорится, комментарии излишни...

А теперь прислушаемся к голосу мудрого Ильи Чавчавадзе:

«Какой только причины не придумывали, к чему только не привязывались, лишь бы преследовать и громить евреев? Нет такой исторической несправедливости, которой они не подверглись бы. Евреев пресле-

доносили как народ, преследовали как исповедовавшихся, своеобразную, особенную веру, преследовали как представителей несправедливого экономического уклада, угнетавших экономически другие народы. Гонители отдавали предпочтение то одному, то другому доводу, и ненависть к евреям не утихала никогда...»

Сколь велика разница между Ильей и упомянутыми выше европейскими «пиитами»...

Как метко было замечено когда-то, некоторые из них, возможно, и не верили в существование Христа, зато были абсолютно уверены в том, что распяли его именно евреи, хотя в числе четырех способов смертной казни, установленных синедрионом, распятие не предусматривалось вообще: «Еврейский суд, даже осуждая преступника на смерть, не разрешал унижить его достоинство, как это делали римляне» (Энциклопедия иудаизма, Иерусалим, Тель-Авив, 1983 г.).

Так тяжело и безрадостно следовали по своему жизненному пути иудеи Европы. В этой смертельной безысходности набатом звучат пророческие слова Шекспира и Гейне, скорбный монолог Уриэля Акосты...

* * *

«Относительно церковно-монастырских крепостных евреев можно сказать, что, кроме как в Грузии, они почти нигде не встречаются. Это было вызвано тем, что в странах Европы церковь вела непримиримую борьбу с иудаизмом и различными репрессивными мерами требовала обращения евреев в христианскую веру... Посредством подобных репрессий церковь стремилась к окончательному изгнанию евреев и конфискации их имущества» (Труды историко-этнографического музея евреев Грузии, т. III, с. 274).

Из множества жалованных церквям и монастырям грамот, определяющих юридически-бытовой статус грузинских евреев, привлекает внимание книга пожертвований царя Имерети Соломона и царицы Марииам, которые в 1764 году придали братьев Давида и Ицхака Чахвашвили Гелатской церкви:

«Великая Богоматерь Хахульская, святой Твоей церкви Гелати в услужение и для подношения тебе лани посвятили мы еврея Чахвашвили Давида и брата его Ицхака с тем, чтобы десять четвертых воска и

одну четвертую ладана подносили они тебе ^{ежегод-}но в августе месяце...»

Подношением воска и ладана служит грузинский еврей православной церкви; трудно представить подобное в другой какой-нибудь стране.

Наверное, Давид и Ицхак Чахвашвили трудились честно и безропотно, достойно завершили свой жизненный путь, оставив потомкам добрые деяния и надпись на могильной плите — завещанную предками мудрость Екклесиаста:

«Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти — дня рождения».

Подобными надписями испещрены могилы евреев почти во всех уголках Грузии...

«Купчая», данная князьями Бардзимом, Иванэ и Григолом Мачабели Аврааму, Ицхаку и Моше Иосебашвили, 1831 год, 3 апреля:

«Купчая эта написана нами, нижеподписавшимися: князем Бардзимом Мачабели, братьями моими Иванэ и Григолом. Вручаем ее тебе, хахаму Аврааму Иосебашвили, сыновьям твоим Ицхаку и Моше — с тем, что нами продано тебе немного земли возле твоего виноградника. Владей ею и дай тебе Бог счастья, коего заслуживает честный покупатель. Если же кто станет оспаривать ее у тебя, заступниками твоими будем мы.

Свидетелем сего будет тот, кто подпишется, а по сему оставляем свои подписи: Князь Бардзим Мачабели. Князь Иванэ Мачабели».

«Владей ею и дай тебе Бог счастья!..»

РОССИЯ. «Опыт» европейских стран был довольно быстро воспринят и основательно обогащен Россией. Об этом более подробно позднее, а пока приведем лишь два факта.

В 1536 году русские, взяв Полоцк, приказали еврейскому населению города принять крещение. Большая часть отказалась, и их всех от мала до велика утопили в реке.

В 1638 году король Польши решил направить в Россию своего еврейского агента. Русский царь ответил категорическим отказом, обосновав его тем, что «евреев никогда в России не бывало, и с коими никакого сообщения христиане не имеют...».

Такова визитная карточка самодержавной России в мировом разгуле антисемитизма.

Мы же вновь обратимся к грузинским документам той поры.

Договор князя Григола Церетели с абастуманским евреем Даниилом Пичхадзе, 1816 год:

«Волею и с помощью Божьей, бумага сия дана мной, князем Церетели Григолом, тебе, абастуманскому еврею Даниилу Пичхадзе и сыновьям твоим Мамаджану и Кобо, и остальным сыновьям твоим, и последующему поколению твоему в том, что, приехав из Турции, ты подписал соглашение служить мне и вручил мне договор, и что я также вручаю тебе сию бумагу о том, что позволяю тебе жить по вероисповеданию твоему, если и ты будешь всем сердцем преданно служить мне».

«Позволяю тебе жить по вероисповеданию твоему» — обещает грузинский князь еврею, да еще в присутствии свидетелей юридически оформляет свое обещание...

Краткая еврейская энциклопедия, том III, Иерусалим, 1986 год. На 280 странице книги помещена украинская народная картина XVIII века «Казак Мамай». Рисунок изображает времяпрепровождение казаков: на переднем плане сидит музыкант с национальным инструментом в руках, улаждая слух пирующих, сзади же один из участников веселья подвешивает на веревке за ноги еврея. Так развлекались, оказывается, гайдамаки в XVIII веке (и это запечатлено на рисунке как обычная бытовая деталь)...

Попробуйте представить себе полотно, к примеру, Пиросмани — «Семейный пикник в компании Бего» или «Кутеж с шарманщиком Датио Земелем» и на фоне этого кутежа подвешенного кверху ногами еврея.

Вообразить такое, согласитесь, довольно трудно...

* * *

**Мир этот беспощадный
Героев своих сокрушает,
И снова их повергает
В бездну мирских страданий,**

**Воздвигнутое веками
Воды Нила смывают,
Иосиф братьями изгнан,
Яков исходит слезами.**

Это — великий Сулхан-Саба Орбелиани, остро переживавший беды родной земли. И, чтобы унять эту боль, он вызывает из прошлого библейские тени Иосифа и Якова.

Над Грузией уже нависали черные тучи, меркло сияние грузинской мысли, и отягощенная мусульманской пестротой душа народа с трудом пробиралась по сумрачным тропам истории.

В 1453 году турки захватили Константинополь, «Врата Понта» закрылись для Грузии, пала Византия — ее единственный союзник и оплот в христианском мире. Турецкий полумесяц опустился на купола византийских храмов. Христианские песнопения сменились пронзительным зовом муэдзина. Оказавшись в полном одиночестве, потеряв единственного союзника, Грузия осталась один на один с мусульманским Востоком. Великая ночь опустилась на Грузию. «Горе Картли» — так назовет ее грузинский поэт, испытавший на себе горечь того мрачного времени. Утратил стойкость, дал трещину народный дух, народ забыл о миссии, которую с честью выполнял испокон веку перед христианским миром. В культуре усилились восточные тенденции: «Покаянный канон» и «Ты есть виноградник» сменились «Свечой и мотыльком» и «Соловьем и розой». Нетерпимость и произвол воцарились в стране. Храм любви и благости был осквернен, сияние древнебиблейского мира меркло и лишь изредка вспыхивало в воображении поэта:

**Я храм нашел в песках. Срежь тьмы
Лампала вечная мерцала.
Неслись Лавидовы псалмы,
И били ангелы в кимвалы.**

Но если эти видения порой и озаряли воображение поэта, то они тут же сменялись ощущением трагизма безысходной реальности. И причастный божественным явлениям, всего минуту назад внимавший

волшебным струнам лиры Давида, он вновь и вновь возвращается к безрадостной повседневности, издавая, подобно легендарному царю, псалмовый вопль:

Не возведет на этот раз
Моя любовь другого крова,
Где прах бы я от ног отряс
И тихо помолился снова*.

Так, глядя на разрушенные храмы и угасшую лампаду, в сумрачных лабиринтах истории ищет выхода грузинская душа.

И грузинский еврей так же остро переживает горькую участь Грузии, ибо меч, занесенный над Грузией, занесен и над ним, и в ее кровавой одиссее и ему выпадет безрадостная доля. Вместе с грузинским поэтом и он горько скорбит по видениям минувшего:

Вспоминаю и я свое детство
(слышу голос лиры Давида...),
Жену Потифара,
Сраженную красотой Иосифа,
И Сидонию, и Светицховели,
И нашедшего здесь приют
Абиатара.

(Тициан Табидзе)

Но прошла блаженная пора детства, нет уже ни Иосифа, ни Абиатара, и, слившись с божественным Светицховели, окаменела в истории душа Сидонии, печально безмолвствует лира Давида, дожидаясь порывов нового ветра...

ЛИРА ДАВИДА: Согласно народному преданию, царь-пророк повесил свою лиру на дворцовой ограде в святом Иерусалиме. Весь день до самой полуночи она молчала, в полночь же, с первым порывом живительного северного ветра, овевавшего храмы и крепостные стены Иерусалима, лира, качнувшись, начала звенеть. Разбуженный звуками струн, царь-поэт выходил из покоев, снимал со стены лиру и до самого рассвета слагал свои бессмертные псалмы. Ведь сказано же в одном из них:

* Н. Бараташвили, перевод Б. Пастернака.

**Пробудись, лира,
Разбужу я рассвет.**

И в храмах Грузии безмолвствует лира Давида. Затаившись, «помня лучшие времена», дожидается она порывов нового ветра. И тщетно из глубины веков взывают души предков к ночному небу:

**Пробудись, лира,
Разбужу я рассвет.**

Издалека же приходят все более тревожные вести. И снова Польша, начало XIX века. В документах Сейма читаем: «Евреи, составляющие одну седьмую часть населения нашей страны, представляют собой угрозу уничтожения нашего народа; необходимо принять против них срочные меры. Покорнейше просим Вас, Всемилостивейший Государь, вовремя обратиться к мудрости разума Вашего на нашу беду. Еврейский народ, полностью отличающийся от нас языком, религией и обрядами, непомерно быстро увеличивается в численности и в ближайшем будущем станет превосходить коренное христианское население страны, а к каким последствиям это приведет, Вы сами можете себе представить. Посему покорнейше просим Ваше Королевское величество вынести на очередную сессию Сейма вопрос о еврейской реформе, что столь необходимо для свободного и мирного развития нашей страны. В первую голову считаем самым необходимым и безотлагательным освободить их от занятия торговлей на основе обнародованного ранее декрета и призвать в рекруты».

На фоне этого документа стоит еще раз вспомнить сведение З. Чичинадзе об атабаге Самцхе, отозвавшем евреев с войны: они ведают торговлей, а потому должны быть освобождены...

После раздела Польши (конец XVIII века) большая часть евреев оказалась в Российской империи. В 1801 году на престол России восходит Александр I. По его приказу создается чрезвычайная комиссия, которой следует «определить» права и обязанности рос-

сийских евреев. Большинство членов комиссии единственно правильный путь решения еврейского вопроса видит в «исправлении» самих евреев. «Исправление» подразумевало отказ от национальных обычаев и традиций и полную русификацию.

В 1804 году выносится чрезвычайное постановление: для проживающих в России евреев установить «черту оседлости» — евреям запрещается жить в деревне. Начинается массовое переселение в город, однако и город оказывается закрытым для евреев: чиновнический аппарат России утверждает, что города, находящиеся в «черте оседлости», и без того «перегружены» недвижимыми евреями и что для «прибывающих» из деревень евреев нет места...

1825 год — на престол восходит Николай I. Он недоволен темпами «исправления» евреев и для ускорения этого процесса вырабатывает рекомендации:

1. Срочно обратить евреев в христианскую веру. В случае надобности применить и силу.

2. В русской армии нехватка рекрутов, ряды ее пополнить евреями.

3. Проживающие в «черте оседлости» евреи должны отдавать своих детей в специально отведенные для них школы, где обучение ведется исключительно в русском духе.

В 1826 году устанавливается строгая цензура на еврейские издания: по всей империи печатание еврейских книг разрешено лишь в двух городах — Житомире и Вильно, да и то под строжайшим надзором.

1840 год — обнародован законопроект «Для определения мер коренного преобразования евреев в России»; их вынуждают отказаться от традиционных ритуалов, от национальной одежды, от религии. По степени «полезности» еврейское население делится на пять категорий; «бесполезным», т. е. «неисправимым» евреям срок службы в рекрутах увеличивают в пять раз.

Утвердить законопроект Николаю I не довелось.

1855 год: на престол восходит Александр II; наступает век преобразований, век «великих реформ», часть которых коснулась и евреев: право на проживание за чертой оседлости дается купцам I гильдии, солдатам николаевской армии и т. д.

Но недолго длился медовый месяц русского либерализма.

С 70-х годов начинается наступление на нерусское и прежде всего еврейское население. Славянофилы ведут антиеврейскую пропаганду, призывают население страны к борьбе с еврейским «засильем», составляют списки «опасных для России элементов»; в самом начале списков, как правило, — евреи; представителей евреев изгоняют из Государственной думы, закрывают еврейские школы, раввинские училища; в прессе учащаются антисемитские выступления.

1871 год — в Одессе вспыхивают еврейские погромы.

1877-78 годы, русско-турецкая война — журналы и газеты империи наперебой бранят и поносят евреев.

1881 год — с убийством Александра II по российским губерниям вновь прокатилась волна антисемитского движения. В ряде городов — в Елизаветграде, а затем в Киеве и Одессе устраиваются массовые еврейские погромы. Правительство подстрекает и без того распоясавшуюся толпу, всю тяжесть преступлений сваливая на евреев: они, мол, притесняют коренное население. После этого, как отмечает Илья Чавчавадзе («Иверия», 1881 год, № 6), «неудивительно, что несознательный и обнищавший народ увидел врага в каждом еврее и вымещал на нем злость, в течение нескольких сотен лет копившуюся в сердце»...

Конец 1881 года — погромы в городах России дали толчок еврейским погромам в Варшаве.

Май 1882 года — издается знаменитый декрет Игнатьева (тогдашнего министра внутренних дел России), в котором сформулированы «временные правила»: евреям даже в самой «черте оседлости» запрещено возвращаться в деревни, приобретать недвижимое имущество за пределами города, арендовать поместья и участки земли. Государственная политика ставит себе целью «очистить» Россию от евреев. Обер-прокурор Синода Победоносцев торжественно провозглашает: благодаря нашим мероприятиям одна треть вымирает, а еще одна треть смешается с коренным населением страны — с русскими — и окончательно «исправится».

В том же 1882 году в городе Балта на границе России с Румынией устраиваются массовые погромы евреев.

1883 год — под председательством графа Палена создается «Верховная комиссия по пересмотру законов о евреях», цель которой — хоть сколько-нибудь облегчить участь евреев в России. Пять лет длилась работа над законопроектом, после чего царь отклонил его...

1884 год — волна погромов вновь перекинулась в самое сердце России: эстафету на сей раз принял Новгород.

Евреи пытаются спастись бегством за границу, бегут в Швейцарию, Германию, Америку, бегут от погромов и от воинской службы, поскольку армия России насквозь пропитана ядом антисемитизма. Однако подавшихся за рубеж евреев в пути настигает указ, согласно которому с лиц, направляющихся за границу, взыскивается крупный денежный штраф. Евреи вынуждены отказаться от отъезда за границу и начинают вновь перемещаться в глубь России. Но имперский шовинизм и в этой ситуации находит «выход»: большая часть провинциальных городов России объявляется деревнями, в деревнях же, согласно существующему законодательству, евреям запрещено жить...

Июль 1887 года — правительство устанавливает численную норму учащих евреев. «Привилегии» распространяются лишь на евреев, живущих в «черте оседлости»: 10 процентов их детей допускается в местные училища, в других местах эта норма не превышает 5 процентов. Что касается Москвы и Петербурга, здесь предусматривается лишь 3 процента.

1889 год, еще один новый закон — евреям запрещено работать в государственных учреждениях, запрещена также адвокатская практика. Пресса предоставляет страницы журналов и газет для антисемитских выступлений.

И в такое вот время под сумрачным небом России раздался голос из Ясной Поляны, подобный раскатам грома. Он напомнил миру о силе еврейского духа и призвал одурманенных ядом шовинизма соотечественников опомниться:

«Что такое еврей? Этот вопрос вовсе не такой странный, каким он может показаться на первый взгляд. Посмотрим же, что это за особое существо, которого все властители и все народы оскорбляли и притесняли, угнетали и гнали, топтали ногами и преследовали, жгли и топили и который назло всему этому все еще живет и здравствует. Что такое еврей, которого никогда не удавалось сманить никакими соблазнами в мире, которые его притеснители и гонители предлагали ему, лишь бы он отрекся от своей религии и отказался от веры отцов?»

Еврей — это святое существо, которое добыло с неба вечный огонь и просветило им землю и живущих на ней. Он родник и источник, из которого все остальные народы почерпнули свои религии и веры.

Еврей — первооткрыватель культуры. Испокон веку невежество было невозможно на Святой Земле — и еще в большей мере, чем нынче даже в «цивилизованной» Европе. Больше того, в те дикие времена, когда жизнь и смерть человека не ставились ни во что, рабби Акива высказался против смертной казни, которая считается нынче вполне допустимым наказанием в самых культурных странах.

Еврей — первооткрыватель свободы. Даже в те первобытные времена, когда народ делился на два класса, на рабов и господ, Моисеево Учение запрещало держать человека в рабстве более шести лет.

Еврей — символ гражданской и религиозной терпимости. «Люби пришельца», — предписывал Моисей, ибо сам был пришельцем в стране Египетской! Эти слова были сказаны в те далекие варварские времена, когда среди народов было общепринято поработать друг друга.

В деле веротерпимости еврейская религия далека не только от того, чтобы вербовать себе приверженцев, а напротив — Талмуд предписывает, что если нееврей хочет перейти в еврейскую веру, то должно разъяснить ему, как тяжело быть евреем, и что праведники других религий тоже унаследуют царство небесное.

Еврей — символ вечности. Он, которого ни резня, ни пытки не смогли уничтожить, ни огонь, ни меч инквизиции не смогли стереть с лица земли, он, который первым возвестил слово Господа, он, который так

долго хранил пророчество и передал его всему осталь-
ному человечеству, — такой народ не может исчез-
нуть. Еврей вечен, он — олицетворение вечности».

Как знаменательно, однако, что пуришкевичам, марковым и прочим антисемитам в русской империи была предоставлена полная свобода деятельности, тогда как Льва Толстого (правда, по совсем иной причине и с иной подоплекой) в 1901 году, ровно через десять лет после выступления в защиту евреев, русская православная церковь предала анафеме. Текст обвинения был составлен обер-прокурором Синода Победоносцевым, тем самым Победоносцевым, который еще в 1882 году предлагал правительству пресловутый план «очищения» России от «жидов»...

1903 год — в Кишиневе громят евреев. Число пострадавших на сей раз относительно «невелико»: по официальным данным погибло «всего» 50 человек, 500 получили увечья, а что касается разгромленных домов и разграбленных лавок, то это «и не стоило принимать во внимание».

Правосудие же выносит «соответствующее» решение.

«Иверия», 1904 год, № 289 — «На днях Судебная палата Кишинева рассмотрела дело 30 человек, обвиняющихся в еврейском погроме. Суд приговорил к тюремному заключению 17 человек сроком от 5 до 10 дней, двоих — от 20 дней до двух месяцев, 11 человек были оправданы».

На такой вот благодатной почве и возникали всевозможные черносотенные организации, из коих наибольшей желчностью и человеконенавистничеством отличался «Союз русского народа», состоявший из хулиганов и наемных бандитов, представлявших собой ударную силу в погромах, проходивших под лозунгом: «Бей жидов, спасай Россию!».

1905 год, 17 октября — опубликован правительственный манифест, предоставляющий гражданам России право свободных действий. Только это и нужно было черносотенцам: при поддержке полиции и военных в Одессе начинается невиданный погром, который длится несколько дней.

Вот что писал ДАВИД КЛДИАШВИЛИ:

«Разъяренная толпа под предводительством чер-

носотенцев безжалостно давила, немилосердно уничтожала еврейство; беспощадный погром евреев совершался с позволения и при попустительстве правительства. Происходящее в городе напоминало страшный сон: кровь лилась на каждом шагу; прямо на улицах валялись бесчисленные жертвы, погибло несметное количество людей...» («На моем жизненном пути»).

Отчаявшийся народ вновь обратился к своей единственной надежде — Богу. На залитых кровью улицах появилась странная процессия: впереди молящихся евреев шли белобородые старцы с белоснежными ритуальными покрывалами (по-еврейски: «талит») на плечах, держа в руках свитки Торы и вознося молитву Всевышнему: «Шема Йисраэл Адонай Элогэйну Адонай Эхад» («Слушай Израиль: Господь, Бог наш, Господь один»).

Озверевшие палачи готовы были уже наброситься на молящихся, но неожиданно из толпы вышел юноша и заслонил собой беззащитных старцев...

«ИВЕРИЯ», 1905 год, в номерах от 28, 29 и 30 октября помещено следующее объявление — «Евфросинья Каихосровна Клдиашвили с глубоким прискорбием извещает родных и близких о безвременной кончине дорогого любимого сына — лаборанта Одесского университета Александра (Сабы) Григоловича Клдиашвили, убитого в Одессе 20 октября, и просит оказать милость явиться в воскресенье 30 октября в 12 часов пополудни в церковь Анчисхати на поминальную панихиду по душе усопшего».

ДАВИД КЛДИАШВИЛИ: «Погиб молодой ученый, человек редкой души, личность всеми любимая. Глядя, как уничтожают людей, он не мог оставаться дома и вышел на улицу, чтобы протянуть руку помощи несчастным, но и сам был убит — пуля, пущенная извергом, попала ему в лоб. Гибель его вызвала глубокую скорбь в обществе...»

Прах убитого был перенесен из Одессы в Грузию. Вот как описывает Давид Клдиашвили его похороны:

«...Было утро, когда корабль причалил к берегу. Гроб с телом покойного спустили на берег. Никого, кроме родных и близких, не подпускали к нему, но какой-то солдат сумел прорваться к гробу. Я хорошо

помню его взволнованное лицо, дрожащий, срывающийся голос, когда он обратился к покойному: — Дорогой человек, ради нас пожертвовал ты своей жизнью, наукой, вышел из дому, чтобы заступиться за обездоленный народ... И тебя постигла та же участь, что и наших, и мы вечно будем помнить твое имя, такое для нас дорогое имя! Спасибо, спасибо тебе, дорогой человек! Проклятье убийцам, проклятье извергам!

Горько рыдая, отошел он от гроба.

Этот солдат был евреем...

Все евреи Батуми собрались на площади Азизие, чтобы почтить память убиенного. В голос рыдая, слушали они обращенные к покойному проникновенные слова взошедшего на трибуну раввина...»

«Цнобис пурцели» («Вестник»), ноябрь 1905 года:

«В тот день весь Кутаиси был на запоре. Не осталось учреждения, общества, ремесленников, училищ, учащихся, чиновников, не украсивших гроб венками».

Газета «Хиди» («Мост», израильская газета, выходящая на грузинском языке) от 12 июня 1987 года повествует о событиях тех дней:

«Группа еврейской оперетты, возложив венки на гроб, совершила отпевание на еврейском языке «Эл мале рахамим».

В Тбилиси, в храме Сиони в память Сабы Клдиашвили отслужили гражданскую панихиду. Присутствовал на ней и Илья Чавчавадзе».

В вышеупомянутом номере газеты «Хиди» опубликованы воспоминания известного грузинского режиссера Михаила Корели:

«В 1906 году я после недавней женитьбы вместе с супругой отправился в Париж. Нуца ждала первого ребенка и нуждалась в серьезном лечении. Неоценимую услугу оказал нам русский еврей, студент по фамилии Циклис. Поинтересовавшись у него, чем заслужили мы такое внимание и уважение, услышали в ответ:

— Вы были знакомы с молодым ученым Сабой Клдиашвили?

— Разумеется, были, — ответили мы.

— Наверное, вам известно, что этот человек, один

из лучших сыновей Грузии, пожертвовал жизнью / в
Одессе ради еврея?

— Да, знаем.

— Так почему вас удивляет мое желание хоть чем-то почтить память Сабы Клдиашвили?».

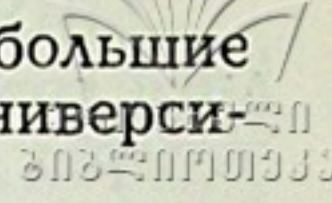
В Кутаисском государственном этнографическом музее на стенде, посвященном Сабе Клдиашвили, вместе с другими экспонатами вывешена лента, украшавшая в свое время траурный венок с надписью на еврейском языке...

И все-таки, кем он был, Саба Клдиашвили, который, не колеблясь, пожертвовал собой ради незащитного народа?

В той же газете читаем: «Александр (Саба) Клдиашвили родился в г. Кутаиси 22 января 1878 года в семье военнослужащего Григола Луарсабовича Клдиашвили... У Григола было 11 детей. Старший брат Александра — Луарсаб в совершенстве владел английским, французским и немецким языками. Когда картвелолог (грузинолог — прим. переводчика) Марджори Уордроп, переводившая «Витязя в тигровой шкуре» на английский, находилась вместе со своим братом Оливером в Кутаиси, Луарсаб выполнял роль переводчика...»

О матери Сабы — Евфросинье Клдиашвили — Давид Клдиашвили, которому она приходилась тетей, отзывался так:

«Представительной женщиной была тетя Ефро, исполненная материнского тепла, необычайно ласковая... В доме у нее собирались деревенские девушки, которых она обучала грамоте, рукоделию, особенно — искусству ткать ковры, что помогло встать на ноги многим крестьянским семьям. Будучи любимицей всей деревни, она, в свою очередь, платила ей той же любовью, и эту любовь к людям, готовность прийти на помощь каждому внушила и своим детям. В Кутаиси она принимала живое участие в кружке любителей сцены, была превосходной исполнительницей ролей... Ее семья взрастила архитектора, строителя сегодняшнего государственного университета Симона Клдиашвили; дочь Мариам — по мужу Дзнеладзе, была первой грузинской певицей, выпускницей консерватории, внесшей значительный вклад в развитие грузинской музыки; трагически погибший сын Александр Клдиаш-

швили был ученым-химиком, подававшим большие надежды в должности лаборанта Одесского университета...

Часто бывал в их доме тогда еще молодой, делавший первые шаги в области музыки, а ныне почитаемый и всеми любимый композитор Захарий Палиашвили»...

Вот в какой атмосфере воспитывался Саба Клдиашвили, вот где впитал он чувство любви к ближнему, способность сопереживания, побудившую его совершить свой бессмертный поступок, оказавшийся для него роковым и озаривший вечным сиянием его светлое имя...

Знаменательно, наверное, и то, что «мать Сабы Клдиашвили, тетя Ефро, — пишет Давид Клдиашвили, — происходила из семьи квишхетских Кипиани, была ближайшей родственницей Дмитрия Кипиани», того самого Дмитрия Кипиани, который первым из грузинских деятелей выступил против тогдашнего экзарха Павла Лебедева, осудив его недостойный поступок, а именно предание анафеме вместе с Иосифом Лагиашвили, убийцей Чудецкого, всего грузинского народа. Возмущенный этим фактом Дмитрий Кипиани, бывший в то время предводителем дворянства Кутаисской губернии, потребовал, чтобы человеконенавистник-экзарх покинул Грузию, вследствие чего сам был выслан в Ставрополь, а затем в 1887 году предательски убит...

Так замкнулся круг и переплелись судьбы двух достойных сыновей отчизны — Дмитрия Кипиани и его младшего родственника Сабы Клдиашвили. Один вступился за честь Грузии, второй — встал на защиту задавленного, беззащитного еврейства. А между тем, одна и та же беспощадная рука распорядилась судьбой как одного, так и другого — рука самодержавия.

А кровавая вакханалия не прекращалась.

1906 год. В Белостоке устраивается страшный еврейский погром, сопровождающийся разнузданной антисемитской кампанией реакционной русской прессы. В погромах принимают участие полиция и военная служба, которые не только не понесли за это наказания, а напротив, были представлены к награде...

МИХАИЛ ДЖАВАХИШВИЛИ: «В течение четырех дней город находился в руках грабителей. В течение четырех дней варвары двадцатого века, превзошедшие в своих зверствах и жестокости монголов и первобытных дикарей, купались в лужах невинной крови и, опьяненные ею, уничтожали все на своем пути, все, что попадалось под руку. И хотя дело это еще не рассмотрено подробно, официально еще не составлен обвинительный протокол, но уже существуют явные доказательства того, что нападение на евреев в Белостоке заранее подготовлено — был выработан план нападения, заранее был дан приказ издалека, из Петербурга.

Мы и до того знали, что приказ о погроме шел из Петербурга, но среди нас немало таких, кто не мог поверить в этот поистине невероятный факт. Сейчас, когда завеса спала, все убедились, что именно в Петербурге кто-то издает приказы о погромах, составляет планы, а рабски преданная ему полиция последовательно выполняет их.

Придет ли конец этому варварству? И есть ли предел человеческому терпению? Кто знает, возможно и нас постигнет та же участь, не сегодня, так завтра?».

1907 год, 3 июня. В стране устанавливается диктаторский режим Столыпина. Несмотря на видимость порядка, с трибун Государственной думы вновь раздаются желчные призывы Пуришкевича, Маркова и их собратьев, упорно требующих «очистить» Россию от евреев.

1911 год. Начинается дело Бейлиса, которому предъявлено обвинение в убийстве ребенка (с ритуальной целью). Вновь распространяют страшные слухи, вновь пополняется многовековой перечень кровавых наветов, насчитывавший до сего времени почти сто пятьдесят случаев...

Прискорбно, что самодержавию удастся экспортировать этот негодный «товар» и в Грузию: имеются в виду события в Кутаиси и в Сурами, особенно же «дело Сары Модебадзе» из Сачхере (1878 г.), возмущившее всю передовую грузинскую общественность.

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ, газета «Иверия», 1879, № 8: «Это дело, которое привлекло к себе внимание почти

всей страны и за которым в процессе суда следили почти все журналы и газеты, как наши, так и иностранные, было основано на одном лишь предположении, ограничено предположением, окутано предположением и завершено также предположением... В еврейском деле, где решалась судьба не только восьми человек, но и почти всех наших евреев, мы не видим ни щита, ни меча правосудия...»

Любопытно, что и сегодняшняя израильская пресса по-своему оценивает связанные с «делом Сары Модебадзе» события и дает соответствующую квалификацию тогдашним явлениям:

«Надо отметить, что распространение и развитие антисемитизма в Грузии было следствием влияния чиновнического аппарата самодержавия, но, несмотря на это, антисемитизм здесь никогда не был проявлен в таких ужасных формах, как на Западе. Причину этого следует искать в глубоко гуманистических традициях грузинского народа» (Сборник «Пасхальная агада», 1980 г., с. 30).

Безусловно, «дело Сары Модебадзе», равно как и сурамские и кутаисские события, было инспирировано шовинистически настроенными служителями самодержавия. Послушаем снова Захария Чичинадзе:

«В старину никто не слышал ни о чем подобном в Грузии. Будь то иначе — в грузинских исторических хрониках непременно сохранились бы какие-нибудь сведения, в самом «Житии Грузии» данному явлению было бы отведено место. Ясно, что и царь Вахтанг в своем Своде законов упомянул бы об этом. Но ни в его судебнике, ни в судебнике Агбути и Беки, ни в каких-либо других законодательных книгах ни слова не сказано ни о чем подобном... Не оставили бы незамеченным это ни законодатели наши, ни историки, ни духовные наставники...»

«ИВЕРИЯ», 1895 г., 12 ноября: «Одно из наиболее ценных качеств грузинского народа — готовность прийти на помощь и способность уживаться со всеми нациями и вероисповеданиями, нашедшими себе приют в Грузии. Замечательный пример дружелюбия и терпимости являет собой такая великая личность, как Давид Строитель. Поведение его, безусловно, диктовалось традициями и обычаями народа, чьим сыном

он являлся. С одинаковой любовью и уважением относился он ко всем своим подданным, к какой бы нации или религии они ни принадлежали...»

Ниже автор статьи делает своего рода экскурс в историю, говоря о еврейском народе, который, по его словам, «став в религии наставником всего передового человечества, научив его единобожию, дал миру Священные заповеди, Моисея, Соломона Мудрого, Иисуса — сына Сирахова, Юдифь, Баруха, Иеремию, дал Иисуса Христа, Священное писание, Спинозу, Мендельсона, Берне, Гейне, Маркса и тысячи других великих наставников человечества...». Статью подписывает Антон Пурцеладзе.

А в России в это время бушует процесс Бейлиса, угрожая стереть с лица земли все еврейство. В русской прессе публикуются статьи черносотенцев, в Государственной думе славянофилы исходят ядом антисемитизма.

Интересно, как оценивает этот процесс грузинская общественность того времени.

«ИМЕРЕТИ», 1913 г., 16 октября: «Процесс Бейлиса полностью откинул завесу и обнажил недуг официальной России, ее вырождение и низость. Диагноз больной плоти России определен, и ясно одно — для ее оздоровления необходимо удалить и отбросить эту больную часть. Много еще предстоит подобных сюрпризов до того, пока в больном теле не будут уничтожены поселившиеся в нем, под видом «истинно русских», бактерии».

Мало им было погромов в Кишиневе и Белостоке, мало им было нападения на евреев в Киеве, не хватило им изгнания и переселения тысяч евреев; отбросы русской жизни не могут удовлетвориться пролитой доньше еврейской кровью и жаждут широкого поля деятельности для своих низменных устремлений. хотят снова заставить матерей лить слезы над детьми, жен над мужьями и весь народ предать мукам распятия...»

И наконец: «Бейлис оправдан», — сообщает газета «Ахали азри» («Новая мысль», 1913 г., № 22):

«Месяц длился этот процесс, целый месяц вся страна взволнованно ожидала вынесения приговора: обвинят ли многомиллионный еврейский народ в от-

вратительном преступлении — использовании христианской крови — или нет; и вот 28 октября объявили свое решение: «Не виновен».

Решение присяжных заседателей было оглашено в шесть часов вечера. Председатель объявил Бейлису, что он свободен.

Стража опустила сабли. Заседание закрылось».

Эхо этого процесса еще долго не смолкало на страницах грузинской прессы. Газета «Ахали азри» (1913 г., № 27), наряду с другими материалами, знакомит читателя с мнением Максима Горького о процессе над Бейлисом.

Сегодня в России, по его словам, удивительный праздник — победило правосудие, победил честный народ. Этот приговор — весьма значительное явление. Его, как гвоздь, надо вбить в память России...

Но, как видно, для того, чтобы «вбить этот гвоздь», недостаточно было одного лишь благородного желанья Максима Горького. Сразу же после окончания процесса черносотенец Замысловский, выступавший на этом процессе в качестве истца, начинает объезжать города России, чтобы еще раз выплеснуть яд на и без того пораженное хроническим недугом антисемитизма население. По сообщению прессы, в его «просветительский» маршрут включена была и Грузия.

Грузия отказалась принять Замысловского: «Наш народ и не подумает слушать его лекции», — во всеуслышание объявила газета «Эри» («Народ», 1913 г., № 46).

1914 год, 19 июля (1 августа). Россия вступает в Первую мировую войну.

В ходе войны еще больше усиливается дух антисемитизма. Командование армии разжигает среди солдат антиеврейские настроения: евреев обвиняют в австро-германском шпионаже. Солдат еврейского происхождения арестовывают, наспех состряпывают приговоры полевых судов, расстрел следует за расстрелом. В прифронтовых поселениях устраиваются еврейские погромы...

1915 год. Полководческая мысль России терпит крах, русские оставляют Галицию. Евреев обвиняют в измене. Вот что пишет газета «Сахалхо пурцели» (1916 г., 11 марта, № 524):

«Государственная дума России.

Депутат Замысловский: Не могу говорить спокойно о жидях, поскольку они изменники родины...

Депутат Чхенкели: Прошу не говорить так. Это не парламентское выражение.

Замысловский: Какие позорные времена. Государственной думе России не позволяют говорить о жидях!

Чхенкели: Предупреждаю, не употребляйте подобных слов!

Замысловский: И причина дороговизны тоже главным образом в жидях.

Чхенкели: Хулиганы!

Председатель: Удалить из зала депутата, произнесшего это слово.

Чхенкели выдворяют из зала заседаний».

Но даже антисемитское «переливание крови» не может спасти находящуюся при последнем издыхании империю: катастрофически падает курс российской валюты. Великорусскому шовинизму кажется, что и в этом замешана «еврейская рука»...

«Невольно вспоминается эпизод из Талмуда: царь Навуходоносор, задумав покорить Иерусалим, пустил стрелу, сказав при этом: — Земля, на которую упадет стрела, будет разгромлена; пустил стрелу на юг, попал в Иерусалим; пустил на север — попал в Иерусалим, пустил на запад, попал в Иерусалим, пустил на восток, снова попал прямо в Иерусалим.

Таково положение нашего несчастного народа и сегодня. Куда ни посмотришь, повсюду увидишь терпящих страшные муки евреев: мать ищет сына и не находит его, сын тоскует по отцу, но не может с ним встретиться. Две тысячи шестьсот лет назад сидели у реки вавилонской Евфрат плененные отцы наши, оплакивая возлюбленную родину, и сегодня, в двадцатом веке, они так же, как и когда-то, плачут на берегах Волги...» Раввин евреев Они Давид Баазов, газ. «Самшобло» («Родина»), 1916 г., № 317.

«Плач Израиля у рек вавилонских заставляет нас плакать и поныне». Грузинский поэт Тициан Табидзе, газ. «Самшобло», 1917 г., 28 июня, № 139.

Вот такая, примерно, картина вырисовывается в самодержавной России. Не столь уж завидное наследие...

«Сумеет ли кто-нибудь постичь всю глубину печали, теснящую душу еврея, когда на закате солнца бредет он по дороге, затянув свою скорбную мелодию», — писал Константинэ Гамсахурдиа.

Но не угасла душа народа: в ней все еще тлела неистребимая воля доблестных предков, защищавших в разгромленной Веспасианом Иудее в течение трех лет свой последний бастион — крепость Масаду и самоотверженно отражавших набеги римских легионов до тех пор, пока, убедившись в бессмысленности дальнейшего сопротивления, они сами же не покончили друг с другом. В конце концов, римлянам удалось проникнуть в крепость — все девятьсот защитников ее оказались мертвы, а посреди зала была накрыта великолепная трапеза. Предводитель легионеров, подавленный этим зрелищем, вынужден был признать — мы не смогли покорить народ, мы захватили лишь голую скалу. Так герои Масады дали понять разнуздавшейся империи, что свобода — наценнейший дар, и никакие земные блага не восполнят ее утраты...

И этот неукротимый дух все еще тлел в душах усталых после двухтысячелетнего скитания иудеев в ожидании новых ветров истории, чтоб вспыхнуть с новой силой и преподать поистине бессмертный урок миру...

1894 год. В Париже ведется судебный процесс над офицером французской армии Альфредом Дрейфусом, которому, как еврею, предъявлено обвинение в государственной измене. Вся эта политическая вакханалия, инспирированная юдофобами страны, была рассчитана на низменные инстинкты темных масс, с ужасающими лозунгами в руках наводнивших улицы Парижа, угрожающих уничтожением всему еврейскому населению.

За ходом процесса напряженно следил молодой, в то время еще неизвестный, журналист Теодор Герцль, на которого этот позорный, оскорбляющий достоинство целого народа процесс произвел тяжелейшее впечатление. Он убеждается, что единственная гарантия спасения евреев — создание самостоятельного независимого государства.

1897 год. Город Базель в Швейцарии, I Всемирный конгресс сионистов. Герцль выдвигает оказавшуюся пророческой программу создания независимого еврейского государства.

Израильское государство должно быть создано в течение пятидесяти лет!

Заявление это было встречено большинством со снисходительной улыбкой: Герцля назвали неисправимым мечтателем, а программу его — несбыточной мечтой. Герцль, тем не менее, убежден: «При желании это может стать не только мечтой!»

А как к этому отнеслась Грузия?

Газеты и журналы того времени пестрят еврейской тематикой: на идею создания евреями собственной независимой родины сразу же горячо откликнулась грузинская общественность, с симпатией и сочувствием воспринявшая ее, хотя идея эта и казалась поначалу неосуществимой:

«Возможно ли рассеянное по миру еврейство вместить в врата древнего Сиона? Ну подумай, найдется ли колокол, который заставит повернуть вспять стоящий на краю пропасти народ. И где те сладкозвучные струны, что напомнят народу божественный плач лиры Давида...»

Так пишет из Германии в 1913 году студент Константинэ Гамсахурдиа.

Зато Иродион Эвдошвили иного мнения:

**Отдана безвозмездно когда-то
Аврааму земля от Евфрата
до Египта. К ней в вечной надежде
устремляются взоры, как прежде.**

**Зуб за зуб будет, око за око.
Разорвав цепи зла и порока,
так вплывет свет скрижалей под веки
ночью. Слушай Израиль. Вовеки.**

**Зуб за зуб будет, око за око.
Вспыхнет в срок свет Давида с востока.
Пусть к Сиону стекаются реки
жизни. Слушай Израиль. Вовеки.**

(Перевод Инны КУЛИШОВОЙ)

Сорок лет шел пророк Моисей к Земле Обетованной.

Сорок лет вел он вышедших из Египта иудеев по раскаленной пустыне.

А более позднему преемнику его потребовалось пятьдесят лет на взятие нового Иерихона.

1948 год. По решению Организации Объединенных Наций провозглашается создание независимого государства Израиль.

Вновь возродился дух народа.

И засияли нимбы на обновленных небесах Палестины.

Со всех концов света устремились к вновь обретенной отчизне евреи. Сказано же Богом Ветхого Завета:

«И возьму вас из народов, и соберу вас из всех стран и приведу вас в землю вашу» (Иезекииль, 36,24).

В этом невиданном доселе процессе репатриации приняли участие и грузинские евреи, устремившиеся к блаженной обители своей исторической юности.

Они не уподобились блудному сыну, отступившему от приемного отца, и поспешили в Землю Обетованную не в поисках сказочного Эльдорадо, а потянулись к ней по велению сердца и разума — от любви к любви, или, говоря словами поэта, от Земли Обетованной к Земле Обетованной.

Не стану вам докучать рассказами о деяниях грузинских евреев в Израиле: дела их говорят сами за себя.

И еще раз замкнулся круг, сомкнулись история и время, и новый смысл приобрели слова Кириона II, сказанные им когда-то о мцхетских евреях.

Тогда: «Каждый удар пульса Иерусалима вибрировал во Мцхета».

Теперь: каждый удар пульса во Мцхета вибрирует в Иерусалиме.

А в ханаанских небесах светит библейское солнце, так же, как светило оно пять тысяч лет назад, и каждое утро наблюдают израильтяне, как возвращает рука пророка из глубины веков ключи обновленного Храма...

• • •

Второе августа 1987 года — один из счастливых дней в летописи новой Грузии. В этот день, в праздник пророка Ильи, грузинская православная церковь причислила к лику святых Илью Чавчавадзе. Звон мцхетских колоколов прокатился над всей Грузией, отозвавшись далеким эхом у древних врат Иерусалима...

С самого утра потянулся народ к храму Светицховели, под сводами которого бесшумно скользила тень Сидонии с хитоном Иисуса в руках, и для страны этой — удела Богородицы — молила у Всевышнего мира и благоденствия. А с амвона католикос-патриарх Всея Грузии Святейший и Блаженнейший Илья II возвещал своей пастве, что обитель святых мира пополнилась еще одним именем — именем бессмертного сына Грузии, принявшего мученическую смерть ради отчизны. Вся Грузия, от мала до велика, с одинаковым воодушевлением приняла эту весть; и никто не ведал в эти вдохновенные мгновения, что пройдет еще немного времени и евреи, выходцы из Грузии, благоговейно внесут икону Ильи Праведного в Крестовый монастырь, поместят ее рядом с фреской Шота Руставели и вместе с бывшими соотечественниками-грузинами вознесут общую молитву. А пока Илья II здесь, в Грузии, с амвона Светицховели благословляет свой народ; под вечер он отслужит заупокойную на могиле Ильи Чавчавадзе на Мтацминда и испросит у Господа мира и спокойствия для людей... И вот собравшиеся на Мтацминда стали свидетелями удивительного явления: за полчаса до начала службы внезапно полил дождь, затем так же неожиданно небо прояснилось и над горой Мтацминда засияла радуга. И это было воспринято как знамение свыше — в наш беспокойный век молил Всевышнего о спасении и долголетию родной земли бессмертный дух поэта:

**И радугу живительную вновь
Яви как добрый знак грядущего спасенья.**

(«Видение»)

Не с той же ли трепетной надеждой взирал и библейский Ной на обновленные небеса первоначально-

го мира, когда после сорокадневного потопа выпустил из ковчега голубя: небо и в тот день озарила радуга как символ примирения Господа с Землей, знак всеобщего мира...

Испокон веку человек стремился к миру на земле, а создавший Библию народ еще издревле объявил мир нормой человеческого бытия, составив целую теософическую систему всеобщего мира и единства: «Никакой сосуд не сможет заполниться благословением Господним, кроме мира на земле», — гласит древнееврейская мудрость, аллегорически указывая на то, что даже наивысшая благодать вне мира — что вода в разбитом кувшине. Мир по-еврейски — «шалом», и этим словом приветствуют евреи друг друга, ибо в отягощенных слезами и кровью тысячелетиях более всего недостаало мира многострадальному народу Израиля. Кто знает, возможно, эта тоска по миру и заставила назвать родной город «Ерушалаим», то есть «Ир шалом» — город мира... Этимологический корень слова «шалом» в других вариациях («шалем») означает также целостность, цельность, указывая, согласно интерпретации еврейских теологов, на то, что от мира на земле до гармонической целостности всего мира — один шаг, ибо каждый человек или народ, каким бы совершенным он ни был, лишь частица целого и вне союза со всеми, вне любви становится ущербным и неполноценным.

Возможно, эта библейская мудрость и вдохновила одного замечательного архитектора на создание (как наиболее желаемого символа XXI века) эскиза блуждающих в океане вселенной островов с гигантскими, символизирующими взаимопонимание и коммуникацию, скамьями, на которых изображены храмы всех вероисповеданий. А может быть не обошлось и без влияния учения еврейских богословов, почти сформулированного в одной из традиционных молитв — «Отче наш, благослови нас всех, как одного» — учения, подкрепленного мудростью Руставели и Давида Строителя, даром человеколюбия грузинского народа, благословенным католикосом-патриархом Всея Грузии Ильей II, возносящим Создателю молитву о долголе-

тии и благоденствии двух древнейших многострадаль-
ных народов...

Кто знает, не в этой ли любви и сопереживании
проявлена глубоко сокрытая мистерия, способная дать
жизненные силы усталому человечеству двадцать пер-
вого века.

Кто знает...

Мир Грузии!

Шалом 'ал Исраиль!

Перевод Гины ЧЕЛИДЗЕ

Георгий ХУХАШВИЛИ

СОНЕТЫ

* * *

Плутая тропами, в лице твоём
Я замысел постичь первоначальный
Спешу. И в ореоле золотом
С Хеврона ты сиял зарей печальной.

В ущелье будто распахнулась дверца;
Открывшийся святой красой своей,
Сверкал, как солнце, ты вокруг и в сердце
Из белых непотопленных камней.

Застыла в глыбе мраморная вечность.
Счастливо покорюсь судьбе своей.
Тоска и ожиданья бесконечность
Рассеявшихся по миру детей.

Две тыщи лет израненных мгновений —
Главу склоняю на твои колени.

* * *

Был разорен Бет ха-Микдаш, и изошла
Душа моя священными слезами.
Гляделась вечность в эти камни-зеркала.
Полз мох по ним, как изумрудов пламя.

Рассвет, как сон, завис. И сокращалась мгла.
Прими мой плач, рассыпанный стихами,
К тебе. Мечта у стен высоких расцвела:
Зажечь светильник в возведенном Храме.

Твой вечный свет — мой хлеб насущный —
сохраню.

Вплетая голос свой в молитвы, преклоню
Колени пред тобой. И не покину.

Но снится иногда на сваях старый дом.
Вдали я слышу шум Арагви, а потом
Спускаюсь в Алазанскую долину.

* * *

Ты слышишь, Иерусалим, под вечер
Служители добра икону Или
В Крестовый монастырь несут. Зовут твои
Святыни. И ложится свет на плечи.

Тысячелетним свитком развернется
Дорога. И застыв на ней, как письмена,
Хранят в грузинской синагоге имена
Немую связь времен. И их коснется

Дыханье тишины, как голос Бога.
И образ Руставели осветит в душе
Дальнейший путь. И вспыхнет, будто в
мираже,
Миг мудрости у самого чертога.

Молились, не растрчивая Божий
Дар, эхом Слово Высшее размножив.

* * *

Убившего из-за земли, земля пусть и возьмет.
Кто застил солнца ясный свет для ближнего, уже
Не будет счастлив, и покой не обретет в душе.
И без молитвы, сердцем понятой, один умрет.

В уединенье не постигнет мудрости, и нет,
Нет места в Иерусалиме для него. И он,
Он не узнает Бога. И прощенье, словно сон,
Мелькнув, исчезнет, обесцветив пустотой рассвет.

Кто хлеб кровавый предпочел насущному и тем
Отверг Всевышнего и не желает знать, зачем
Живет, тот до скончанья века будет сирота.

Нет смысла в его смерти, ибо судят по делам.
Убив другого, он убил себя, и мертв он сам.
И хлещет холод из души его и темнота.

Пусть зимние ветры усталой души не коснутся,
И вместо воды родниковой не брось горстку соли.
Дай в сердце цвести Гефсиманскому саду — и боле
в нем страхи могильного холода не встрепенутся.

Увидеть бы мне — и надеждою не обмануться —
Деревья осенние в их золотом ореоле,
Не в виде скелетов. Прошедшее, вздрогнув от боли,
Пусть вновь оживет, и сомнения не шевельнутся.

И если в закате прочту своей жизни движенье,
Поверю, что утром восход вновь подарит рожденье:
И снова желанья и мысли к тебе устремятся.

Я кровный твой сын, пусть во мне не увидят чужого.
И райские двери найду. И откроется Слово.
Душа моя соколом в небо взлетит, чтоб остаться.

Перевод Инны КУЛИШОВОЙ

Гурам БАТИАШВИЛИ

«ЕСЛИ Я ЗАБУДУ ТЕБЯ, ИЕРУСАЛИМ!»

И А К О В *

Вторые сутки льет проливной дождь. Вода наполнила овражки и канавки, покрыла ярко-зеленую молодую траву, заглушила все звуки вокруг.

— Разверзлись хляби небесные! — проговорила Ривка.

— Похоже на то, — кивнул Датико в знак согласия, — может, пора строить ковчег?

— Я такого лета не помню, все погнило в воде.

Над землей, казалось, опрокинулся громадный кувшин с неисчерпаемым запасом воды, и солнце то на мгновение возникало над ним, то надолго скрывалось за облаками.

Мир окрасился в серый цвет. Был полдень, но за окном царили сумерки.

Нескончаемый дождь пугает Иакова. Дождь — враг Иакова. Даже сейчас, когда все дома и сидят на балконе, он испытывает страх. Датико читает Тору. Бено уткнулся в газету (что там такого пишут — уже полчаса не отрывается от нее!). Лиа — вся в поэзии (копия ее тети, Сипори — та тоже любила читать стихи, но кто дал бедняжке насладиться ими!). Ривка смотрит во двор.

Сколько времени они сидят на балконе, и все словно воды в рот набрали.

Датико уставился в Тору, но не различает ни строчки. Его мысли — далеко.

* Отрывок из романа «Если я забуду тебя, Иерусалим!».

Как ему быть? Он мечтал об Иерусалиме, о Земле Обетованной, о возвращении на историческую родину, но сейчас, когда это стало возможным, он не может решиться.

«Лиа уже девушка на выданье, куда нам ее везти? Откуда мне знать, что нас ждет, говорят, молодежь там старших ни во что не ставит, девушки своим умом живут, делают, что хотят. Да и парень мой уже порядком возмужал. На какие средства мне их вывезти? Что там нас ждет?»

Неожиданно Бено отшвырнул газету и поднялся. Датику понял — Бено читал газету так же, как он — Тору.

— Оставить здесь сына и уехать? Наслаждаться жизнью? — Ривка смотрела Бено в глаза.

Ефрем!

Для Ривки он был живой. Она с ним никогда не расставалась. Казалось, окутанный дымкой тумана Ефрем постоянно находился подле Ривки. Рана до сих пор не затянулась и кровоточила. В Израиль должны были уехать не пять, а шесть человек, из них пятеро живых, шестой — давно умерший; четверо — самостоятельно передвигающихся, двое — Иаков и Ефрем — лишённые этой способности.

— Давай тогда взвесим все на весах — и то, почему должны ехать, и то, почему не должны, — повернувшись к отцу, сказал Бено.

Датику никак не отреагировал на его слова.

— В жизни много такого, чего не взвесить на весах, — как бы между прочим заметил он через какое-то время и застыл, уставившись вдаль. И вдруг, как бы очнувшись, произнес: — Ладно, взвесим, только сперва то, почему мы не должны ехать.

Сказал и задумался: действительно, почему? Он вель никогда не ставил вопрос так — все время думал, почему он должен ехать. А ведь причины, по которым не должен и не может ехать, Датику не находил. Неужели его ничего не удерживает здесь? Неужели так пуста и ничтожна его жизнь, что в любой момент он может собрать свои пожитки и махнуть в неизвестное?

— Скажи, Датику, скажи ему, по какой причине ты должен остаться здесь, на этой земле? — стала наседать на него Ривка.

— По той, что... — начал было Датико, но неожиданно умолк и снова задумался. — Потому я не должен уезжать, Ривка, что... нет, не знаю... Лучше ты скажи, почему?

— Я? — Ривка вздрогнула. — И ты еще спрашиваешь? В этой земле мой сын лежит, Датико, я отсюда не уеду!

Датико повернулся к сыну: — Ты что скажешь?

Бено посмотрел на мать, потом перевел взгляд на отца, прямой, сдержанный, спокойный. «Возмужал мой парень», — подумал Датико. Ему нравилось, что Бено не спешит с ответом.

— Прежде чем ответить, хочу задать вам вопрос, — наконец произнес Бено.

— Спрашивай!

— Сперва ответьте — евреи ли мы?

Датико рассмеялся.

— Ты сомневаешься?

— Я хочу услышать ответ — мы евреи или нет?

— Конечно, евреи! — ответил Датико.

Бено взглянул на мать.

— Ну что за вопрос, сынок!

— Тогда я вам отвечу — если мы евреи, мы сегодня же должны собрать вещи и уехать. Каждый человек должен жить на своей земле, на своей родине!

— А разве Грузия не твоя родина? — тихо спросил Датико.

— Конечно же, моя! Но в первую очередь, Грузия — родина грузин! Это их земля, земля грузин! А мы всегда помнили, что наша родина далеко, за семью морями.

Сердце у Датико дрогнуло — Бено говорил правду. Сейчас, в этот момент эта правда ему не нравилась, шла вразрез с его намерениями, но ведь они всегда лелеяли мечту о возвращении, мечту увидеть Иерусалим. Бено говорил правду. Но была ведь и другая правда, правда Датико, и никто не мог отмахнуться от нее.

— Разве у человека не могут быть две родины? — в голосе Датико звучала горечь.

— Могут. — не колеблясь, отвечал Бено.

— Как же так, сынок, разве у человека могут быть две матери? — вмещалась Ривка.

Бено растерянно посмотрел на отца.

— Как видно, у таких, как мы, может быть улыбка пробежала по лицу Бено. — Нет испытания, которого не уготовил бы нам Господь. И это, наверное, и есть наше богатство. Счастливому народу Бог никогда не дал бы две родины. У них она всегда одна-единственная! — он умолк на мгновение, а потом продолжил совершенно иным тоном. — И вот что еще, отец, и это, пожалуй, главное. Если когда-нибудь мои дети спросят меня, почему я не уехал туда, куда уехали остальные — на нашу историческую родину, я не смогу им сказать, что очень любил этот городок, соседей, товарищей, что и они любили и уважали меня, и потому я остался здесь.

Датико смотрел на Бено, широко раскрыв глаза. Сын говорил горькую правду. В этот миг им овладела мысль, которая обнажила его полную беспомощность, — что бы он ни говорил, какой бы довод ни приводил, он уедет в Израиль, соберет свои пожитки и уедет отсюда не потому, что ему этого хочется, а потому что таково желание Бено, который не мыслил своей будущей жизни без Израиля.

«Если я его не увезу сейчас, — мелькнуло в голове у Датико, — лет через десять он меня потащит за собой». И эта мысль только усилила чувство собственного бессилия. Он взглянул на Ривку. Та не сводила с сына недоуменного взгляда. Неужели и ей пришла в голову та же мысль?

Иаков!

Датико совсем забыл об отце, а ведь он сидел рядом с ними. Сколько времени, как евреям открыли дорогу в Израиль, сколько их уже уехало, сколько готовятся к отъезду, а Иаков ничего об этом не знает — в его присутствии на эту тему не говорят. Так решил Датико, заботясь о здоровье отца и желая оградить его от излишних волнений.

Спасибо Господу, Иаков и на этот раз ничего не услышал — мирно дремал в своем кресле.

Хлопнула калитка — кто-то вбежал во двор, за ним — другой. Прошлепали по луже возле калитки — как по зеленой травке.

«В такую погоду человек зря не выйдет из дому», — подумал Датико.

На балкон поднялись Рубен и Габо.

Иаков открыл глаза — хлопанье калитки разбудило его.

— Заходите, заходите, — Ривка поспешила навстречу гостям.

— Вы что, пароход наняли? — Датико улыбнулся друзьям. — Что вас привело в такой проливной дождь?

Судя по выражению лица Иакова, он тоже был рад гостям.

На Рубене и Габо были резиновые сапоги, головы покрыты сложенной вдвое мешковиной, с которой ручьями стекала вода.

— Что стали, как колхозные сторожа? Снимайте с голов тряпки, еще простудитесь! — Ривка протянула Лие мешковину, и они стали выжимать ее у перил.

— Дай Бог тебе здоровья! — облегченно вздохнул Габо.

— Садитесь, у меня есть хорошее вино!

— Мы не пить к тебе пришли, — возразил Рубен.

— Это уж точно, вино здесь ни при чем, — проговорил Габо, пряча от Датико глаза.

На балконе воцарилась тишина. Датико понял, что-то случилось. Друзьям никак не удавалось завязать разговор.

«Ну и дела! Чего они сидят, как немые?» — удивлялся про себя Иаков.

— В такую погоду вы вряд ли заглянули бы к нам просто так, — Датико испытующе смотрел на Габо и Рубена.

Рубен поднял голову, посмотрел сперва на Ривку, потом на Бено, и задержал взгляд на Датико. Иаков был не в счет. Датико смекнул, Рубен хочет сказать что-то важное. Но тот вдруг передумал и произнес:

— Габо все скажет.

— Решили без меня? — в голосе Датико звучала обида.

Бено напрягся. Повернулся к Рубену.

— Ты прав. Решили, — сухо произнес он.

— А почему ты вдруг засмутился? — Датико был почти оскорблен.

Иаков наострил уши.

«Господи Боже, что это решили Габо с Рубеном?»

Дождь как будто выдохся. Капли бессильно падали на землю.

— Не надо обижаться, Датико, у каждого своя дорога в этой жизни, — Габо продолжал прятать глаза от друга.

— Но ведь до сих пор мы шли одной дорогой!

— До сих пор — да. До сих пор все двери были на запоре, и нравилось нам это или нет, мы шли одним путем. Нынче Бог сменил гнев на милость. И мы очень надеемся, что ты передумаешь.

Датико молчал.

«Что же такое решил Рубен? — думал в это время Иаков. — О чем это они?! Верно, хочет помолвить своего сына с дочерью Габо. Да, но она ведь еще ребенок! Впрочем, лет шестнадцать уже будет... Хорошее дело задумали, ничего не скажешь... Но почему Датико злится? Чего он хочет? Эти двое обо всем позаботились заранее... А может быть, Датико хотел дочку Габо для Бено?! Ох-ох-ох!»

— И к тебе Бог будет милостив, и ты, Датико, должен будешь принять решение, — улыбаясь, проговорил Рубен.

«Рубен прав! Надо решать! Бено уже пора обзаводиться семьей... А Лиа? Нет-нет, сперва Лиа должна выйти замуж, сперва надо исполнить долг перед ней, устроить ее судьбу, а потом уже думать о невестке. А моему сыну все трын-трава. Может, он думает, Лиа сама найдет себе жениха? Нет, она не из таких, внученька моя», — думал Иаков.

Ривка не сводила с Датико настороженного взгляда.

— Тут нужно только желание, Датико! Столько веков наш народ мечтал о возвращении на родину, Бог дал нам такую возможность — и государство есть, и право вернуться дано, чего же ждать? — Габо говорил с необычайной для него страстностью.

«Что-о-о-о?! О чем он толкует!!!» — Иаков почувствовал необычайное волнение в груди.

— Убеди меня, Датико, убеди, что нам не надо ехать, и я с тобой соглашусь!

Что это слышат уши Иакова?! А он-то о каких-то помолвках и замужествах думал! Можно вернуться в Израиль?! Вернуться в Израиль?! Что они говорят, что

там бормочут?! Вот когда ему понадобятся силы! Сколько лет он немощен и бессилён, сколько лет! Но для чего ему нужны были силы?! Светало и темнело... День следовал за днем. Ничто не имело значения.. Бессмысленно светало и бессмысленно темнело... А сегодня? Сегодня жизнь обретает смысл! Сегодня Иакову понадобятся силы, сегодня силы нужны!

— Ты же видишь, все уехали, почти никого не осталось. Чего же нам ждать? Дочерей пора выдавать замуж? Невесток надо привести в дом? В конце концов, разве мы не должны лечь в землю по нашему обычаю? В Иерусалиме наше спасение! Если что-то и спасет нашу веру, то только Иерусалим!

«Иерусалим! Иерусалим! — пела душа Иакова. — Забудь меня, десница моя, прилипни язык мой к гортани моей, если я забуду тебя!»

Можно вернуться в Израиль!

...Иаков стоит на палубе, солнце заходит, его лучи золотят берег Земли Обетованной. Корабль удаляется от него, и душа Иакова холодеет. Земля Обетованная уже далеко... Она уменьшилась, до маленькой точки, но в душе его разрослась до необъятных размеров — желтая, уставшая от солнца, высохшая от жары, разоренная врагом, пропитанная кровью предков...

Вот, оказывается, почему на улицах так мало евреев! Вот, оказывается, куда они подевались! А эти сидят здесь, не трогаются с места! Они же не знают, что такое Иерусалим... Убогие людишки! Чего они выжидают?!

Они думают, если видят небо и землю, они не слепы?!

Они думают, если могут молоть вздор, они не немые?!

Они думают, если слышат раскаты грома, они не глухи?!

Откуда им знать, что такое жизнь?!

Откуда им знать, что такое слух?!

Откуда им знать, что такое право на свое мнение?!

И тут Иаков завыл. Он хотел что-то сказать, нет, не сказать, а крикнуть, но не смог — из его груди вырвался вой. Лицо покраснело, глаза зажглись от гнева. Не переставая выть, он поднялся с кресла, да,

да, поднялся, вытянулся во весь рост, и показался всем таким высоким, сильным, что Ривка вскрикнула.

— Дати́ко, отец! Отец!

Сколько лет она уже его невестка, но на ее памяти он всегда был прикован к своему креслу и выглядел таким хилым и маленьким. Бено вообще никогда не слышал голоса деда. Для него дед был неподвижным и молчаливым существом, как, впрочем, и для Лии.

А теперь он возвышался над ними, с перекошенным от гнева лицом, пытаюсь что-то прокричать им. Можно было подумать, он вырвался из плена и призывает остальных к борьбе за свободу.

— Что с вами, отец? — закричала Ривка.

— Дедушка! — воскликнул Бено.

— Дедушка! — в глазах Лии стояли слезы.

— Что случилось, Иаков-батано, с вами все в порядке? — не убирая улыбки с лица, спросил Рубен.

Дати́ко как бы застыл на месте. Он мгновенно понял, что происходит. Сколько времени он скрывал это от отца, но, что должно было случиться, случилось.

Дати́ко молча смотрел на него.

Иаков, подняв правую руку, грозил сыну указательным пальцем, и в этом жесте было все — его крик, возмущение, гнев.

Дати́ко встал и медленно ушел с балкона.

Дождь перестал. Редкие одинокие капли его гулко разбивались о балясины.

ЭПИЛОГ

Рассказывали, семья Дати́ко Джанашвили с большими мучениями добралась до Израиля. Самым тяжким и невыносимым был выезд из Бреста, последнего пограничного пункта Советского Союза. Таможенники бесчеловечно обращались с выезжающими в Израиль бывшими гражданами, всячески издевались над ними. Из Бреста поездом они прибыли в Вену, оттуда вылетели в Израиль. Когда самолет приземлился, Лиа и Бено вынесли Иакова на руках.

Иаков тихо плакал.

Дати́ко, ступив на землю Израиля, повернулся к отцу, потом зажмурился и прошептал: — Боже!

Ривка воздела руки и взмолилась: — Господи, дай счастья моим детям на этой земле!

Первое, что увидел Бено, — огромная надпись над зданием аэропорта на еврейском языке, сияющая в лучах солнца. Очертания букв, казалось, излучали какую-то силу, и Бено вдруг захлестнула волна счастья. Он чуть было не крикнул: «Смотрите, как эта надпись похожа на грузинскую!» (Хотя сходства никакого не было). Бено почувствовал облегчение, словно обрел опору. Напряжение, стеснявшее грудь, неожиданно отпустило, исчезло без следа, и как бы сама собой родилась мысль: «Моисей сорок лет вел по пустыне евреев к Земле Обетованной. Нам же для этого понадобилось две тысячи шестьсот лет. И мы принесли с собой великую любовь к этой земле, любовь, которой мы научились у того народа, с которым жили бок о бок. Эта земля отныне моя, и я ее в обиду не дам!»

— Как здесь красиво! — Лиа, не скрывая восторга, озиралась по сторонам. Лучи восходящего солнца окрашивали все вокруг в золотистые тона.

Какой-то паренек подкатил кресло для Иакова.

Бено смотрел на город, словно пытался найти там свое место. Лиа предложила усадить дедушку в кресло. Но только Бено коснулся его руки, как Иаков осенним листом неслышно упал на землю.

Лиа вскрикнула.

— Дедушка, дедушка, вставай! — Бено, встревоженный, пытался поднять Иакова, не понимая, что жизнь покинула его.

Датико стоял возле машины, которую загружали их багажом, когда услышал отчаянный крик Лии. Спустя мгновение раздался вопль Ривки. Датико бросился бежать на их крики.

За спиной у него поднималось огромное яркое солнце, наполнявшее все вокруг своим живительным светом, но Датико этого не видел. В глаза ему бросилась картина — Бено пытается поднять Иакова, и он тут же понял, что случилось.

«Благодарю тебя, Господи, что ты дал ему возможность ступить на эту землю!» Он столкнулся с какой-то женщиной, она залопотала что-то по-своему, но Датико даже не оглянулся. Он бежал к своему отцу и детям.

Лицо Иакова казалось озаренным и безмятежным. Таким покоем дышит лицо исполнившего свой долг человека. Это выражение напомнило Датику детство. Таким был его отец в то далекое время — спокойным, как бы светящимся изнутри, уверенным в себе.

Однако сейчас Иаков лежал на земле, обхватив ее руками. Он всегда знал, что человек, уходя в мир иной, ничего не может взять с собой, равным счетом ничего, но его длинные бледные пальцы остались растопыренными, словно он не хотел расставаться с этой землей.

Это была последняя битва.

И победа — последняя.

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

Фаина БААЗОВА

ПРОКАЖЕННЫЕ

Тбилиси всегда отличался особым, присущим только ему общественным климатом. Общественные события здесь воспринимаются особенно остро и бурно. В отличие от Москвы и Ленинграда, люди здесь не могут замкнуться в семейном и служебном кругах. Широкие родственные, дружеские и общественные связи переплетены так крепко и глубоко, что никто не может остаться равнодушным к событиям общественной или государственной жизни. И хотя здесь чаще и больше, чем в любом другом городе Союза, просачивалась правда из запретного и таинственного мира властей предержащих, тем не менее мало кто знал истину о работе того дьявольского механизма, которым управлял некто невидимый, и поэтому все неизвестное, все непонятное пополнялось и толковалось слухами, кото-

ПРЕДИСЛОВИЕ. Мне приятно, что «Литературная Грузия» решила познакомить своих читателей с фрагментами книги «Прокаженные» — любопытным документом о политических репрессиях конца 30-х годов в Грузии. Ее автором является известный грузинский адвокат Фаина Баазова, скончавшаяся в Израиле сестра моего отца. Чрезвычайно интересным и информативным является послесловие профессора М. Занда.

Эта книга была издана в 1980 году в Израиле, и писалась она в период полного отсутствия дипломатических отношений между СССР и Государством Израиль, что не могло не наложить отпечатка на содержание воспоминаний Ф. Баазовой. Книгу привозили в Грузию нелегально, у некоторых ее отбирали на таможне, и все же с ее полным текстом удалось

рые неизвестно, где зарождались, и неизвестно, какими путями распространялись. Им верили потому, что очень часто они опережали официальные сообщения.

Трудно понять, откуда возникло оптимистическое настроение, царившее в Тбилиси в сентябре 1939 года. Люди открыто говорили о возвращении лиц, исчезнувших в 1937—1938 годах. Утверждали, что все сосланные «без права переписки» содержатся в специальных закрытых лагерях, где выполняют секретную работу, по окончании которой будут освобождены с наградами; даже называли места на Крайнем Севере.

А тут еще вернулся кое-кто из тех, кто неожиданно исчез два года назад: академик Ш. Нуцубидзе, академик Каухчишвили, Сережа Кавтарадзе... И семьи репрессированных, и семьи их друзей проникаются верой, они начинают ждать своих близких или хоть вестей от них.

Все чаще распространяются слухи... Все чаще говорят и называют имена, такой-то вернулся в такой-то город или деревню — и он видел в лагере «его» или «ее».

Люди верят слухам... Люди жаждут... Люди ждут...

Надеждой охвачен и наш дом. Мама до такой степени верит в неожиданное появление Герцеля, что у нее один глаз постоянно косит в сторону двери. Ко-

познакомиться очень многим. В связи с этим мне хотелось бы отметить, что в ней имеется ряд неточностей, причиной которых является субъективное, а может — и предвзятое отношение к трактовке трагических событий той ужасной эпохи, о чем мне сообщали потомки некоторых лиц, упоминающихся в книге.

В то же время мне бы хотелось, чтобы особая деликатность, проявленная журналом при отборе материала из книги «Прокаженные», стала бы характерной для других публикаций, связанных с политическими репрессиями советского периода в Грузии.

Натан БААЗОВ,
вице-президент Еврейского культурного центра Грузии,
президент Международного культурного фонда Баазовых

гда подходит почтальон, она говорит: «Это от Герцеля». Если кто-нибудь ночью, в неурочное время стучит в дверь, она вздрагивает и кричит: «Герцель вернулся!»

Да и меня, когда я прохожу по некоторым местам Тбилиси, вдруг охватывает ощущение... да нет, я ясно вижу, как из-за угла здания выходит Герцель в сером костюме и серой шляпе, которые он носил в апрельские дни в Ленинграде. Сердце вдруг замирает... я останавливаюсь... видение исчезает.

Наши надежды и мечты в сентябре превратились чуть ли не в уверенность. Однажды вечером, когда мы с мамой и Полиной вернулись домой, бабушка, дрожа от волнения, рассказала, что приходил какой-то «гой», который вернулся из очень... очень далеких краев, и что в одном из тамошних лагерей он встретился с Герцелем. «Гой» вернулся недавно и сказал, где живет; бабушка, боясь не запомнить по старости, попросила его написать свое имя и местожительство на бумаге. Она дает нам клочок бумаги, на котором по-грузински написано два слова: «Икалто, Георгий».

Мы чуть с ума не сошли от радости...

Всего клочок бумаги... два слова, написанные чужим, неизвестным человеком, и теперь воплощают в себе все наши мечты, весь смысл существования.

Опомнившись, пытаюсь уяснить себе, как понять слово «Икалто». Что это — улица, находящаяся где-нибудь в пределах Тбилиси, или деревня Икалто, которая находится в Кахетии, в Телавском районе, и известна древней академией, основанной там в XI веке Арсеном Икалтойским?

В который раз умоляем бабушку: «Вспомни, как он сказал — Икалто — деревня или улица?»

Но больше ничего узнать от нее не удалось.

Для начала решили установить, есть ли в Тбилиси улица с таким названием. Мы с двоюродным братом обошли все райсоветы, все почтовые и милицейские отделения, мы просто расспрашивали людей, но так и не обнаружили улицы Икалто.

Решили ехать в Кахетию: до Телави поездом, от туда пешком. Пришли в сельсовет, спрашиваем «вернувшегося Георгия». Нам говорят, что в 1937 отсюда

забрали многих Георгиев, но никто из них еще не возвращался.

Собралась толпа колхозников. Узнав причину нашего приезда, многие включаются «добровольцами» в поиски «Георгия» и принимают в них самое деятельное участие. Мы обошли все местечко и его окрестности. На окраине деревни молодой парнишка сказал, что в деревне рядом освободили какого-то арестованного Георгия. Пошли туда всей толпой. Георгий оказался мелким воришкой, которого в Тбилиси задержала милиция и через два месяца освободила за недоказанностью обвинения. Он был крайне удивлен нашим к нему интересом.

К вечеру мне стало ясно, что я гоняюсь за призраком. Измученные и отупевшие, мы на второй день вернулись в Тбилиси.

В конце сентября в спецпрокуратуре Грузии мне официально подтвердили, что следствие по делу отца закончено, но дело в суд не пойдет, так как его направили в Москву в МГБ СССР. В ОСО.

Над делом снова опустился таинственный покров. Надо было ехать обратно в Москву.

До конца 1938 года люди со страхом и трепетом произносили слово «тройка». Никто не знал, что она из себя представляет, из кого состоит, когда, где и каким образом решается там судьба человека. В начале 1939 года распространился слух, что «тройка» упразднена, и народ с облегчением вздохнул. Слава Богу! Отныне дела будут рассматриваться в судах и военных трибуналах. И это казалось милостью судьбы, хотя немало смертных приговоров вынесли в 1939 году и Верховный суд, и Военный трибунал.

Теперь появилось новое — ОСО, особое совещание. И опять никто не знает, что оно из себя представляет. Ведь не существовало никакого «Положения об ОСО», обнародованного в надлежащем порядке.

Московские адвокаты утверждают, что особое совещание при МГБ СССР состоит из 30—40 человек. Кто эти люди — неизвестно. Оно собирается раз в месяц, и на нем неизменно председательствует Л. Берия. Потолок для ОСО — восемь лет лишения свободы. Но все это были разговоры, слухи.

Направление дела отца в ОСО Комодов и Брауде считают и хорошим, и плохим симптомом. Хорошим потому, что это говорит об отсутствии почвы для обвинительного приговора. Плохим потому, что ОСО, свободное от всяких правовых критериев, даже при полной несостоятельности обвинения, может осудить обвиняемого, если его физиономия не понравится.

Сейчас оба они решительно удерживают меня от хлопот по делу Герцеля.

— Надо подождать, пока будет разрешено дело отца. Положительный исход по этому делу повлияет благоприятно на судьбу Герцеля, так как одно дело тесно связано со вторым, — советует Комодов.

— Закончим дело отца и Хаима и вместе возьмемся за дело Герцеля, — настаивает Брауде.

В ОСО дело может находиться месяцами... И снова надо ждать... ждать... Возвращаюсь домой, в Ленинград.

30 ноября началась война с Финляндией, и Ленинград погрузился в темноту. Для меня это событие ознаменовалось тем, что в первый же день затемнения, возвращаясь вечером с дежурства в консультации, на углу Невского проспекта и улицы Герцена я оступилась, упала и ушибла ногу. Мне пришлось целый месяц пролежать в постели.

Хотя всю осень газеты шумели о необходимости укрепления безопасности наших границ, никто почему-то не верил, что Ленинграду грозит опасность со стороны Финляндии. И поэтому официальное сообщение, что «провокационные артиллерийские обстрелы нашей территории с финской стороны вынудили Советское правительство принять ответные меры», в Ленинграде никого не убедило: все великолепно понимали, что не «финская реакция развязала войну с Советским Союзом», как сообщалось, а наше правительство решило «отодвинуть» Финляндию подальше.

Вначале всем казалось, что маленькая Финляндия будет сразу же «отодвинута» могущественной армией и «финская кампания» закончится буквально за несколько дней. Но проходили недели, и в Ленинграде все шире распространялись слухи о колоссальных потерях Красной Армии, об исключительном мужестве финнов, ожесточенно сражающихся в условиях не-

обычайно суровой зимы, когда морозы доходили до 40—50°. Знакомые, побывавшие на фронтах, рассказывали чудеса о героизме финнок, которые предпочитали смерть, но не сдавались в плен русским. Рассказывали, какое огромное количество советских солдат, не подготовленных и не приспособленных к таким суровым условиям войны, погибло в ледовых лагерях, не успев даже принять участие в боях. Но что могла сделать маленькая Финляндия? Могущественный сосед в конце концов все-таки заставил ее «отодвинуться». Шепотом рассказывали друг другу об изумительном поведении финнов при отступлении со своих территорий. Когда советские люди вошли в Выборг, город был пуст. Из живых существ там оставались только кошки.

Шли дни, шли недели, наступил уже 1940-й год. Ни из Тбилиси, ни из Москвы не было никаких известий. Томительное ожидание стало невыносимым. В начале января я снова бросила все дела в Ленинграде и уехала в Москву.

Москва для меня теперь единственное место, где я ощущаю реальность своего существования. Где бы я в этот период ни находилась — в Тбилиси или Ленинграде — Москва, как магнит, тянет меня к себе. Не Москва великолепных театров, не Москва музеев, не Москва писателей и когда-то, до 25.04.1938 г., многочисленных друзей. Москва для меня теперь — это Лубянка, Кузнецкий мост, Пушкинская 15а. Это единственно реальный для меня мир, где должна решиться судьба отца, Герцеля, Хаима и вместе с ними и моя и всей нашей семьи. Отсюда обрушивается тяжкое горе на миллионы людей, здесь творятся страшные эксперименты, непостижимые для современников и фантастически нереальные для будущих поколений.

И снова я простаиваю целыми днями в очередях, чтобы к концу дня услышать из форточки все тот же ответ: «Решения еще нет».

И снова толкаюсь я в этом мире обреченных. Состав людей за эти два года менялся неоднократно, но лица и теперь, как тогда, выражают страх, отчаяние и безнадежность. Считается, что великая буря 1937—1938 гг. отгремела и улеглась. Но участь ее бесчисленных жертв так и не изменилась.

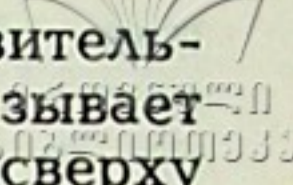
А рядом — большой, бурлящий и ликующий мир, в котором теперь уже не гремят угрозы и требования беспощадной борьбы с врагами народа. Отшумели громкие процессы «врагов народа» и «изменников родины». Прекратились повсеместные митинги по этому поводу. Началась другая кампания. Сейчас от края до края перекатывается огромная волна организованной радости по поводу «расширения братской семьи советских республик».

В сентябре 1939 года 13-миллионное население западных областей Украины и Белоруссии с «великой радостью встретило своих освободителей» от национального и социального гнета. Никто не сомневается, что «братская семья» будет и дальше расширяться. И в то же время рождаются новые анекдоты, лучше отражающие жизненную истину, чем тысячи митингов и резолюций. Ходивший в эти дни по Москве анекдот о президенте Литвы, который торопился переименовать Каунас в «Покаунас», ясно указывал на судьбу, ожидающую страны Прибалтики.

По Европе кровавой поступью шагает Гитлер. А у нас договор о ненападении с Германией. Из рук в руки переходит журнал с огромными фотографиями Молотова и Гитлера. В один из воскресных дней прямо из Берлина транслируется выступление Гитлера. Прикованные к радиоприемникам москвичи в течение двух часов с недоумением слушают исступленные выкрики нашего «союзника».

Находящийся в это время в Москве Риббентроп вместе с гостеприимными хозяевами наслаждается балетом в Большом театре с участием Галины Улановой. Рассказывали, что восхищенный искусством Улановой Риббентроп после спектакля распорядился преподнести Улановой от его имени тысячу белых роз. Но тогда в Москве, в необычайно холодную зиму, в час ночи достать тысячу роз было невозможно. Высокому гостю объяснили с извинениями, что у нас страна социалистическая и все цветочники работают только днем, а сейчас они отдыхают и «вместе с нами» находятся в театре.

В Европе падает одно государство за другим. Немцы уже бомбят Лондон, а Москве кажется, что это происходит где-то на далекой планете, которая не

имеет никакого отношения к советской действительности. Никто не рассуждает, никто не высказывает ни тревоги, ни опасения. Есть только идущая сверху бодрая генеральная линия, убеждающая в волшебной силе «мудрого отца», единственного, кто думает и решает за всех нас и которому одному ведомо, как устранить любую опасность. Советские люди, давно отказавшиеся от Бога, верят только возведенному в ранг Бога безбожнику.

Правда, где-то, в самых глубинных и незримых слоях, ощущалась приглушенная тревога: там думали о неизбежности войны, о низкой боеспособности Красной Армии, обезглавленной в результате чисток 1938 года, лишившейся выдающихся полководцев — Блюхера, Егорова, Тухачевского, Якира и многих других. «Легендарного маршала» Ворошилова и генерала Тимошенко скептики после Финской кампании считали годными лишь для командования парадом. Но кто услышал бы голоса этих «еретиков» зимой 1940 года!

Но почему-то условия работы на предприятиях и в учреждениях делаются более жесткими. «С целью укрепления трудовой дисциплины» Президиум Верховного Совета СССР принимает ряд указов, в числе которых были и пресловутые указы «о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и «о нарушении рабочего режима». Опоздание на работу в первый раз до 15 минут влекло наказание в дисциплинарном порядке, а за более длительное или повторное предусматривалась уголовная ответственность с лишением свободы. Разумеется, эти указы «встретили широкую поддержку трудящихся», и, как всегда в подобных случаях, началась широкая кампания по борьбе с нарушителями трудовой дисциплины. Суды всех инстанций были немедленно завалены делами по этим указам. В Ленинграде сотрудница Публичной библиотеки пыталась покончить с собой, приняв большую дозу йода. В записке, оставленной перед этим, она писала, что не может избавиться от привычки опаздывать на работу и поэтому предпочитает умереть, чем оказаться в тюрьме. В Москве прославленный и уже пожилой народный артист СССР Москвин опоздал на 15 минут на репети-

цию. Директор театра не решился «оформить» дело против Москвина и запросил высшие партийные органы. В результате наказали обоих: Москвина за опоздание, а директора за то, что он растерялся и не сразу применил закон к «нарушителю».

Москвичи рассказывали анекдот об инженере, которого подвел испорченный будильник. Проснувшись позже обычного, он обнаружил, что времени у него остается только, чтобы доехать до места работы. Он не стал одеваться и, схватив брюки под мышку, побежал в одном белье на улицу. На работу он все равно опоздал. И опоздал изрядно, так как по дороге его на каждом шагу останавливали и спрашивали: «Где вы достали брюки?»

Мне, уроженке Грузии, всегда было трудно выносить московские морозы. Но такой суровой зимы, как в 1940 году, по словам старожилов, в Москве не было давно. В середине февраля термометр показывал ниже 40°. Несколько дней свирепствовала снежная буря.

В такие дни Меер, уходивший на работу в 7 часов, звонил мне оттуда и умолял «не выходить сегодня из дому». Но щадить себя мне казалось кощунством, и я по-прежнему, с обмороженными пальцами на руках и ногах, простаивала целыми днями в очередях — то за справками в МГБ и Прокуратуре, то в магазинах, чтобы достать продукты или промтовары и отправить их в Тбилиси. В этот период продукты и промтовары в магазинах можно было достать только в Москве и Ленинграде; Тбилиси, как и другие республиканские города, почти не снабжался. Правда, на «черном рынке» там можно было купить у спекулянтов абсолютно все. Но это было доступно лишь тем, у кого были «черные источники» заработка.

В Москву за покупками съезжались миллионы людей из всех республик. И приходилось стоять в длиннейших очередях часами, а то и днями. Только и слышно было: «что дают?», «где дают?», «сколько дают в одни руки?»

Для спасения Москвы от разграбления советскими гражданами других республик в Москве запретили отправку продуктовых посылок по почте. Их можно

было отправлять только из области, из пунктов, от-
стоящих от столицы не менее чем на 100 км.

Сколько времени и энергии уходило у меня каж-
дый раз на то, чтобы собрать и отправить в Тбилиси
посылку, которая все-таки не могла удовлетворить
скромные потребности семьи.

Несмотря на все строгости на работе, моему му-
жу все-таки удавалось приезжать в Москву на 1—2
дня; он всячески старался подбодрить меня и Меера, и
из всех окружавших нас тогда людей это удавалось
только ему. Но стоило ему уехать — и нас снова ох-
ватывало отчаяние. Мы опять возвращались по вече-
рам усталые и опустошенные (Меер — с работы, я —
из очередей), усаживались на кухне и до полуночи
вновь и вновь шепотом пересказывали друг другу пе-
чальную сказку нашей жизни или сидели молча, по-
груженные в одинаковые горькие думы...

В середине марта муж сообщил мне по телефону,
что моего шефа, Николая Успенского, беспокоит мое
долгое отсутствие; в связи с этим он настоятельно
просил меня вернуться домой в Ленинград, с тем что-
бы через некоторое время снова взять отпуск за свой
счет.

На второй день я взяла билет на поезд и вечером
сообщила об этом мужу.

А на рассвете следующего дня нас всех подняла
на ноги «молния» из Тбилиси. Телеграмма была под-
писана... Хаим.

Хаим на свободе! Радость, слезы, ликование.

Но дальше? Что с отцом? Как остальные обвиня-
емые по делу?

Из телеграммы, кроме того, что Хаим освобожден,
больше ничего вычитать нельзя.

Телефон у Хаима после его ареста сняли, а зво-
нить для выяснения подробностей кому-либо другому
— совершенно невысказано.

Необходимо повидать Хаима.

Решаю изменить маршрут и вместо Ленинграда от-
правиться в Тбилиси.

Звоню в Ленинград: еще рано, муж дома, я сооб-
щаю ему о «здоровье» Хаима. Не успела я попросить

его согласия на поездку в Тбилиси, как он сам опередил меня:

— Я понимаю. Сам Бог велит тебе ехать немедленно в Тбилиси. Постараюсь уладить здесь твои дела.

Вечером мы с Меером бежим на вокзал; за двойную плату удастся попасть в международный вагон (в зимнее время они часто уходят полупустые).

Пока кондуктор укладывает мои вещи, я стою в коридоре. В другом конце коридора знакомые, занимающие ответственные посты в сфере культуры. Они делают вид, что не замечают меня, и торопливо входят в свои купе. Когда-то на театральных банкетах некоторые из этих людей щедро изливали восторги по нашему адресу. А теперь они «не должны» замечать меня.

Я захожу в купе и закрываюсь. Впереди трое с половиной суток. Можно лежать и думать. Думать и гадать — где отец... и что будет дальше?

На четвертый день поезд медленно подходит к Тбилисскому перрону, и на ходу в вагон влетает Хаим.

Потоки слез... Радость встречи, горечь пережитого, угрожающая неясность настоящего... Ведь Герцель и папа еще «там»...

Не дожидаясь моих вопросов, Хаим рассказывает:

— Несколько дней назад нас неожиданно ночью вызвали и объявили, что, по решению ОСО, я, д-р Рамендик, Пайкин, Чачашвили и д-р Гольдберг освобождены, а папа и Р. Елигулашвили приговорены к ссылке в Сибирь сроком на пять лет.

Дальнейший рассказ Хаима доносится до моего сознания словно издалека.

Я думаю об отце с его больным, усталым и истерзанным сердцем. Среди воров и убийц этапируют его по длинным дорогам и пересыльным тюрьмам до далекой Сибири.

Я спрашиваю невпопад:

— В каком состоянии было у него сердце, когда ты с ним расстался?

Он посмотрел на меня со смешанным выражением печали и укоризны и тихо произнес:

— О каком сердце ты говоришь? Где сердце? Оно давно окаменело.

Он вернулся «оттуда», у них теперь иные, недоступные нашему пониманию представления о сердце и душе!

Я жадно присматриваюсь к Хаиму. Как он изменился, как поседел — ведь молодой парень. Характерные искорки в его глазах, всегда излучавшие радость жизни, погасли навсегда. В глубине глаз теперь залегла тяжкая печаль. Но он все такой же живой и неутомимый.

Хаим схватил мои чемоданы, и мы поехали домой.

О своей трудной жизни за последние месяцы мама и Полина ничего мне не писали. А сколько еще пришлось им пережить! Вот мама хромает, с трудом передвигается с помощью палки. Узнаю: месяца три тому назад она стояла во дворе у ворот и услышала, как кто-то с улицы крикнул: «Тюремная машина! В ней Хаим!»

Она выбежала на улицу, однако машина промчалась мимо; Хаима она не увидела, но упала на асфальт и сломала ногу. Она долго пролежала в гипсе. Девочка-подросток, Полина выходила ее одна.

А в это время к ним стали «наведываться»; им угрожали, что «лишнюю» изолированную комнату все равно отнимут, и настойчиво предлагали самоуплотниться. Им пришлось вселить в квартиру посторонних людей.

Теперь, после приговора, отец уже не числится за судебно-следственными органами, он находится в распоряжении ГУЛАГа. Теплые вещи и дозволенную передачу Хаим передал еще до моего приезда, а полагающееся единственное свидание нам обещали дать через неделю — в первых числах апреля.

В разрешение на свидание вписали только жену и детей. Никого из близких родственников, даже брата или сестру, не допустили.

В день свидания мы отправились в тюрьму с рассветом, чтобы вовремя занять очередь. Вместе со свиданием разрешали еще небольшую продуктовую передачу. Сперва принимали передачи, а вызов на сви-

дание происходил после проверки продуктов и разда-
чи их по камерам.

В одном из боковых дворов тюрьмы у разных форточек — длиннейшие беспорядочные очереди, тут и утонченные интеллигенты, и спокойные крестьяне, и базарные торговки, и вопящие родственники воров и убийц.

Начиная с 7 часов утра и до 3-х, каждые 20—30 минут хлопают форточки. Выкрикивают фамилию. Из форточки прямо на землю летят корзины и чемоданы с перемешанными и испачканными, не пропущенными как «недозволенные», продуктами. И каждый раз вслед за этим во дворе раздаются вопли, проклятия и ругань.

Около 4-х часов нас ввели в комнату свидания.

Затхлая, полутемная пустая комната перегороде-
на густой железной сеткой.

Еще через полчаса мы видим, как из темного коридора два вахтера подводят к сетке опирающегося на палку и уже одетого «по-сибирски» отца.

Вахтеры отходят и становятся в углу.

Вот она — эта первая минута встречи, которой я так страшилась. Прошел ровно год с того дня, как его увезли в камеру смертников, и я не знаю, каким он вышел оттуда. Не сломился ли, не надорвался, не пал духом? Выдержит ли предстоящие долгие мытарства? Выдержит ли суровую, холодную и голодную жизнь в одиночестве ссылки?

Стараясь нас разглядеть в полумраке, отец прильнул к сетке.

Мы знаем, что свидание будет длиться всего десять минут, и поэтому каждый готовится успеть сказать побольше подбадривающих слов, убедить его, что нам вовсе не страшно, и вести себя так, будто мы пришли проводить его в очередное путешествие.

И вот он стоит перед нами за сеткой, на ржавых колечках которой вдруг заблестели слезы...

В первую минуту мы просто онемели... Но опомнившись, мы все хором начинаем громко заверять его, что лобьемся его скорого возвращения и умоляем не тревожиться...

Но странно! Железная сетка как будто отбрасывает к нам все наши шумные и полные оптимизма

выкрики. Он не задает ни одного вопроса. Он пристально смотрит на маму и дрожащую от волнения Полину, а затем, глядя в упор на меня, с какой-то непонятной настойчивостью просит: «Вернись в Ленинград! Раз Хаим вернулся, он присмотрит за мамой и Полиной... и за всеми...»

Минуты свидания тают молниеносно... Мы продолжаем все громче воодушевлять его, а он, стараясь перекрыть нас, настойчиво повторяет: «Не задерживайся долго в Тбилиси... и в Москве тоже. Поезжай домой».

Еще звучат слова утешения... но уже подходят вахтеры... поворачивают его... свидание кончилось.

И вдруг мама, уже вдогонку ему, громко кричит: — Давид! Я приеду к тебе в ссылку!

В середине апреля я выехала в Ленинград. В Баку, в Ростове, в Харькове я вижу отогнанные подальше от платформы длинные составы из «столыпинских» вагонов с железными решетками на маленьких окнах. В таких вагонах по длинным и запутанным маршрутам перевозят заключенных. До отхода моего поезда я с замиранием сердца гляжу, не отрываясь, на эти глухие вагоны-гробы.

В одном из таких вагонов скоро отправят отца.

В одном из таких вагонов, очевидно, был отправлен Герцель куда-то на далекий Север...

Иногда мой скорый поезд оказывается почти рядом с таким составом. Два состава, два разных мира. В одном — бездонное человеческое страдание; в другом веселятся строящие «счастливую жизнь», они ничего не знают, ничего не слышат.

До Ленинграда скорым поездом четверо суток. Лежа в своем купе и прислушиваясь к монотонному стуку колес, я опять вижу наяву все тот же дьящийся вот уже два года страшный сон!.. Под конец он становится светлее — Хаим вернулся. Да и отец! Что? Разве не бесконечное счастье, что его отправляют в Сибирь? В прошлом году в такие же ночи он сидел в камере смертников. Только сердце от этого счастья не ликует.

И чей-то голос беспощадно корит меня:

— Где твоя клятва — умереть или спасти Герцеля?

Да, настало время, когда надо подчиниться ^{ЭТОЙ} клятве. Теперь, не задумываясь, не размышляя, не останавливаясь, надо кинуться в бой за Герцеля.

Мои частые и длительные отлучки начали вызывать толки. Чтобы не бросать тень на мужа, следовало пробыть хоть некоторое время в Ленинграде и «закрепиться» на работе.

Но тут я некстати заболела острой формой флегмонозной ангины; ленинградский сырой климат был для меня нехорош. Я пролежала в постели около полутора месяцев.

Уже подходит к концу июнь, а от отца все еще нет никаких известий. Из Тбилиси Хаим сообщает, что отца отправили этапом в конце апреля, но точно — когда и в каком направлении, установить ему не удалось.

Ни в Тбилиси, ни в Ленинграде не знают, где отец, в пути еще или уже прибыл на место.

Тревога наша нарастает.

Считаем месяцы, недели, дни...

И вот, в душный июльский день муж неожиданно вошел в зал судебного заседания, где я находилась, и вызвал меня знаком. Он был очень взволнован, но я сразу заметила, что он чему-то радуется. И действительно, он сообщил мне, что, вернувшись с работы домой, застал телеграмму от отца — «уже с места». Не теряя времени, он сразу же перевел ему телеграфно 500 рублей и лишь после этого пришел ко мне. С этими словами он передал мне телеграмму и квитанцию на перевод.

В телеграмме сообщался адрес его ссылки: Красноярский край, гор. Красноярск, село Б/Мурта.

Слава Богу! Доехал живым!

А вечером дома мы с мужем рассматривали карту «Великой Руси» и искали на бескрайней территории Сибири Большую Мурту, где находился сейчас он, одинокий и измученный.

Боже! Как далеко он от нас.

Теперь срочно надо доставать витаминизирован-

ные продукты. Потом выезжать в область и оттуда отправлять посылки по почте.

Надолго остается в памяти чувство какого-то странного блаженства, которое испытываешь, когда возвращаешься домой с почтовой квитанцией о приеме посылки. Эта маленькая бумажка снимает усталость, позволяет забыть все мытарства и невзгоды, связанные с этими операциями, а ведь нет уверенности, что твоя посылка, или хотя бы малая часть ее, дойдет до адресата.

В конце июля я снова оформила длительный отпуск за свой счет «для лечения» и, полная решимости добиться пересмотра дела Герцеля, возвратилась в Москву.

События в Европе, которые еще с весны стали разворачиваться с головокружительной быстротой, москвичи воспринимают с любопытством, но без тени тревоги.

После захвата Дании и вторжения в Норвегию была оккупирована Голландия, потом Бельгия. В конце июня капитулировала Франция. Только Англия, оставшись в одиночестве, обороняется отчаянно.

Судьба Англии вызывает исключительный интерес: удастся немцам вторгнуться на Британские острова и оккупировать их, или все же Англия выстоит?

Но все эти события люди ни в какой мере не увязывают с советской действительностью. Это происходит там — в загнивающем капиталистическом мире «в результате углубления общего кризиса, усиления борьбы внутри империалистического лагеря за новый передел мира». А у нас — все процветает, усиливается мощь и расширяется «братская семья». В начале августа Верховный Совет СССР «удовлетворил просьбу» стран Прибалтики — Латвии, Литвы и Эстонии и принял их в состав Союза ССР. В Бессарабию и Северную Буковину вступили части Красной Армии. Население сел и городов «с ликованием встретило своих освободителей».

Все уверены, что Гитлер проглотит Европу, но не посмеет напасть на Советский Союз. Тем более, что сейчас наши границы отодвинуты далеко на запад и их безопасность укреплена.

В эти дни Москва казалась безмятежной, веселой, ликующей...

А я снова целиком погрузилась в тот, другой мир, бесконечно далекий от ликующей Москвы.

Теперь я все чаще встречаю в НКВД, в Военной или во Всесоюзной Прокуратуре уцелевших жен или матерей тех, кто был репрессирован в Тбилиси в 1937—38 годах. Тогда, при Ежове, они боялись показываться в Москве даже для наведения справок. Слава и величие Лаврентия Берия обнадеживает и выманивает из городов и сел Грузии многих несчастных; они приезжают, вооруженные письмами родственников и друзей к людям из свиты Берия, которых тот захватил с собой в Москву.

Но немало есть и совсем «свеженьких», близкие которых были осуждены Верховным судом Грузии или Военным трибуналом Закавказского Военного округа совсем недавно. И нередко знакомые из Тбилиси просят меня составить жалобу или дать совет, как и куда обращаться. Утопающие хватались за соломинку.

В середине августа мне позвонила рано утром незнакомая грузинка и рыдая сказала, что она жена профессора Ш. Микеладзе и находится в таком же положении, в каком недавно была я; она впервые в Москве, совершенно не знает русского языка, не может одна выйти из дому и умоляет меня повидать ее.

Я сразу поняла, в чем дело, и немедленно поехала к ней.

Профессора Ш. Микеладзе, известного и очень популярного в Грузии врача, Военный трибунал Закавказского Военного округа недавно приговорил к смертной казни по обвинению в измене родине. Приговор подлежал обжалованию в кассационном порядке в Военную коллегия Верховного суда СССР. Жена осужденного, К. Микеладзе, приехала в Москву спасти жизнь мужа. Пожилая женщина, домохозяйка, не слишком осведомленная о том, что происходило за стенами ее хорошего, гостеприимного дома, попав в Москву и не умея толком объясняться по-русски, была в состоянии полного отчаяния. Своему единственному сыну, студенту одного из ленинградских вузов, она так ничего и не сказала об участии отца, чтобы не

погубить его. Она остановилась в доме русского врача, приятеля их семьи, который неоднократно гостил у них в Тбилиси. Но настоящую причину своего приезда она, конечно, скрыла. Разыгрывая с огромным напряжением воли роль «веселой гостыи», которая по грузинским обычаям прикатила сюда с вином, коньяком и фруктами, она говорила, что приехала в Москву за покупками.

Знавшие меня друзья и родственники К. Микеладзе дали ей телефон Меера и уверили, что я сумею ей помочь.

И вот мы наедине, хозяев нет, и она дает волю сдерживаемым до сих пор слезам. Домработница услышала плач, приоткрыла дверь и с недоумением спросила меня, что случилось. «В Тбилиси умерла ее горячо любимая двоюродная бабушка», — сказала я. Домработница изобразила на своем лице не то сочувствие, не то удивление и тихо прикрыла за собой дверь.

К. Микеладзе была беспомощна, как ребенок. Она плохо ориентировалась в городе, и при этом смертельно боялась метро. Мне пришлось сопровождать ее повсюду.

Ведение дела ее мужа мы поручили одному из известных и допущенных к политическим делам адвокатов — М. Берлину. Поскольку делопроизводство во всех военных трибуналах республик, и в том числе Грузии, ведется на русском языке, кассационные дела в Военной коллегии Верховного суда СССР рассматриваются довольно быстро. Уже через несколько недель определением Военной коллегии Верховного суда СССР смертный приговор Ш. Микеладзе был заменен десятью годами лишения свободы в лагерях. Беспредельно счастливая К. Микеладзе вернулась в Тбилиси.

Впоследствии мне рассказали, что накануне этапирования мужа она получила разрешение на передачу теплых вещей и свидание с ним. Вернувшись после свидания домой, обрадованная тем, что «хорошо собрала мужа в дорогу», она впервые за много месяцев ареста мужа села за стол в кругу близких родственников, приглашенных по этому «счастливному» случаю, и вдруг упала на пол и почти мгновенно умерла от

разрыва сердца. Она умерла счастливой, так как не дожидаясь трагической гибели мужа: через год, во время войны, его расстреляли при эвакуации лагеря, в котором он содержался, и где было расстреляно множество политических заключенных.

Потянулись месяцы. Я все кружусь и кружусь в заколдованном кругу. Начав с самой низшей ступени, я с упорством, как одержимая, рвусь все выше и выше. Добираюсь почти до самых высоких инстанций Военной и Союзной прокуратуры. Наконец, слышу окрыляющие слова: «Проверим, изучим, и, если подтвердится правильность ваших требований, дело будет пересмотрено».

Наступают дни ожидания. Потом из разных мест приходят ответы — до того одинаковые, словно они написаны под копирку. «Ваш брат осужден и сослан правильно. Оснований для пересмотра дела нет».

И я начинаю новый круг.

Хаим дома. Отец в Сибири. Времена переменялись. Теперь тон моих жалоб становится все более смелым. Я уже не прошу, я требую. Брауде не одобряет моих жалоб, он вообще считает мои действия опасными. Но меня это не волнует.

В Москве теперь много грузин, занимающих высокие посты. Среди них есть и такие, до которых я в состоянии добраться. Один из таких — Р. Б. Он устроил мне неофициальную встречу с ответственным работником ГУЛАГа. Тот, из уважения к Р. Б., разговаривал со мной очень по-домашнему и под большим секретом сообщил, что Герцель сослан в Норильский край.

Когда Берия перевели в Москву, он, среди прочих своих людей, которые были его глазами и ушами в МГБ других республик, взял также своего близкого друга, философа Петрэ Шария, который до того возглавлял в Грузии идеологический фронт.

Шария очень близко знал Герцеля, и потому я уверяла себя, что если только мне удастся достучаться до него, Шария не останется равнодушным к его судьбе.

Друзья из Тбилиси под большим секретом дали мне его домашний адрес, а также номера телефонов—

служебный и домашний. Вначале я долго пыталась дозвониться. Ни на минуту не отрываясь от аппарата, в течение трех суток я слышала только короткие гудки. Только тогда, когда один вид телефонного аппарата стал вызывать у меня дрожь, я перестала звонить.

Потом я послала П. Шария длинное письмо по домашнему адресу.

Я ждала дни, недели. Ответа не было.

Потом я послала ему телеграмму на дом.

И снова без ответа...

Наступил 1941 год. В промежутках между хлопотами иногда на 1—2 дня вырываюсь домой в Ленинград. Муж всячески поддерживает меня и помогает чем только может.

В середине января я послала отчаянную телеграмму на домашний адрес Берия и просила приема.

Раздраженный моими поступками Брауде кричал: «Дуреха! Тебя арестуют. Ты лезешь в огонь». Но голос благоразумия до меня уже не доходил.

Через два дня после того, как я отправила телеграмму на имя Берия, рано утром позвонил телефон. Мужской голос произносит мое имя и потом отчетливо говорит:

— Звонят из МГБ. Вам назначен сегодня прием. Придете в 12 часов вечера. Пропуск будет в приемной. Не забудьте документы.

Нас с Меером охватило сильное волнение. Наконец-то добрались до него. Что-то будет?

В тот день Меер вернулся с работы рано. Он не может скрыть волнения; утренний телефонный звонок его напугал.

— Может быть, прав Брауде, и тебе не нужно лезть в огонь, — удрученно говорит он.

За два часа до назначенного приема мы с Меером вышли из дому. Около часа мы молча ходили взад и вперед по Петровке. Меер вдруг зашел в какой-то ресторан и вышел оттуда с откупоренной четвертинкой водки. Я удивилась, так как ни Меер, ни отец, ни остальные братья в жизни не пили водку. Он отпил почти половину и стал настаивать, чтобы и я выпила тоже. Я отпила несколько глотков. Вероятно, так он хотел заглушить свою тревогу и немного подбодрить меня.

Без десяти минут двенадцать на углу Кузнецкого моста он крепко обнял меня и улыбнулся.

Я вошла в приемную МГБ, Меер остался ждать на улице.

Меня встретил какой-то высокий тип в черной сорочке и черных брюках, заправленных в высокие сапоги. Встретил, как знакомую. Длинными коридорами он повел меня в главное здание, потом ввел в большой кабинет на втором этаже, где на полу лежал темный ковер. Вокруг большого круглого стола стояли глубокие темные кожаные кресла; на окнах и дверях висели тяжелые шторы. «Тип» был не похож ни на русского, ни на грузина, ни на армянина. У него было широкое плоское лицо с маленькими чуть раскосыми глазками; я подумала, что он, вероятно, осетин. Он любезно помогает мне снять шубу, просит устраиваться в кресле.

Из-за штор вдруг бесшумно появился второй «тип». Видимо, этот рангом повыше первого, потому что при его появлении тот сразу почтительно отошел и стоял молча.

Второй «тип» похож на армянина. Он подошел, улыбаясь, взглянул на часы и сказал очень дружелюбно:

— Фани Давидовна, сейчас начало первого. Вам придется немного подождать. Лаврентий Павлович занят.

Потом оба уходят так же бесшумно.

Стараясь подавить дрожь в коленях, я крепко ухватилась за ручки кресла. Эта дрожь началась у меня, как только тот «осетин» повел меня по коридорам. Я забыла все приготовленные фразы, все соображения, которые собиралась изложить. Я не помню, что сама долго и упорно добивалась войти сюда, я теперь переживаю ощущения Герцеля, когда его, в ту роковую для нашей семьи ночь 25 апреля 1938 года, вырвали из жизни и впервые ввели в это здание.

С тех пор прошло уже два года и десять месяцев. Сколько энергии, сколько душевных и физических сил испепелено на то, чтобы узнать — где он и что с ним. И даже сейчас я знаю не больше того, что знала в страшное апрельское утро 1938 года.

А теперь я сижу в этом до жути безмолвном ка-

бинете, где-то в двух шагах от того, кто после «отца и учителя» является властелином миллионов человеческих судеб и от которого зависит дальнейшее земное существование не только Герцеля, но и всей нашей семьи. Найду ли я слова убеждения или сумею лишь умолять и рыдать...

Умолять и рыдать?.. Перед кем?

Я кажусь себе жалкой и смешной... В памяти мелькают примеры его бесчеловечного обращения с людьми, даже близкими... Вспоминаю красавицу Т. С., которую я в последний раз видела в конце 1937 года у моей близкой подруги и ее родственницы — Александры Т.

Мы с Александрой сидели в ее полуосвященной спальне и тихо разговаривали о ее муже — молодом и гордом абхазце, которого взяли месяц назад. В домашнем халате, непричесанная и взволнованная, в комнату вошла Т. С., жившая недалеко от Александры. Два дня тому назад взяли ее мужа — известного в городе инженера. Между тем люди знали, что Т. С. находилась в интимных отношениях с Л. Берия, который в то время был окружен необычайно романтическим ореолом любителя и покровителя поэзии, искусств и наук.

Т. С. подробно рассказала нам все перипетии, связанные с арестом ее мужа, в котором она винила исключительно начальника НКВД Гоглидзе. Она была уверена, что Гоглидзе еще «поплатится за это». Она даже велела арестовавшим ее мужа гебешникам передать Гоглидзе: «За что вы взяли моего мужа? Не за то ли, что я любила хозяина?». Она была уверена, что любовь к «хозяину» поможет ей «проучить» Гоглидзе.

Но Л. Берия не внял слезам своей «любимой», и через несколько дней сама Т. С. последовала за мужем.

Не могу забыть известного писателя и замечательного человека Николо Мицишвили. В начале 30-х годов он вернулся из Парижа, где после советизации Грузии находился в эмиграции. В Тбилиси он женился на молодой женщине, известной своей красотой. В самом разгаре арестов грузинских писателей в конце 1937 года на каком-то банкете среди литераторов ему

не понравилось слишком фамильярное обращение Лаврентия Берия с его женой. Он метнул в сторону Берия негодующий взгляд, встал из-за стола, взял жену под руку и вместе с нею демонстративно покинул банкет.

Через два дня Николо исчез.

Вспоминаю лицо Берия, каким я запомнила его в театре зимой 1937 года. В антракте мы с Герцелем гуляли в фойе. К нему подошел человек в штатском и сказал, что его просят в правительственную ложу. Герцель почему-то взял и меня. В глубине полуосвещенной ложи сидел Лаврентий Берия. И какие-то люди, которых я никогда не видела. Смешанное чувство любопытства и страха овладело мной, когда он, придвинув мне стул, глядел на меня желтовато-зелеными глазами из-под поблескивающих очков. И пока он разговаривал с Герцелем, во мне росло странное, безотчетное беспокойство.

Прошел час. Потом другой. За это время какой-то человек раза два или три, стараясь не шуметь, проходил через комнату. Потом появился «армянин» и опять, улыбаясь, сказал: «Лаврентий Павлович извиняется. У него срочное совещание, он задержится еще немного». Потом, заметив, что на столе в открытой коробке остались всего две папиросы, сказал с участием: «У вас кончатся папиросы. Я сейчас распоряджусь». И вышел.

Минут через 15—20 вошел «осетин» и положил передо мной на стол нераспечатанную пачку папирос «Казбек».

Сижу, жду, и напряжение во мне растет, и в тысячный раз мысленно повторяю все, что я должна сказать.

Четыре часа. Иногда мелькает мысль о Меере, который в эту морозную ночь ходит по площади и, наверное, уже потерял надежду, что я выйду отсюда.

Около пяти часов утра вошел «армянин» и с напускной досадой сказал:

— Фани Давидовна! Лаврентий Павлович просил передать, что он, видимо, еще долго задержится. И чтобы не заставлять вас ждать зря, он велел написать здесь все, что вы хотите сказать ему. Ваше пи-

сьмо в запечатанном сургучом конверте будет пере-
дано ему немедленно по окончании совещания.

Отчаяние мое было уже на пределе... Я начала кричать:

— Нет, нет. Я подожду, сколько нужно. Я буду ждать сегодня, завтра, послезавтра, но я должна видеть его и лично говорить с ним!

— Вы же понимаете, должно быть так, как сказал Лаврентий Павлович, — произнес он изменившимся голосом. Потом взял меня под руку, завел в другую комнату и снова в прежнем тоне начал приговаривать: — Вот здесь. Никто вам мешать не будет. Вот сургуч. При вас закроем и немедленно передадим, как только он освободится.

И тут я поняла, что бесполезно настаивать, бесполезно просить.

Когда «армянин» вышел и закрыл за собой дверь, меня охватило чувство безысходности. У меня было такое ощущение, будто я очень долго карабкалась со дна пропасти наверх; а когда наконец добралась до края, меня толкнули, и я снова провалилась на дно.

Я села писать. Я писала по-грузински. Все накопившееся за эти годы и душившее меня отчаяние изливалось на бумаге; я доказывала, объясняла, просила, умоляла...

Было уже начало седьмого, когда я открыла дверь. Мгновенно передо мной оказался «армянин». Мне даже показалось, что все время, пока я писала, он стоял у двери.

При мне он растопил сургуч и заклеил большой конверт. Я написала на конверте по-грузински свою фамилию, имя, адрес и номер телефона Меера. «Мы вам позвоним», — сказал он с подчеркнутой любезностью.

Когда «осетин» закрыл за мною глухие, тяжелые двери, я направилась прямо к станции метро «Дзержинская». Начало светать. Я остановилась перед входом. Люди, спеша на работу, толпами валили в метро. Со стороны Кировской улицы появился Меер. Заметив меня издали, он побежал, кинулся ко мне, дрожа от холода и пережитого страха. Он до того обрадовался моему появлению, что в первые минуты даже забыл спросить, видела ли я изверга

Так мы с Меером провели еще одну незабываемую ночь страха и надежды. Он — шатаюсь на улице при 25-градусном морозе, я — в теплом кабинете на Лубянке.

В ожидании звонка с Лубянки прошел январь, подходит к концу и февраль. Я ломаю себе голову, пытаюсь понять, почему Берия заставил меня ждать всю ночь, если он не собирался принять меня! И что означали эти неоднократные «извинения», которые приносил мне от его имени «армянин»?

В начале марта мой муж, находившийся в это время в Москве, видя, что бесплодная борьба совсем иссушила и изгрызла мне душу, стал уговаривать меня отложить хлопоты на месяц-другой и вернуться домой, пока «погода прояснится». Время опять наступило тревожное; ощущалась неизбежность каких-то больших перемен. Я согласилась, но решила до отъезда отправить Берия еще одну телеграмму по его домашнему адресу и напомнить ему о моем «визите».

Составив текст телеграммы, я, как обычно, поехала к Брауде проконсультироваться. В последнее время он все больше сердился и кричал на меня, утверждая, что я совсем обезумела. Но каждый раз, в конце концов, соглашался со мной и, если находил нужным, вносил свои коррективы в мои «безумства».

На этот раз он решительно и категорически стал возражать против моей опасной затеи; по его словам, я подвергла смертельной опасности не только себя, но и Меера.

Он долго и нервно ходил вокруг своего письменного стола с ворохом беспорядочно набросанных на нем бумаг и брошюр. Потом вдруг остановился и, как бы вспомнив о чем-то, сказал:

— Хорошо! У меня есть возможность связать тебя с человеком, имеющим право истребовать дело.

Человеком этим оказался прокурор Тарасов, один из помощников Генерального Прокурора Союза ССР. Тарасов жил в том же доме, где и Брауде. Не так давно у него дома разыгралась настоящая драма. Брауде помог ему отстоять ребенка, которого отобрала у него мегера-жена, преследовавшая его и угрожавшая его убить.

Брауде обещал устроить мне прием у Тарасова в самые ближайшие дни.

Новая надежда окрылила меня. Оживились и Меер, и муж. Он вернулся в Ленинград, а я бросилась «по новому следу».

На следующий день позвонил Брауде и сказал, что Тарасов примет меня не то 19, не то 20 марта, не помню точно.

Не провела я и пяти минут в кабинете прокурора Тарасова на первом этаже Прокуратуры СССР, как почувствовала, что вдруг куда-то исчезли напряженность, страх, отчаяние и гнетущая тоска, которые не покидали меня ни на минуту в течение трех лет.

Передо мной сидел еще не старый человек, с интеллигентным русским лицом, с зачесанными назад черными волосами. Он смотрел на меня из-под очков дружелюбно и с искренним сочувствием.

Впервые за эти годы я почувствовала в кабинете прокурора подлинно человеческое отношение, искреннее желание и готовность помочь.

Расспрашивая меня, Тарасов делает какие-то заметки, переспрашивает, уточняет даты, факты.

Окончив «ознакомление с делом», Тарасов встал и сказал тоном, не оставляющим и тени сомнения в его решимости:

— Дело будет истребовано. Заверяю вас, что все возможное будет сделано.

Не только слова, но и тон, каким они были произнесены, ошеломили меня... Я боялась поверить своим ушам...

Тарасов велел мне прийти через две недели. Чтобы избавить меня от мучительных хлопот о пропуске, он тут же выписал мне повестку — вызов в Прокуратуру СССР. День вызова приходился на последнюю пятницу марта 1941 года.

И когда я пожала его протянутую руку и поблагодарила, впервые за три года я улыбнулась.

Луч надежды, блеснувший в кабинете Тарасова, с каждым днем становился все более ярким; мы уже были увлечены в благоприятном повороте судьбы. Глаза Меера сияют радостью. От волнения он даже стал слегка заикаться. Из телефонных разговоров с мужем

я узнаю, что и там обещание пересмотреть дело Герцеля всколыхнуло всех, и дома с нетерпением ждут моего «окончательного возвращения».

Во мне все ликовало. Наконец! Я забыла все пережитые за эти годы муки, страдания и унижения. Считаю дни и часы до последней пятницы марта. Герцель вернется, иначе и быть не может. Ведь еще летом 1938 года, в самый кульминационный период арестов, по Тбилиси шли упорные слухи, что он будет «первой ласточкой», прилетевшей «оттуда».

Он не имел ничего общего ни с кем из «исчезнувших» — как партийных, так и беспартийных! Он был лишен всех признаков, по которым «брали». А уж теперь, после свержения Ежова и прекращения массовых арестов, после возвращения «оттуда» людей, исчезнувших в те же дни, после отмены смертного приговора отцу, — теперь уж казалось несомненным, что достаточно добиться пересмотра дела Герцеля, и он вернется.

Накануне приема у Тарасова, в четверг, я вложила свои вещи и взяла билет в Ленинград на субботу. В пятницу рано утром я позвонила мужу и сообщила ему номер поезда и вагона. По-видимому, мой голос показался ему особенно бодрым, потому что он сказал:

— В твоём голосе чувствуется металл. Как я счастлив, что наконец и нам улыбнется судьба. Наши готовят торжественно отметить 15 апреля день нашей свадьбы.

Родные мужа собираются празднично отметить годовщину нашей свадьбы. А кому бы это пришло в голову во все эти годы! Тем более, что именно с нее все и началось.

День был на редкость теплый и солнечный. Около пяти часов с повесткой на руках прямо через двор я прошла в Прокуратуру СССР — в спецотдел, к прокурору Тарасову.

Когда я вошла в кабинет, мне показалось, что Тарасов очень занят и чем-то озабочен. Не полагая мне руки, он продолжал что-то искать в ящиках стола, потом в шкафу. Я села в кресло и начала ждать, пока он отыщет какие-то, видимо, срочные материалы. Ни разу не взглянув в мою сторону, он продолжал уг-

рюмо рыться в ящиках. Меня встревожила его нервозность. Но я сидела и молчала.

Потом он неожиданно сильно хлопнул нижним ящиком, встал и, выйдя из-за стола, остановился передо мной. Он смотрел куда-то в сторону, в угол комнаты, как-то странно развел руками и проговорил:

— В общем, я ничего сделать не могу.

Пока я опомнилась, он быстро направился к открытой двери боковой комнаты. Там он остановился на мгновение и, обернувшись, сказал очень тихим голосом:

— Вы культурный человек, поймете сами.
С этими словами он исчез.

Я пытаюсь собраться с мыслями... То есть, что значит «не могу ничего сделать»? И что я должна понять?

И вдруг острой, невыносимой болью сознание пронзила мысль: Герцель расстрелян... убит... убит...

Я потом никогда не могла вспомнить, что со мной было и сколько времени я находилась в кабинете у Тарасова. Первым сознательным ощущением было инстинктивное желание ухватиться за ручки кресла, так как я сползала с него вниз. Невероятная сила тянет меня к земле, сквозь землю, в пропасть. Это со страшной силой давят на меня обрушившиеся небо и земля.

Не знаю, сколько времени я пролежала на полу в безмолвном кабинете, без мыслей и без чувств.

Тарасов не возвращался.

Я попыталась встать. Но ноги были ватными. Я доползла до двери. Ухватилась за ручку, привстала. Наконец открыла дверь и, сгорбившись, поплелась через двор на улицу.

Выйдя со двора, я прислонилась к железной ограде. Заходящее солнце мне показалось черным. Навсегда осталась в памяти залитая черными лучами заходящего солнца Москва в ту последнюю мартовскую пятницу 1941 года.

Все кончено...

Еще утром я была счастлива. Утром была жизнь, в которой было много страданий, мук и слез, и борьба, и надежда на будущее. А теперь нет больше надежды и не будет будущего.

Начинало темнеть. Я бессмысленно поплелась по

Пушкинской улице вниз, к площади. Шла, не зная куда и зачем...

Герцеля убили... и не было в жизни больше ни дороги, ни цели.

За что его убили?

Он был молод и красив, высок и строен. Он был талантлив и образован, добр и благороден, горд и мужественен. Он излучал свет и добро. Исходящая от него магнетическая сила покоряла и очаровывала.

Он любил свой народ и поэзию. Он носил в себе печаль и горе своего народа, но не плакал. Он раскрыл свои крылья молодого орла для полета в светлое будущее и увлек за собой тысячи молодых. Он пробудил своих братьев от тысячелетней спячки, отучил от немоты и помог обрести утраченное достоинство.

Его любили тысячи, ненавидели из черной зависти — единицы.

Его любили евреи и грузины.

Он был единственным, не похожим ни на кого.

Он был сиянием и душой моей жизни.

Погасло это сияние, и стало темно. В темноте гаснет и чахнет все живое.

Михаэль ЗАНД

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ*

С трепетом душевным принял я предложение Фаины Баазовой написать послесловие к этой книге, предложение, которое я считаю для себя большой честью.

Имя Баазов высечено на скрижалях героизма и самопожертвования нашего народа. Оно является одним из наиболее выдающихся и известных имен в истории грузинской еврейской общины. Место Давида Баазова в истории сионизма в Грузии и место Герцеля Баазова в грузинско-еврейской культуре — это темы для большого серьезного исследования, которое, разумеется, не может быть сделано в рамках этого послесловия. Трагедия дома Баазовых во времена «великого террора», как принято называть период советской истории между 1936 и 1938 годами, описана Фаиной Баазовой с такой силой, выразительностью и достоверностью, что едва ли остается место для дополнений.

Однако имя Баазов вот уже около тридцати лет вплетено в мою жизнь. И вот об этом и только об этом я расскажу здесь, не претендуя ни на что большее.

В конце 1948 или начале 1949 года я, тогда студент Московского университета, листая журналы по востоковедению, выходившие в СССР в конце 20-х — начале 30-х годов, наткнулся в одном из них на отрывок из романа о жизни грузинских евреев, носившего название «Петхаин». Над отрывком стояло имя автора — Герцель Баазов. Я был тогда уже достаточно «образован», чтобы догадаться, что автор этого романа

* Печатается с сокращениями.

— еврей, названный Герцелем в честь основателя движения, которое совсем недавно добилось создания Еврейского государства, и что фамилия Баазов происходит от библейского имени Боаз. Я принялся искать этот роман, но не нашел ни в одной библиотеке. Тогда я стал наводить справки об авторе. В энциклопедиях, обзорах и университетских курсах по грузинской литературе, изданных в конце 30-х и в 40-х годах, он не упоминался, в некоторых же изданиях подобного рода, увидевших свет в первой половине 30-х годов, его имя прославлялось.

Я вырос в большом доме в центре Москвы. Дом этот плотно заселяли около ста семейств политэмигрантов, которые либо сами бежали в «столицу мирового пролетариата», либо были вызваны советским руководством в 20-х и в начале 30-х годов. К концу 1937 года во всем доме осталось только четверо мужчин. Все остальные — в том числе и мой отец, да отомстит Господь за его кровь, — были арестованы Народным Комиссариатом Внутренних Дел (НКВД, ныне КГБ) и бесследно исчезли. Итак, мне было нетрудно сообразить, что судьба этого так тщательно замалчиваемого писателя такова же, как судьба мужчин нашего дома.

Роман я прочел в 1952 году. Осенью того года нас — группу сотрудников Академии наук Таджикской ССР — послали на сбор хлопка в колхоз в Вахшской долине, недалеко от афганской границы. Колхоз этот был основан в начале 30-х годов русскими «раскулаченными», сосланными сюда из центральной России. В то время это была безжизненная пустыня. Ссылные выкопали здесь ирригационные каналы. Большинство их при этом умерло. Те же, кто остался в живых, были названы «колхозом им. Москвы», и им было велено выращивать хлопок. В 1941 году сюда были сосланы немцы Поволжья; в 1944 — крымские татары, греки с юга Украины и даже небольшая группа голландцев — население двух голландских хуторов, существовавших на Украине с конца XVIII века; в 1945 году сюда были доставлены болгары из Бессарабии. Многие из этих ссыльных тоже умерли. В 1950—1951 годах сюда было привезено маленькое племя с гор Памира — язгулемцы — и горные таджики из Куляба. Большин-

ство язгулемцев и часть кулябцев также погибли: горцы просто-напросто не могли здесь жить. Среди хлопковых полей совхоза были разбросаны кладбища — для каждой группы свое. Живые, однако, жили вместе и работали вместе, а на собраниях, проводившихся в клубе, по меньшей мере, раз в неделю — и по-русски, вместе клялись в вечной любви к Коммунистической партии, советской власти и другу всех народов — товарищу Сталину. В клубе, представлявшем из себя убогий барак, помещалась также и библиотека — два шкафа, стоявшие в небольшой отдельной комнатке. Один шкаф, сделанный из хорошего дерева, был застеклен и всегда заперт на замок. Через стекло можно было разглядеть его содержимое: тома полных собраний сочинений Ленина и Сталина по-русски и по-таджикски. Вторым шкафом, сделанным из фанеры, был всегда открыт, и всякий мог вынуть оттуда любую понравившуюся ему книгу, записать свое имя у библиотекаря-таджика, с трудом умевшего читать, и взять книгу домой. Выбор был небогат: большая часть книг была почему-то на узбекском языке (в колхозе вообще не было узбеков), немного — на таджикском и еще меньше — на русском. Я обратил внимание на одну обернутую толстой черной бумагой книгу, стоявшую среди узбекских книг. Раскрыл ее — и не поверил собственным глазам: это был русский перевод книги Герцеля Баазова «Петхайн», опубликованный в Москве в 1936 году. На обратной стороне обложки витиеватым почерком было написано по-русски: «Из книг Григория (насколько мне помнится) Бухникашвили. Гагры, 1937». Кто был этот Бухникашвили из курортного города Гагры на берегу Черного моря? Что связывало его с этим лагерем ссыльных, именуемым «колхозом им. Москвы»? Если не он, то кто привез сюда эту книгу?..

Загадочность путей, которыми эта книга попала сюда, в это Богом забытое место, и тот факт, что она была запрещена, как будто обострили, углубили и усилили наслаждение от чтения. Перед моим пораженным взором жило, трудилось, печалилось, веселилось, страдало, кричало, молчало, любило, ненавидело племя моего народа, о котором я почти ничего не знал. Цвета были резки, почти без оттенков (позже, побы-

вав в Грузии, я понял, что автор воспринял эти цвета от самой грузинской природы); картины экзотичны; сцены полны напряжения; диалоги драматичны и по-восточному красноречивы. Положительные герои были не только положительны, но и прекрасны, и по-рыцарски благородны; отрицательные герои были отрицательны во всем. В романе чувствовались, разумеется, и влияния той эпохи, когда он создавался, но я не обращал на них внимания, настолько я был зачарован этой книгой — такой еврейской и такой грузинской одновременно, — которую мне довелось читать здесь, среди интернационала отверженных, в оазисе посреди пустыни, ночью, при свете единственного электрического фонаря, висевшего на высоком столбе в центре селения.

Осенью 1955 года в столице Таджикистана Сталинабаде проходила всесоюзная конференция, посвященная исследованию национальных литератур народов СССР. Такого рода конференции устраиваются в Советском Союзе раз в год или два, и честь проводить их предоставляется поочередно всем союзным республикам, причем соблюдается строгий порядок в иерархии оказания этой чести той или иной из них. Я присутствовал на этой конференции в составе делегации Таджикской ССР. То был один из наиболее странных периодов новейшей истории СССР. Прошло уже более двух лет с тех пор, как Сталин занял свое место в аду. Газеты много писали — не называя имени умершего диктатора — о чем-то весьма неопределенном, но в то же время малосимпатичном, именуемом «культом личности», и рассуждения об этой «бляке» были всегда самыми философскими и абстрактными. Хрущев еще не произнес своей знаменитой тайной антисталинской речи — до XX съезда КПСС, на котором она должна была прозвучать, оставалось еще несколько месяцев. Но, разумеется, ни для кого не было секретом, кем именно была эта анонимная личность, против культа которой восставала теперь, когда личности уже не было в живых, вся советская пресса. Начался уже процесс «реабилитации» — пересмотра дел тех, кто был осужден во времена Сталина как «враг народа» — и уже начали возвращаться из тюрем и лагерей те немногие, кто остался в

живых. В довольно широких кругах ходили уже рассказы об ужасах, творившихся за решетками и колючей проволокой. Одни ошеломляющие слухи теснили другие, не менее ошеломляющие: поговаривали о том, что реабилитируют Троцкого, Бухарина, Каменева и всех прочих вождей большевистской революции, убитых по приказу Сталина; о том, что их строго-настроено запрещенные сочинения будут переизданы и введены в университетские курсы в качестве обязательной учебной литературы; о том, что годовщины Февральской революции будут праздноваться наравне с годовщинами Октябрьской революции; о том, что арестованы якобы все, кто при Сталине работали в НКВД и МГБ, и т. д., и т. п. И вместе с тем громадные портреты Сталина по-прежнему висели повсюду, его бюсты и статуи стояли в каждом городе, большом и малом, а сотни тысяч учеников средних школ, студентов высших учебных заведений и учащихся «сети партийно-политического просвещения» зубрили его творения и сдавали по ним экзамены.

Парадоксы времени нашли свое отражение и на конференции. Если кто-нибудь когда-нибудь напишет объективную историю советского литературоведения и советской литературной критики, возможно, он определит эту конференцию как начало отхода от известной сталинской формулировки, гласившей, что культуры советских народов являются национальными по форме и социалистическими по содержанию. Один за другим поднимались на трибуну литературоведы, сыны разных народов — маститые «больше» и маститые «меньше», — и, оборотившись к аудитории лицом, а к портрету Сталина задом, высказывали — кто посмелей, кто более робко, с опаской — еретическую мысль, что не только форма культуры, но и содержание ее могут быть национальными. Не все, разумеется, отрицали учение, которое еще вчера было святым. Были и такие, кто защищал каждую букву этого учения. Однако они были в меньшинстве, и в словах их слышалась неуверенность: кто знает, может быть, завтра действительно отменят учение Сталина, кто знает? Особенно выделялся в этой группе один еврей, в прошлом ведущий деятель партийной верхушки Таджикистана, а ныне исследователь тадж-

жикской литературы, помнивший наизусть большинство сочинений Сталина и еще не так давно любивший щеголять своей эрудицией. Но большинство выступавших, как я уже говорил, совершенно «распоясалось».

Среди них выделялся один соотечественник Сталина, известный грузинский литературный критик. «Настало время положить конец догматизму! — кричал он с трибуны, обращаясь к предыдущему оратору, тому самому еврею — знатоку сталинских трудов. — Судя по возрасту товарища Б. (он назвал фамилию знатока), он не относится к тем сынам своего древнего и гордого народа, которые не знакомы ни с его языком, ни с его культурой. (В эту секунду я глянул на товарища Б. Тот буквально замер на месте от страха и растерянности. Он молчал. И вся аудитория будто застыла. В зале воцарилась глубокая тишина: в те дни еврейская тема была еще «табу»). Скажите, пожалуйста, товарищ Б., в чем проявляется национальный характер литературы еврейского народа?» (Тут товарищ Б. вышел, наконец, из состояния оцепенения. «Моей родной культурой является русская культура!» — прокричал он с сильным идишским акцентом).

«Хорошо, — сказал грузин, — но как человек широких культурных горизонтов, вы, надеюсь, согласитесь со мной, что национальный характер проявляется не только в языке, хотя, как нам известно из трудов товарища Сталина по языкознанию, именно язык — это прежде всего форма каждой национальной культуры. Ведь то, что национально в еврейской литературе, проявляется прежде всего в ее содержании: Шолом-Алейхем писал на разговорном еврейском языке (он имел в виду идиш), а Бялик — на древне-еврейском. (так именовали тогда в Советском Союзе иврит), но несмотря на различие языковых форм, произведения обоих являются еврейскими по содержанию (самый факт произнесения этих слов во всеуслышание поразил меня: в 1948 году, во время «кампании по борьбе с космополитизмом» Бялик именовался врагом советской власти, реакционером, буржуазным националистом и т. п., и сборник его стихов в русском переводе Владимира Жаботинского лежал у меня спрятанным. Сборник этот я приобрел странным и даже таинственным образом в 1946 году, но здесь я не стану рас-

сказывать об этом)». Тут товарищ Б. вскочил со своего места и произнес, громко подчеркивая каждое слово, «Товарищ председатель! Я категорически протестую против весьма странной позиции, которую занял здесь товарищ Ж. (он назвал фамилию грузина). Под видом научной дискуссии он пытается протащить с заднего хода сомнительного и бездарного виршеплета, врага советской власти, реакционера и оголтелого еврейско-го буржуазного националиста!»

«Удивляюсь я вам, уважаемый товарищ Б., — парировал его атаку Ж., — как это вы, столь великий знаток первоисточников, столь вопиюще непростительно искажаете слова, — тут он перешел на патетическую декламацию, — основоположника многонациональной советской литературы, основателя системы социалистического реализма Алексея Максимовича Горького! Разве вы не помните, что Горький назвал Бялика не «сомнительным и бездарным виршеплетом», но «почти гениальным поэтом»? Но если вам почему-то неприятно слышать имя Бялика, возьмем другой пример. Был у нас в Грузии молодой писатель и драматург — великая гордость и надежда нашей литературы. К нашему сожалению и стыду, да, к стыду нашему, его судьба была такой же, как судьба других безвинно арестованных и расстрелянных». Он помолчал несколько секунд, склонив голову. Намек его был понят всеми, в атмосфере тех дней он был весьма и весьма ясен. Я же, все еще не веря своим ушам, подумал: вот, сейчас этот грузин будет говорить о Герцеле Баазове! Ведь связующая нить ясна: еврейская литература — многоязычие — еврейский писатель, пишущий по-грузински. Боже мой, невероятно!

«Я говорю — гордость и надежда нашей литературы, — продолжал Ж., — потому, что его грузинский язык был чист как вода наших горных источников и сладок как поцелуй наших девушек. И вместе с тем он был еврей (вот оно — он говорит о Баазове, пронеслось в моем мозгу), и темы всех его рассказов и единственного романа, который он успел опубликовать, были еврейскими. Произведения этого писателя являются грузинскими по форме, и, разумеется, социалистическими, — добавил он, не желая заходить слишком далеко, — но также и еврейскими по

содержанию. Что можете вы, догматики, знающие наизусть первоисточники, но лишенные способности мыслить самостоятельно, ответить на это?!» Он бросил взгляд на Б. Близорукий, в очках с толстыми стеклами, которые, наверняка, немногим могли ему помочь, Ж. скорее догадался, чем увидел, что тот раскрыл уже рот для ответа. Но недаром сыны Грузии славятся своим ораторским искусством. Ж. повысил голос, который гремел теперь как гром в зале заседаний Академии наук Таджикской ССР. Я сидел у приоткрытого окна и, глянув наружу, увидел, что на улице уже начали собираться удивленные прохожие. «Имя этого писателя — нашей гордости и нашей надежды, звезды нашей литературы, которой не дано было проявить себя во всем своем сиянии, — имя этого писателя Герцель Баазови (так, по-грузински, он произнес это имя). Он пал жертвой правонарушений периода культа личности». (То был первый раз, когда я услышал это выражение. Может быть, сам Ж. и изобрел его спонтанно, тут же на месте? Не знаю. Выражение это быстро стало общепринятым языковым оборотом). Выступавший еще более повысил голос: «Несмотря на всю трагичность его судьбы, я счастлив сообщить вам с этой трибуны, на этой всесоюзной конференции, что Герцель Баазов недавно реабилитирован, и его имя снова займет свое место на доске почета нашей литературы»...

В 1957 году я вернулся в Москву. В тот год при большой московской синагоге открылась иешива. Большая часть учащихся была из Грузии, и главы московской общины старались поселить их в тех немногих еврейских домах, где еще хоть как-то соблюдались традиции. Так попал в однокомнатную квартиру моей, благословенна ее память, бабушки, юноша из Тбилиси, и через него установились у меня связи с несколькими грузинскими евреями, учениками иешивы. Имя Герцеля Баазова было знакомо им всем. Один даже показал мне с гордостью «Песнь песней» в переводе Герцеля Баазова, изданную в 1927 году в Тбилиси тиражом в тысячу экземпляров. Но больше, чем о Герцеле Баазове, говорили они о его отце, раввине Давиде Баазове. От них впервые услышал я это имя. Не скрою, что значительная часть их рассказов

казалась мне тогда чем-то вроде «Шивхей Бешт»* в грузинском изводе XX века. Только позже, изучая историю этой общины и роюсь в документах, я понял, что в основе большинства рассказов, которые, казалось, относились к области фольклора, лежат действительные исторические факты. Я обратил внимание на то, что часть рассказов была, очевидно, известна всем, а часть — только выходцам из определенных мест. Так, например, юноша родом из Цхинвали рассказывал, что в их городе живут еще старики, учившиеся в свое время вместе с Давидом Баазовым у его отца, хахама Менахема. По словам этого юноши, прежде, чем они успели выучить молитвы, Давид Баазов изучил уже все Пятикнижие с комментариями, а когда они приступили к изучению Пятикнижия, он успел уже изучить Пророков и Писания. И в это время прибыл в Цхинвали один ашкеназский раввин, рабби Аврахам Хволес, увидел одаренного мальчика и стал убеждать отца отправить Давида учиться в какую-нибудь российскую иешиву, как и приличествует такому илую**. Это предложение было столь необычным, что хахам Менахем согласился на него только после долгих колебаний.

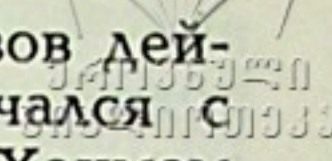
Рассказ другого юноши, родом из Ахалцихе, города в южной Грузии вблизи турецкой границы, был похож на приключенческий роман. По его словам, рабби Баазов занимал пост раввина в ахалцихской общине в годы, когда политическая власть в тех местах была очень неустойчивой — царь был уже свергнут, и после прихода к власти Временного правительства, а тем более после Октябрьской революции, грузины стремились («разумеется», — добавил рассказчик) добиться независимости. Но поскольку Ахалцихе расположен близ турецкой границы, а в самом городе и в его окрестностях было значительное мусульманское

* «Шивхей Бешт» — сборник преданий и легенд об основателе хасидизма рабби Исраэле Баал-Шем-Тове (Беште) — (здесь и далее прим. переводчика).

** Илуй — отрок, наделенный необычайной ясностью ума и феноменальной памятью; термин применяется, в основном, в отношении к тем, кто с юного возраста выделяется своими глубокими познаниями в области религии.

население, то и турки и ахалцихские мусульмане требовали передачи всего этого района Турции. Турки вторглись в Ахалцихе, опираясь на поддержку вооруженных отрядов местных мусульман. В городе ощущалось большое напряжение, и неприкрытая ненависть царила в отношениях между христианами и мусульманами. «Продолжение известно, — перебил я его, — евреи, разумеется, оказались меж двух огней и либо были перерезаны, либо бежали». — «На этот раз ты не угадал, — ответил он, — продолжение было иным». Мусульмане оказались сильнее, и они принялись грабить и убивать христиан как грузин, так и армян, которые не были как следует организованы, не имели оружия, да вдобавок еще и враждовали друг с другом. Но евреев и их имущество мусульмане не трогали. Почему? А потому, что ахалцихские мусульмане очень уважали раввина Баазова за его необычайную мудрость — даже их мудрецы приходили к нему за советом. И у руководителей христиан он тоже пользовался большим уважением. И вот теперь обратились к нему христиане с просьбой помочь им и уговорить мусульман прекратить грабежи и убийства. Давид Баазов согласился взяться за это, отправился к главе мусульманской общины города, и тот приказал своей пастве прекратить грабежи и убийства. Так раввин Баазов спас от смерти христиан Ахалцихе и его окрестностей — как грузин, так и армян. Таков был рассказ. Я слушал его тогда с известной долей скептицизма. Он показался мне типичным примером устного народного творчества. Однако не так давно Фаина Баазова показала мне воспоминания о ее отце, написанные грузинским генералом Маглакелидзе, который в 1917—1918 годах занимал пост специального военного уполномоченного Временного правительства в мусульманских районах Грузии. Воспоминания этого генерала полностью подтверждают достоверность рассказа.

Некоторые из учащихя иешивы не раз пытались убедить меня в том, что раввин Баазов был близким другом Теодора Герцля и Хаима Вейцмана. Признаюсь, тогда я воспринимал их слова с недоверием. Но и эти рассказы в значительной степени подтвердились. Впоследствии, углубившись в источники конца XIX —

начала XX века, я обнаружил, что Давид Баазов действительно, по крайней мере дважды, встречался с Гиньямином Зеевом Герцлем и был знаком с Хаимом Вейцманом. Ничего удивительного, что народная память превратила знакомство и встречи в близкую дружбу.

Совершенно уже фантастическим казался мне тогда рассказ о путешествии Баазова в Эрец-Исраэль в первые годы советской власти во главе группы репатриантов. Но в основе и этого рассказа лежали действительные события, в чем я убедился, читая книгу «Грузинские евреи в Грузии и Эрец-Исраэль» Натана Элиашвили, который вместе с Давидом Баазовым стоял во главе сионистского движения в Грузии после революции. Однако были в этом рассказе и типично фольклорные мотивы: мои собеседники утверждали — и такова была, несомненно, версия, которую они слышали от представителей старшего поколения, — что советские власти позволили группе евреев выехать из Грузии в Эрец-Исраэль по личному разрешению Серго Орджоникидзе. По словам моих собеседников, Орджоникидзе очень уважал и ценил Давида Баазова и именно поэтому хотел оставить его в Грузии. А по моему, позволив ему посетить Святую Землю, он не дал разрешения на выезд членам его семьи, и те остались в Тбилиси в качестве заложников...

В середине 60-х годов у меня завязалось знакомство, быстро переросшее в дружбу, с последним из сыновей Давида Баазова — Меером. Мы познакомились с ним весной 1965 года в доме Цви Плоткина, одного из последних подпольных ивритских писателей в СССР, более известного в Израиле под именем Моше Хиог.

Я заметил, что он был весьма разборчив и осторожен в выборе друзей и знакомых. Но после Шестидневной войны круг его знакомых значительно расширился. Иногда я встречал у него «еврейских» евреев (московские и вообще советские евреи делились тогда для меня на «еврейских», то есть тех, кто интересовался своим еврейством, и на «нееврейских» — которые им не интересовались и зачастую старались скрыть свое еврейское происхождение и избавиться от памяти о нем). Иногда я встречал его и в компа-

ниях национально настроенной молодежи. Многие тянулись к нему из-за того, что он так разительно отличался от них: они не знали ни языка, ни культуры, ни истории своего народа, для него же его еврейство было чем-то естественным, само собой разумеющимся.

Смерть одного за другим двух его близких друзей — Цви Прейгерзона в 1968 году и Цви Плоткина в 1969 году — была для него тяжелейшим ударом. После смерти Прейгерзона я впервые видел его плачущим. На похоронах Плоткина глаза его тоже были красны от слез.

В те годы я уже был «трефным» в глазах властей из-за моего участия в демократическом движении. Мой телефон прослушивался, и иногда в трубке раздавались посторонние голоса — вероятно, чтобы запугать меня. Письма, которые я отправлял внутри Советского Союза, открывались, просматривались и снова заклеивались с нарочитой неряшливостью — чтобы припугнуть тех, с кем я переписывался. (Разумеется, вся моя переписка с границей тоже просматривалась, но такой перлюстрации подвергалась и подвергается переписка всех граждан СССР с границей). Меер Баазов продолжал приходить ко мне, как и прежде — примерно раз в неделю. Он не скрывал того, что не одобряет моего участия в движении. «Что тебе, иври*, до всего этого?» — неоднократно говорил он мне. Я старался объяснить ему свою позицию, но он оставался при своем мнении.

В конце 1969 года я перенес сложную и тяжелую операцию, после которой пролежал еще два месяца — сначала в той же больнице, где меня оперировали, а затем в специальном курортологическом институте. Меер навещал меня раз в две недели. Во время одного из посещений он извинился, что не может приходить чаще. Причины он не объяснил. Недели через две после моего возвращения домой, в январе 1970 года, мне позвонил сын Меера и сказал, что отец внезапно скончался от инфаркта. Помолчал секунду, а потом спросил, не могу ли я научить его читать кадиш. Я поспешил к ним. Похороны Меера были отложены до при-

* Иври — здесь: еврей, реализующий себя интеллектуально в иврите и в ивритской культуре.

езда в Москву его сестер. Только тогда я познакомился с ними. К шлошим, тридцатому дню после смерти Меера, я отправил им письмо. Чтобы оно не попало в руки КГБ, в нижней части конверта, там, где на советских конвертах положено писать адрес отправителя, — я написал вымышленный адрес. Письмо это дошло и было прочитано вслух и полностью при большом стечении народа — перед всеми, кто пришел отдать Мееру последний долг. После моего приезда в Израиль еще на протяжении нескольких лет многие бывшие тбилисцы, услышав мое имя, спрашивали: «Не тот ли вы Занд, что написал письмо, которое читалось в Тбилиси в день шлошим Меера Баазова?»

Мне кажется, я не смогу лучше передать свои чувства, чем сделал это тогда в том письме. Поэтому позволю себе привести здесь его полностью:

«Москва, 6—7/II 1970 г.

Дорогие Фаина Давидовна и Полина Давидовна! Надеюсь, это письмо уже будет в вашем доме, когда к вам придут родные, друзья и знакомые, чтобы по обычаю нашего народа отметить шлошим — тридцать дней со дня смерти вашего брата и моего друга Меера Баазова, зихроно ливраха — да будет благословенна его память.

Десять мужчин — миньян — нужно для того, чтобы можно было отметить шлошим. Я уверен, что их будет гораздо больше. Да письмо и не может заменить человека. И все же пусть это мое письмо будет знаком моего незримого присутствия в вашем доме в день скорби по моему другу.

Я мог бы сейчас предаться воспоминаниям, рассказать вам (и в который раз самому себе), как впервые встретился с ним у нашего общего друга, ныне, увы, тоже покойного, как быстро сблизились мы, несмотря на разницу в годах... Но для воспоминаний час не пришел: горечь утраты еще слишком свежа, да и не вместить всех воспоминаний, и даже тех, что представляются самыми существенными.

Поэтому я хотел бы сказать в этом письме лишь немного. лишь несколько слов о том, что сложилось лавно и незыблемо, о том, каким запечатлелся в моем уме и моем сердце образ Меера Баазова, в чем я ви-

жу его неповторимость и, если хотите, его символическость.

Он был талантливым инженером. Он показывал мне свои печатные работы в той специфической, внушающей мне почтение, но не понятной для меня области, в которой он работал. Но как бы ни были ценны его работы в этой области, думаю, не обижу его память, если скажу, что не в его профессиональной одаренности вижу я его неповторимость.

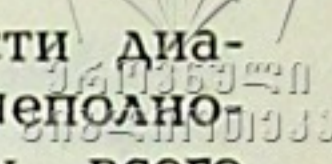
Он несомненно обладал такими добрыми человеческими качествами, как скромность, отзывчивость, любовь к семье, привязанность к друзьям, но разве мало людей, обладающих этими добрыми человеческими качествами?

Один еврейский законоучитель и поэт, живший в средние века, имел почетное прозвище Меор ха-гола. Этот титул дали ему не власть имущие той страны, где он жил. Так назвал его народ, а на языке нашего народа Меор ха-гола означает светоч диаспоры, светоч для народа, жившего вне своей страны, в странах рассеяния.

Ваш отец Давид Баазов, ставший уже легендой, дал этому из трех своих сыновей имя Меер, что означает озаряющий, светящий, и Меер Баазов действительно был светящим, озаряющим путь.

В ночи всеобщего национального упадка, забвения своего языка, своей культуры, во тьме неведения своего «я», которая стала во многом, очень во многом уделом нашего народа в этой стране, Меер Баазов действительно был Меор ха-гола, светочем изгнания. И дело здесь не в том, что он превосходно знал язык нашего народа, что он, как никто, может быть, сейчас в этой стране, знал и великую средневековую поэзию на этом языке и блестящую нашу поэзию нового времени: превосходно можно знать и чужое — мало ли блестящих знатоков, к примеру, древнеегипетского языка, или средневековой литературы Ирана, или английской культуры нового времени?.. Иврит был для Меера Баазова родным языком его народа и, следовательно, его родным языком, еврейская культура была для него родной культурой его народа и, следовательно, его родной культурой.

Отсюда, мне кажется, отсутствие у него той весь-

ма существенной психологической особенности диаспорного еврея, которая зовется комплексом неполноценности. Никто не может быть сыном сразу всего рода человеческого; человечество состоит из народов, и только будучи сыном своего народа, можно быть сыном всего человечества. Как часто еврей, не знающий ни языка своего народа, ни своей еврейской культуры, терзается невозможностью из-за своей ассимилированности полностью идентифицировать себя со своим народом. Отсюда сознание своей неполноценности как сына своего народа — первый компонент комплекса неполноценности диаспорного еврея.

И в то же время ассимилированный еврей неизбежно помнит, а если он забывает, то ему напоминают, что он не принадлежит к тому народу, на языке которого он думает и в традициях культуры которого он взращен. Отсюда осознание неадекватности своего национального самосознания своему лингвистическому и культурному существованию — второй компонент комплекса неполноценности диаспорного еврея.

Я назвал здесь лишь эти два компонента, которые мне кажутся одними из наиболее существенных, ибо, по-моему мнению, Меер Баазов был абсолютно свободен от них.

Выросший в традициях культуры своего народа, виртуозно и пластично владевший языком своего народа, он, естественно, только со своим народом и мог себя идентифицировать — идентифицировать без тех оговорок, которые неизбежно возникают у еврея ассимилированного. Его национальное самосознание находило свое полное и адекватное выражение в той культуре, в русле которой он жил до самого последнего дня своего и в развитии которой по мере сил и возможностей своих участвовал, — в культуре своего народа, на языке этого народа.

Именно поэтому, мне кажется, он был столь гармоничен духовно: постоянную ясность духа, ощущение полноты бытия — все то, что не могли истребить в нем ни годы тюрем и лагерей, ни трагедия всего дома Баазовых, о которой еще будут написаны книги, — сообщала ему его целостность, не нарушаемая комплексом неполноценности, столь травмирующим и коверкающим душу диаспорного еврея. Я покривил бы,

однако, душой, если бы сказал, что будучи в целом свободен от комплекса неполноценности, Меер Баазов был свободен от такого компонента этого комплекса, как мучительное ощущение себя человеком без земли, человеком на чужбине.

Он мертв, и ему не угрожают уже гонения и преследования, которыми и так его не обделила его еврейская судьба, и поэтому я могу сказать, не боясь причинить вреда моему другу: он отчетливо понимал, что для еврея, который мыслит себя евреем, есть лишь один способ освободиться от этого самого тягостного компонента еврейского комплекса неполноценности и вместе с ним от всего комплекса неполноценности — вернуться на землю предков.

И хотя я обещал воздержаться от воспоминаний, не могу не вспомнить, как он сказал мне однажды: «Я не был там, в Стране, ни разу, но я знаю всю ее на ощупь — каждую травинку в ней, каждый комок земли. Я мог бы пройти по ней с закрытыми глазами и ни разу не сбиться с пути».

Тоска по той стране, по стране нашего народа, постоянно жила в нем. И недаром его любимым поэтом был Иехуда ха-Леви, и любимым поэтическим циклом любимого поэта — цикл «Ширей-Цион», и любимым стихотворением этого цикла — знаменитая элегия «О Сион, разве не плешь ты благопожелания сынам своим, томящимся в плену на чужбине». И не раз повторял он строки из этого стихотворения:

Паду ниц на землю твою я, любящий
Страстно камни твои и прах твой.

Он пал на другую землю.

Пал, чтобы больше не встать. И его зарыли в эту холодную, заснеженную, промерзшую насквозь землю, которую пришлось долбить молотами, чтобы она приняла его в свое чрево.

Но десятки тех, кто мечтает о той земле, тех, для кого он был Меор ха-гола, шли за его гробом. Не лозунгами, не призывами, а всею жизнью своей показал он нам, что значит быть настоящим сыном своего народа.

Шалом — мир вам!

Скорбящий вместе с вами, искренне ваш

М. Занд».

ЯНА ДЖИН

ПЕСНЯ О НЕПРИКАЯННОСТИ

Жить бы — как в старину рисовали, —
 Прямо, без перспективы.
 Дышать бы воздухом тем, что дышали
 Неплакучие ивы,

Время от времени, время от времени
 Я никакого не чувствую бремени,
 Но не моя, не моя в том вина,
 Что иногда не хватает вина.

Жить — как в финале пьесы Шекспира, —
 Чума среди пира;
 На каждого Яго — яд и рапира,
 Для каждого Лира — лира.

В мире мне хочется время от времени
 Вытравить тех, кто из гнусного семени.
 Но в остальные, увы, времена
 Я их, как Лира, жалею одна.

Жить — как живут среди взрослых людей, —
 Сплошные сделки с совестью.
 Завидовать прямодушою детей, —
 Нету печальнее повести.

Только порою, время от времени,
 Мне хорошо в человеческом племени,
 Но никогда не придут времена —
 Чтобы им правила совесть одна.

Жить — как у синего моря живут, —
 Ждать большого прилива,
 Надеясь, что волны тебя принесут,
 А нет — то пригнусь я к гриве
 Лошади времени.

Время от времени
Нога сама выпадает из стремени:
Ты вспоминаешься...
Есть времена —
Думаю только про стремена.

Жить — как живут только певчие птицы,
Жить без иллюзии снова родиться,
Жить и любить без самообмана,
Без ожиданья небесной манны,
Жить — сторожить простые фантазии,
Те, чем торгуют базары в Азии,
Те, чем грезят — когда в кружевах,
Когда на высоких стоишь каблуках,
Когда припадаешь к белым цветам,
Когда стреляешь по злейшим врагам,
Когда живешь, как живут цыгане:
Ночью — костры, а днем — скитания,
Когда тебе без музыки тесно,
И сам посему становишься песней,
Когда умеешь рыдать со слабым,
Будучи сильным и будучи храбрым,
Когда умеешь себя забывать,
Не забывая при этом взывать
К тем, кто — над временем...

Время от времени
Дробь барабанная бьет нас по темени.
Ну, а бывают еще времена—
Пьяной гитары душит струна.
Жить — как с трубкой живут подзорной,
Ставшей калейдоскопом:
Дали увидеть в волшебных узорах,
Не видя того, что боком.

Жить — как зеленый хамелеон,
Что желтым давно притворился:
Увидеть желто-зеленый сон,
Который тому и не снился.

Весною и летом, время от времени
Боязно мне выделяться из зелени,
Ну, а в осенние времена
Стыдно быть желтым: одна желтизна.

Жить — как живет кто живет неприкаянно,
Ночью — безумства, утром—раскаянье;
Землю всю исходить и увидеть,
Всех полюбить и возненавидеть,
В самую грязную яму свалиться,
К самому чистому свету пробиться...

Вяжет язык вино шампанское —
Привкус стронция.
Слепнут глаза от платья цыганского
Даже у солнца.

И пока старики у озера
Угрожают потопом,
Луна, невзирая на эти угрозы,
Плещется в водах утопии.

Все чаще и чаще — время от времени
Я устаю от бремени времени,
Но скоро скроюсь на все времена
За кромкой, к которой прильнула луна.

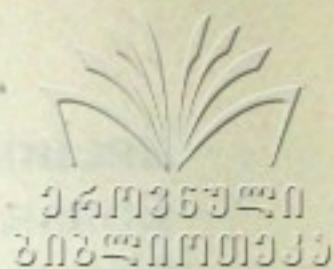
ЗА ЧЕРТОЮ ВИДИМОСТИ

Не желай всего того, что хочешь,
Пожалей хотя б одно желанье.
И, мечтая теплой лунной ночью,
Не мечтай хоть одного мечтанья.

Не твори всего, к чему готова.
И не всем позволь надеждам сбыться.
И несказанным оставь хоть слово.
И не все вяжи узлы на спице.

Не-существование прекрасно:
То, что быть пришло — пришло уйти.
И присутствием своим напрасным
Тех, кто свят, — уйди — не тяготи.

Не желай всего, что есть, поскольку
Все, что существует в эти дни,
Есть не все. Глотая слезы, толику
Не таи: одну хоть урони.

МНЕ ПРИСНИЛСЯ РУССКИЙ ФИЛЬМ

Минувшей ночью мне приснился русский фильм
О дачной жизни в девятнадцатом столетье:
Там платья белые, и кружева, и свет мерцающий,
И чайки, слезы тихие, клубничное варенье...
И — утонченное высокомерье растеклось
В какой-то смешанности тайной или — в нежной
страсти...

Причем о смешанности и о страсти тайной
Приходит мысль не раньше, чем увидишь —
Как в белом женщины,
Уединившись в спальнях,
Расчесывают волосы себе...
Потом ладонями поглаживают груди...
И бедра...
С внутренней и внешней стороны...
Себе опять же...
И постанывают глухо —
Гораздо тише, чем вполголоса...
В то время, как мужчины на лужайке
Толкуют об утраченной любви
Или о той, что не сложилась...
Еще они, мужчины на лужайке,
Так любят думать об осеннем листопаде...
Но счастливы они, увы, не раньше,
Чем их негромкий, как резина, разговор
Прервет служанка приглашением на чай...

Перевод с английского Нодара ДЖИНА

ОБ УТРАТЕ

Искусство утраты постигнуть нетрудно.
Э. Бишоп

Ну и что из того, если все, что осталось, —
онемевший язык и мгновенья бессвязные?

Если вся моя жизнь, увы, оказалась —
как рентгеновский кадр с никотинными язвами?
Если сердце в рубцах,
если мозг затянуло

глухою засохшею коркой?

Если есть только страх,
что я обернулась

стозевною жабой всезоркой?

Ну и что из того?

Ну и что из того, что живу как бобыль
и что не с кем делиться и чаем мне?

И что небыль, что была — все лишь пыль и ковыль
на дороге, ведущей к отчаянью?

И что нечем любить, и что незачем быть,
если ночь убиваешь с двуногими,

О которых наутро гадаешь: «Убить
или просто забыть между многими?»

Ну и что из того?

Ну и что из того, если соль на губе?
Несоленой слезы не бывает.

Ну и что — если боль? Не скорби о себе —
там, где жизнь, там и боль пребывает.

Ну и что из того, если дня одного
не проходит без поражения?

Если что и пугает — то сердце, его
несдающееся биение...

РАВНОДУШИЕ

Я научилась мудро,
просто жить.

А. Ахматова

Осталось умереть отныне для
минувшего и будущего дня,
в котором ты сидишь и видишь:

СТИЛЬ

мебели не изменился: пыль,
и чувствуешь, что мозга

вещество

черствеет, как вчерашний хлеб.
И сердце не боится ничего.

Перевод с английского Владимира ГАНДЕЛЬСМАНА

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

Яна Джин родилась в 1967 году в Тбилиси в семье философа и писателя Нодара Джинджихашвили.

Нодар Джинджихашвили памятен многим тбилисцам, чье студенчество совпало с началом 60-х годов. Казалось бы, дух новизны, витавший в воздухе, нашел в нем воплощение — в его талантливости, яркости, интеллектуальности, обаянии...

В дальнейшем, когда он сам стал преподавать эстетику в Тбилисском университете, уже его студенты становились его единомышленниками и друзьями. Кстати, и наша дружба началась в пору совместной работы в университете. Каждое его появление и в кругу друзей, и во время застолий или же ночных бдений, когда мы запоем читали его прекрасные рассказы, приобщало нас к тому духовному состоянию, которым, казалось, была пронизана атмосфера, но которое столь редко воплощалось в слове...

После окончания Тбилисского университета Нодар Джинджихашвили (Джин) учился на Высших сценарных курсах в Москве. Здесь же начал работать в Институте философии. Возвратившись в Тбилиси, работал в области эстетики и социологии искусства: преподавал в университете, стал доктором философии. Его перу принадлежит монография «Искусство и прогресс».

Рассказы Н. Джинджихашвили начал писать со студенческих лет. К тому же времени относятся первые его публикации в периодических изданиях. Позднее Н. Джин публикует два романа — «История моего самоубийства» — сложное, постмодернистское по форме произведение, в котором автор, уже будучи эмигрантом, хочет осмыслить свою настоящую жизнь, не в силах, впрочем, вырваться из пространства, окружавшего его с рождения до эмиграции. На фоне осмысления своей прежней и настоящей жизни автор, демонстрируя удивительное знание истории еврейства, пытается переосмыслить судьбу и назначение своего народа, наметить новые пути

этого осмысления. С невероятным накалом чувств описывает он пережитое, которое сопутствует ему всегда и везде. Книга пронизана ностальгией, хотя и выдержана в постмодернистской манере с присущей ей иронией и гротескностью.

Второй роман Н. Джина «Иосиф Сталин. Литературная запись: Н. Джин» опубликован в журнале «Дружба народов» в 1997 году.

Американский период жизни Н. Джинджихашвили отмечен активной творческой деятельностью. В США опубликованы книги по философии, снят фильм, удостоенный международных наград, получены премии по гуманитарным наукам и т. д. Американская печать считает его «поразительно разносторонним и утонченным интеллектуалом».

В Америку Нодар Джин эмигрировал в 1980-м году с женой Зиной Баазовой и дочерью Яной, которая со временем проявила незаурядные литературные способности. Первые же публикации ее стихов привлекли всеобщее внимание. Знаменательно, что одним из первых, обративших внимание на молодое дарование, был Иосиф Бродский. Вот, что он писал о поэзии Яны Джин: «Я всегда придерживался мнения, что поэзия не нуждается в комментариях».

Никакая предпринятая в прозе попытка не способна объяснить поэзию; подобно тому, как никакое объяснение не способно объяснить то, что является откровением. Читателю самому предстоит разглядеть в этих стихах откровение истинного Духа Поэзии в его наиболее чистой и неподдельной форме, — того исключительно своенравного и непостижимого духа, который заманить невозможно, ибо он и выбирает всегда, в кого воплотиться.

В данном случае этот дух избрал своим носителем девушку, которая пишет на английском, удивляя английский слух уже своим именем. Необычной для этого слуха является и ее поэзия.

Отметая всякие метрические каноны, выламываясь из любых лингвистических рамок, столь характерных для литературной традиции нашего времени, Яна Джин выказывает такую языковую оригинальность, которую почти не в силах вынести слух, замученный сплошь и рядом повторяющимися неточностями. С лингвистической, то есть поэтической, точки зрения, это абсолютно точный голос. Безупречный голос, ибо точность и есть главный атрибут совершенства.

Генный поэт измеряется прежде всего его способностью подчинять время языку. Иными словами, способностью поэта преодолевать время внутри себя; еще точнее, преодолевать то, что время проделывает с языком. Стихи Яны Джин поражают меня тем, что время в них никак не присутствует. Эту победу над временем она обеспечивает его невпущением в свои стихи, посредством брезгливого пренебрежения его характерными и его ограничениями. Так, очевидно, побеждает и пророк свое время. Тем, что смотрит сквозь него, — в будущее.

...Контекстуальная виртуозность поэзии Яны Джин не нуждается в каком-либо сертификате — она очевидна. В этом отношении у нее лишь один соперник — поэзия усопшего У. Одена. Однако молодой возраст поэтессы обещает, что она оставит позади всех поэтических соперников, преодолеет любые поэтические преграды и вырастет в высочайшее дерево в лесу...

Будучи автором многочисленных предисловий к поэтическим сборникам, я не без удивления для себя хотел бы подметить, что использованные в них мои же слова тут неуместны, поскольку приходится иметь дело с совершенно однородным материалом. И мне доставляет истинную радость засвидетельствовать приход нового поэта, Яны Джин, — представителя испокон веков сущего, но лишь изредка нащупываемого единства мудрости, мастерства во владении словом и виртуозности в сочетании звуков...» (1994 г., перевод с английского).

Представляя на суд читателей стихи Яны Джин, опубликованные впервые на страницах русской периодики, мы не без умысла начали разговор об ее отце, так как этот «семейный портрет в интерьере» в какой-то степени уникален и своей яркостью и своим драматизмом. Знаменательна судьба двух представителей этого литературного семейства, выходцев из Грузии, ощущающих Грузию своей родиной и не растерявших во времени и пространстве духовных ценностей, к которым приобщились в своей родной стране.

Цнала ХИНТИБИДЗЕ

Реваз МИШВЕЛАДЗЕ

«ИЕРУСАЛИМ — ТБИЛИСИ»

НОВЕЛЛА

Посвящается евреям, уехавшим
из Грузии в Израиль.

Абиатар Моше, гражданин Израиля с 1975 года, 28 февраля 19... года на «Боинге 777» компании «Эир-Франс» вылетел из Иерусалимского аэропорта. Самолет сел сперва на Кипре, потом в Вене, затем в Варшаве, а из Варшавы взял курс на Москву. В Москве гражданин Израиля с 1975 года Абиатар Моше пересел на раздолбанный, давно подлежащий списанию самолет «Аэрофлота» и 4 марта приземлился в Тбилиси. Когда пролетали над Кавказским хребтом, сердце у Моше несколько раз дрогнуло, что было вполне естественно: рожденный и выросший в Сачхере, окончивший факультет востоковедения Тбилисского университета Моше возвращался в Грузию, которую не видел энное количество лет.

На взгляд Моше (брошенный из окна самолета) Грузия мало изменилась. Склоны гор по-прежнему серебрили истоки рек. Как и встарь, взгорья венчали развалины крепостей и восстановленные церкви. Вот только неподалеку от могильных камней, разбросанных вокруг церквей, в каком-нибудь километре или чуть больше отчетливо виднелись прекрасно ухоженные, кое-где посверкивающие жестью новые кладбища. Зима еще не кончилась, но в окрестностях Тбилиси снега уже не было. Когда Моше сошел с трапа и увидел бегущего к нему двоюродного брата Михаила Даварашвили, сердце у него снова дрогнуло. От Даварашвили не отставали мужчина с видеокамерой и молодой человек в джинсовой куртке, скакавший как

кенгуру. Прыжки ему явно удавались, потому что порой он вырывался вперед и оставлял Михаила позади.

Двоюродные братья с плачем обнялись.

Я заметил, после долгой разлуки люди разных национальностей встречаются по-разному.

Итальянцы отбегают шагов на десять назад, потом останавливаются и, воздев руки, с криком «О, санта Мария!» устремляются уже навстречу друг другу, чтобы слиться в жарком объятье.

Англичане по очереди похлопывают друг друга то по правому, то по левому плечу, не произнося при этом ни слова.

Армяне встречаются так, будто расстались вчера, быстро покончив с нежностями, переходят к делу: сколько кусков багажа, надо занять очередь и пр.

Русские целуют друг друга в область где-то под ухом, потом отстраняются на расстояние вытянутых рук, еще раз оглядывают один другого (это ведь ты, я же не ошибаюсь!), затем снова обнимаются и целуются. Так повторяется несколько раз.

Евреи и грузины уже в семи метрах друг от друга начинают плакать и, обнявшись, обильно увлажняют плечи один другому.

Почему так происходит — непонятно. Слезы при встрече после долгой разлуки для меня — одна из тех девяти тайн, ответы на которые я, человек уже в возрасте, по сей день не нашел.

Тележурналист подождал, пока Моше и Михаил утрут слезы, и сунул гостю под нос микрофон.

— Добро пожаловать в Грузию, батоно Моше!

— Да ниспошлет Господь благодать на мою родину — Грузию!

— Вы, очевидно, прибыли сюда с деловым визитом?

— Это так. Я — официальный представитель компании «Ицхак». Наша компания, не скрою, работает на скорую прибыль. Грузия — тот единственный случай, когда мы готовы ждать, пока окупятся наши затраты. И дело тут не в доброте души. Еврей своего никогда не упустит. Грузия — ведь тоже моя родина! Я просто достаю из одного кармана и кладу в другой — оба мои!

— А конкретнее?

— Я собираюсь заключить деловые соглашения. Мы хотим экономически поддержать Грузию, сделать ее более сильной. Мне ведь известны ваши слабые точки. Грузия не достойна такой жизни.

— Спасибо вам, батоно Моше!

В тот вечер вся Грузия узнала о доброй миссии Абиатара Моше. Сюжет, показанный по телевизору, дикторша с великолепным макияжем прокомментировала следующим образом: среди представителей национальностей, нашедших приют на грузинской земле, евреи — единственный народ, кто любовью платит нам за гостеприимство и не только не предъявляет никаких территориальных претензий, но и по возможности помогает нам.

На другой день Моше принял сам премьер-министр Грузии.

Войдя в огромный кабинет, уставленный белой мебелью, Моше увидел, как председатель правительства поднялся со своего кресла и энергичным шагом направился к нему. Сердце у Моше дрогнуло, и он подумал: похоже, им действительно тяжело, или я в самом деле очень важная персона, ибо живи я здесь, вряд ли удостоился бы премьерского рукопожатия.

Моше раздал присутствующим сувениры — маленькие шапочки, закрепляющиеся на голове булавками, и поблагодарил премьера за то, что тот согласился уделить ему время.

Глядя представителю компании «Ицхак» прямо в глаза, премьер-министр быстро отчеканил, правда, чуть громче, чем требовалось:

— Когда товарищи сообщили мне о вашем приезде, я очень обрадовался. Я сказал товарищам, если время позволит, пусть повидает меня. Товарищи, наверное, сообщили вам об этом. Товарищам известно мое отношение к делу. Мы не можем идти прежним путем — кончено, я прямо поставил этот вопрос перед товарищами.

Затем председатель правительства стал говорить об успехах в хозяйственно-политической жизни страны, цифровые данные, иллюстрирующие достижения последних семи месяцев, вплоть до последнего процента, так и сыпались из его уст.

Не буду брать грех на душу — он ничего не утаил.

Моше слушал вошедшего в раж премьер-министра и диву давался — во-первых, великолепной памяти премьера—далеко не каждый может удержать в голове столько цифр, и во-вторых, тому, что страна, похоже, не нуждается ни в чьей помощи, если все сказанное — правда, жизнь отлично налажена и впору просить содействия для «нуждающегося Израиля».

— Если есть какие-нибудь проблемы, выкладывайте, не стесняйтесь. Я сказал товарищам, и товарищи знают мое отношение к этому. Мы должны быть откровенны друг с другом. Что вам нужно? — закончил риторическим вопросом хозяин.

Моше отпил из стакана «Боржоми» не потому, что его мучила жажда, а чтобы выиграть время и решить, стоит ли затевать разговор с чиновником столь высокого ранга о мелких соглашениях. «Он так доволен своими достижениями, — думал Моше, что мои предложения могут показаться ему сделками мелочного торговца, лучше поставить перед ним один, но крупный вопрос, а остальные решить в инстанциях пониже».

— Когда я летел к вам, господин премьер-министр, простите, но я порядком утомился, — осторожно начал Моше, — из Израиля в Грузию можно прилететь за какой-нибудь час, а мне понадобилось на это несколько дней — сколько времени потеряно! Из Иерусалима я полетел сперва на Кипр, оттуда в Вену, из Вены в Варшаву, из Варшавы в Москву. В Москве мне, прямо скажем, делать было нечего. Я прочертил в воздухе такой круг, что, клянусь вам, чуть не проклял день своего рождения.

— Ваши предложения? Товарищи знают... я всегда ставлю вопрос ребром. Я уже приучил товарищей к конкретному мышлению. Иного пути у нас нет.

— Откроем прямой маршрут Иерусалим—Тбилиси. Поначалу хотя бы по два рейса в неделю. Самолет будет наш, 80% затрат — наши, «Ицхак» — весьма влиятельная компания.

Моше ждал града конкретных вопросов от премьера и его делового окружения — как, когда, сколько, каким образом, откуда, под каким углом, но ниче-

го подобного не случилось. Председатель правительства встал, с улыбкой на лице подошел к Моше и пожал ему руку.

— Договорились! — отчеканил он и вернулся в свое кресло.

Сердце у Моше дрогнуло от радости, крошечная шапочка слетела бы с головы, не будь она прикреплена к волосам булавкой.

— Считайте этот вопрос решенным! Товарищи знают, я решаю все вопросы немедленно. Долгие разговоры с деловыми людьми ни к чему. Я ясно дал понять это товарищам. Значит так, прямой рейс! — радостно, как-то празднично, что не совсем вязалось с общим тоном делового разговора, заключил председатель правительства и тут же перевел разговор на мероприятия, намеченные республикой, выполнение которых (а в том, что они будут выполнены, он нисколько не сомневался) вскоре выдвинет республику в ряды богатейших стран мира и многие из них даже оставит позади.

В конце приема Моше каким-то образом удалось вернуть беседу в нужное ему русло.

— Поскольку вы согласны на прямой маршрут, — сказал он премьеру, — я подсчитаю все расходы, согласую с «Ицхаком» и представлю вам для подписания проект договора.

— Ни о чем не беспокойтесь, — с улыбкой отвечал энергичный премьер, уже стоя на ногах, — товарищи все сделают, все подсчитают, они знают, я люблю конкретный разговор. Товарищи подготовят проект договора. Главное — достигнуто соглашение, и вопрос решен! Товарищи сами найдут вас. У нас нет другого пути — только конкретные решения! Я неоднократно предупреждал об этом товарищей. Итак, большое вам спасибо, желаю успехов!

Моше, правда, энное количество последних лет прожил в Израиле, но, как я отметил выше, родился и вырос в Грузии, и потому сделал еще одну слабую попытку закрепить успех:

— К кому конкретно обратиться, если вы будете заняты?

— Конкретно? — почти обеспокоенно переспросил премьер-министр, — товарищи знают... — он огля-

дел своих приближенных, — ну хотя бы к министру иностранных дел, — взгляд его остановился на рес-лом, щекастом безусом мужчине, — подключите товарищей, все подготовьте, со мной согласовано, товарищи знают, — и уже обращаясь к Моше, — это дело не должно стопориться...

Моше хотел спросить у министра иностранных дел, где его резиденция, но передумал, подобные вопросы задавать здесь не пристало — наверное, все в Тбилиси знают, где находится Министерство иностранных дел.

Моше вышел из кабинета, и помощник премьер-министра, убирая со стола папки и карандаши, как бы между прочим заметил своему шефу:

— А может, действительно поставить этот вопрос? Тем более, что самолет их и 80% затрат они берут на себя, почему бы и не открыть прямой маршрут. До Израиля час-полтора лету.

Премьер-министр засмеялся, сложил пальцы рук и возвел очи горе.

— До чего же ты наивен, мой Джансуг, — воскликнул он, — во-первых, откуда нам взять оставшиеся 20% валюты, а во-вторых, даже поднимать этот вопрос перед Москвой невозможно. Она же на смех нас поднимет: «Ишь ты, какие умные, прямой рейс захотели!»

Помощник еще раз отметил про себя: именно потому премьер-министр — премьер-министр, что видит дальше и знает больше его, а он именно потому всего-навсего его помощник, что простодушен до предела.

Моше дал министру иностранных дел на все дела четыре дня. Сам за это время связался с «Ицхаком», подсчитал все расходы, связанные с маршрутом, и, не дождавшись вызова, на пятый день сам явился в резиденцию с красивым балконом на проспекте Плеханова.

Безусый министр с наметившимся двойным подбородком встретил его ласково. Страшно обрадовался согласию «Ицхака». Внимательнейшим образом ознакомился с расчетами Моше (во всяком случае внешне это выглядело именно так). Справился у Моше о его семье. Сказал, что мечтает посетить Израиль, но никак не выкроит время — Стену Плача видел только

на фотографии, и с тех пор она ему постоянно снится. Что касается прямого маршрута, товарищи над ним работают, на днях проект договора будет готов, и он сам свяжется с Моше. Ведь Моше еще не уезжает, до какого числа у него виза?

Узнав, что Моше приехал в Грузию на месяц, очень обрадовался. Значит, времени у них достаточно, спешить некуда. Такое дело, как известно, требует скрупулезного анализа, надо все предусмотреть, конкретизировать. С грузинской стороны договор скорее всего подпишет премьер-министр и он, министр иностранных дел, а может быть, начальник аэропорта, с израильской стороны — Моше. Посмотрим, как все решится, предпочтительнее, конечно, подпись непосредственных представителей ведомств, тем более, сейчас это в моде. Не может же правительство подписывать все документы — неудобно как-то. При этих словах министра сердце у Моше, правда, не дрогнуло, он вышел из его кабинета несколько озабоченный и, когда ровно через неделю ему сообщили, здесь же, в приемной, что министр иностранных дел отбыл на десять дней в Париж, а его помощнику о прямом рейсе Иерусалим—Тбилиси ничего не известно, он не удивился.

16 марта гражданин Израиля с 1975 года, представитель компании «Ицхак» Абиатар Моше, минуя Ципский тоннель, прибыл в Коркимеульский район.

Грузия тогда была поделена на районы, и во главе каждого района стоял управляющий — моурави. Так же, как когда-то во главе сапитиахшо—питиахш. До административного деления Грузии на префектуры должно было пройти еще несколько суровых зим.

Было холодно. Если бы не белое одеяние глупого выскочки — ткемалевого дерева, пейзаж напоминал рисунок, выполненный черным карандашом.

Вся дорога щедро освещалась лампами, жертвами безалаберной траты электроэнергии, висевшими на столбах, как кокосы на кокосовой пальме. Ларьки кооператоров, наподобие сосулук, украшали колбасы различной величины, которые, как нашептал Моше двоюродный брат Михаил Даварашвили, перестали покупать из-за антирекламы, сделанной обозлившим-

ся на кооператоров журналистом — она, де, изготовлена из черномыльского мяса.

Хозяева встретили гостя за околицей села у срубленной много лет назад семисотлетней липы (вернее, у ее пня). «Жигули» Михаила Даварашвили окружила толпа народу, препроводившая вновь прибывших к зданию районного управления.

Встреча в кабинете моурави, испытанного знаменосца компартии и исполкома Вамеха Кванталиани, оказалась короткой. Визит к премьеру кое-чему научил Моше, и он заблаговременно подготовил проекты соглашений, сулящие району большие выгоды. Но ему даже не дали раскрыть заветную кожаную папку! Блицвстреча произошла под аккомпанемент щелканья фотоаппаратов и гудения телекамеры.

Моурави выглядел безмерно счастливым. В краткой насыщенной пословицами речи он подчеркнул необходимость сближения Коркимеульского района и Израиля в обход не только Москвы, но и, прости Господи, самого Тбилиси.

Улучив момент, когда моурави деловито взглянул на часы, Моше перехватил инициативу.

— Я приехал по делу, — сказал он. — Хочу помочь своей родине. Нам, евреям, предстоит сделать многое, чтобы воздать должное Грузии. Это вот проекты соглашений. на мой взгляд, очень выгодные для вас. К вам потечет валюта, вы станете богаты.

— Дай Бог тебе мира и здоровья! — Вамех воздел руки и поблагодарил дорогого гостя за взаимовыгодные предложения. Потом снова взглянул на часы и посерьезнел, — нас ждет встреча с трудящимися, как бы не опоздать.

Моше знал, что значила эта встреча.

— Минутку! — крикнул он. — Лесную хурму, к примеру, у вас едят свиньи, она гниет на корню. А мы купим ее!

Моурави понадобилась одна десятая секунды, чтобы оценить «шутку еврея», и он разразился гомерическим хохотом.

Примеру руководителя района, естественно, последовали и остальные.

— Или возьмем каштаны — у меня готово соглашение! — с серьезным видом продолжал Моше.

Новая волна смеха была ему ответом.

— А шиповник! Он же начинен витаминами!

От хохота дрожали окна.

— Ткемалевая подлива! Заготовьте ее, мы купим!

Вы получите валюту, встанете на ноги!

От нового взрыва хохота трехсотсвечовая люстра закачалась, как осенний лист.

Вообразите, что случилось бы, вынь Моше из папки столь прилежно заготовленные им проекты соглашений, в которых черным по белому было написано, что за столько-то и столько килограммов лесной хурмы, каштана, шиповника и ткемалевой подливы израильская сторона обязывается заплатить энную сумму валюты!

Не принуждайте меня рассказывать, как прошла встреча с трудящимися. Мои грузинские читатели во всех подробностях знают, как проходят подобные сборища. И для еврея, выходца из Грузии, это не представляло секрета. Ну а переводом новеллы с грузинского на иврит никто утруждать себя не станет, поэтому не буду утомлять вас подробностями.

Скажу только одно: заслуженный педагог Мария Жвания от имени грузинского народа слезно умоляла всех грузинских евреев и, разумеется, остальных евреев тоже, вернуться из Израиля назад, в Грузию.

Моурави, будучи конечно же тамадой, несколько раз просил Моше повторить свои блестящие шутки о шиповнике, лесной хурме и ткемалевой подливе. Моше удивлялся, почему его деловые выгодные предложения были восприняты как шутка. «Скажи я им, что собираюсь закупить экалу*, они, наверное, умерли бы со смеху». Поэтому осмотрительный Моше решил отложить подписание соглашений на завтра, и похоже, впервые в жизни допустил ошибку.

На другой день к нему в гостиницу заявился начальник раймилиции, еще не пришедший в себя от вчерашнего кутежа.

— Моурави рано утром вызвали на заседание актива, он извиняется перед вами и просил меня быть за хозяина.

* Колючий кустарник, молодые побеги которого употребляют в пищу.

И вновь долгое шумное со слезами радости за—
столье!

На прощание страж порядка, исполнявший роль
хозяина, от имени района подарил гостю белую бур-
ку, пандури и аквани*.

Аквани в «шестерку» Михаила не уместилось и
его укрепили веревками на крыше автомобиля.

В конце марта представитель фирмы «Ицхак» при-
был в гости в один из горных районов еще не незави-
симой Грузии и предложил руководителю района под-
писать с ним соглашение о продаже обычной питьевой
воды, но добрый хозяин заартачился:

— Я не возьму у тебя денег за обыкновенную во-
ду! Да для вас, евреев, я не то что воды, души не по-
жалую! Бери ее даром—сколько угодно! У нас она, ви-
дишь, зря проливается. А неохота разливать по бутыл-
кам — мы тебе разольем!

* * *

В Израиль его провожали все тот же двоюродный
брат Михаил Даварашвили и те же журналисты.

Стояла ясная погода.

— Все-таки уезжаете, батано Моше? — спросил
журналист, вооруженный микрофоном.

— Уезжаю! — тяжело вздохнул Моше.

— Визит прошел успешно?

— Очень, — загрустил Моше, — повидал родст-
венников, поездил по Грузии, подышал воздухом своей
юности, по которому так истосковался, но вот деловых
контактов наладить не смог. Даже не знаю, как от-
читаться перед шефом.

— Что вам помешало?

— Представления не имею. Как будто все на все
согласны. Предлагаешь, объясняешь. Обе стороны в
восторге, но когда дело доходит до подписания бу-
маг, лица, чья подпись имеет законную силу, похоже,
не хотят подписывать, ну а те, чья подпись ничего не
стоит, готовы расписаться под чем угодно. Короче, ни
одно дело я не смог довести до конца. Целый месяц
провел здесь, а уезжаю ни с чем.

* Колыбель.

Тележурналист выключил микрофон, оглянулся по сторонам и, словно доверяя Моше великую тайну, зашептал:

— Вы же не думаете, что мы настоящее государство, батоно Моше? О каких соглашениях, о каких контрактах вы толкуете?! Кто дал нам право распоряжаться собой? Меня просто смех разобрал, когда вы по приезде что-то там говорили о прямом рейсе Тбилиси—Иерусалим, о соглашениях с различными ведомствами, что Грузии надо помочь, усилить ее экономику... Кто вам позволит сделать это! Москва ястребом кружит над нами! Но это между нами, не для разглашения.

Секрет полишинеля! Разве представитель компании «Ицхак» Абиатар Моше был так наивен, чтобы за месяц не разобраться в ситуации?!

И Моше уехал в Израиль.

Он находился в воздухе, наверное, где-то между Веной и Кипром, когда в «Моамбе» прошел сюжет о его отъезде.

Мне кажется, нет нужды объяснять читателю, почему последние слова Моше в диалоге были: «...воздухом своей юности, по которому так истосковался».

Фраза, следующая за разделительным союзом «но», оказалась вырезанной из сюжета.

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

Натан БААЗОВ

СТИХИ О ЛЮБВИ

Еврейским женщинам, которых я любил
и лишь поэтому сберег душевный пыл...

И, КОНЕЧНО...

Очень странное чувство к тебе у меня:
что-то в нем от земли, от воды, от огня
и, конечно, от воздуха — если вдохнуть,
наполняет собой восхищенную грудь...

Очень странное чувство к тебе у меня:
постоянно — в течение ночи и дня
и, конечно, как ласковый солнечный свет,
не изменится, знаю, в течение лет...

Очень странное чувство к тебе у меня:
поднимает в полет, небесами маня,
и, конечно, на землю спускает потом —
ведь земля — это наш замечательный дом...

Очень странное чувство к тебе у меня:
от неведомых прадедов, сердце пленя,
к неизвестным потомкам готовит разбег
и, конечно, останется в мире навек!

НО ЖИВУ...

Ты возникла из древнего сказа —
о любви, о небесной отраде.
Может, чувство — непрочная база,
но живу я любви этой ради...

Ты возникла из древнего сказа —
о деяньях отважных героев.
Может, просто — красивая фраза,
но живу, эту правду усвоив...

Ты возникла из древнего сказа —
о таинственном, трепетном, нежном.
Ты — хрупка, как старинная ваза,
но живу, поклоняясь надеждам...

Но живу — под мелодию джаза,
под священные кущи допущен.
Ты возникла из древнего сказа —
о себе, обо мне, о грядущем...

ТРИ СОНЕТА

1.

Решил я написать тебе сонет.
Их раньше не писал я почему-то...
Настала, видно, вечная минута, —
преград для этой формы больше нет.

Нисходит на меня небесный свет —
из сердца навсегда уходит смута,
дорога ввысь идет сегодня круто,
и путь любви надеждою согрет.

Года пройдут, но не промчатся мимо,
а нам вперед идти неумоимо —
пишу не ради красного словца...

И если даль невзгодами клубима,
рассеют их мятежные сердца.
Любим тобой я, мною ты любима!

2.

Сказала ты, что я — поэт от Бога.
Не слишком ли? Да разве ж я поэт?
И рыхлый ритм, и рифма так убога.
И написал — всего один сонет.

А может, написать второй? Немного —
за пятьдесят навек ушедших лет...
И все-таки вперед идет дорога,
и свой в любви мы оставляем след.

Какой любви? Развеянной в пространства?
Не нужно ни безверья, ни жеманства!
Теперь живем мы, искренне любя...

В любви мы обрели права гражданства.
Поэт я не от Бога — от тебя.
Да здравствуют знамена постоянства!

3.

Ни прошлого, ни будущего нет.
Есть этот миг, овеянный любовью...
Нередко я подвержен многословью:
для краткости я вновь пишу сонет.

О времени, что на основе смет
наполнило нас радостью и новью,
судьбу нам дав не совью, не кротовью, —
судьбу, в которой торжествует свет.

Друг другу в душу, знаю, нам не влезть.
Твоя — светла. Но это разве лесть?
Моя — темна. Она что кот в рогоже...

Есть прошлое! И будущее — есть!
От них исходит к нам за вестью весть.
Но этот миг — нам все-таки дороже...

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ...

Я — в возрасте. Слегка... И, тем не менее,
к тебе, как в годы юные, стремлюсь.
В крови моей вскипает нетерпение
и рвется, как волна, в открытый шлюз.

Ты — в возрасте. Слегка... И, тем не менее,
в любви себя не можешь обуздать.
Кончается столь долгое затмение,
вдали, под ярким солнцем, — благодать.

С годами дни становятся бесценнее —
живя, любя, душою не криви.
Мы — в возрасте. Слегка... Но, тем не менее,
совсем не постарели для любви!

ВСЕ ПРОХОДИТ

Мы — вдвоем. Никогда ни о чем не забудет
голубой небосвод за грядой облаков.
Все проходит. Мы тоже пройдем, и не будет —
ни меня, ни тебя, ни любви, ни стихов...

Время всё и всегда на места свои ставит
и уходит в минувшее, пылью клубя.
И настанет пора, и на свете не станет —
ни стихов, ни любви, ни меня, ни тебя...

Перед вечером небо нередко синеет,
и, глядишь, потемнее цвета налегли.
Жизнь, она на века сохранить не сумеет —
ни меня, ни тебя, ни стихов, ни любви...

На лету упадем мы под тяжестью гири?
В темноту мы, согнувшись, уйдем семеня?
Неужели не будет когда-нибудь в мире —
ни любви, ни стихов, ни тебя, ни меня?!

БОЮСЬ...

Я каждой нашей встречи почему-то
боюсь. И почему-то жду всего...
Но в каждой встрече каждая минута —
любви и вечной жизни торжество.

Боюсь я почему-то каждой встречи,
и глаз твоих боюсь, и первых слов...
Так на ветру внезапном гаснут свечи —
и жизнь уходит в мир тяжелых снов.

Наверно, я боюсь тебя лишиться.
Не веря в это, все-таки боюсь...
Ведь хрупок, как старинная вещица,
и чувств, и мыслей трепетный союз.

Но пусть он прочным будет! И прекрасным,
как та же вещь из древней старины...
Тогда мы скажем: не был он напрасным —
прорыв из яви в сказочные сны!

ЕСЛИ ТЫ — НЕ СО МНОЙ...

Если ты — не со мной, я сижу и пишу.
Ведь иного-то выхода нет...
Я тобою живу, я тобою дышу.
Ты мой главный вопрос. И — ответ.

Я пишу. Это стало обетом души,
стало сущностью дней, бытия...
Чей-то голос внушает: живи и пиши!
Ты в безвременье? Значит — и я.

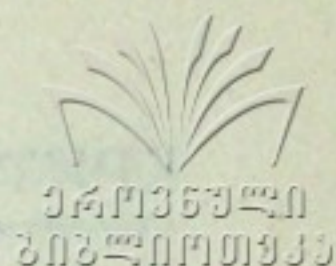
Ты мой главный, важнейший вопрос: для чего
в этот мир я пришел? И — ответ:
чтоб огромной любви ощутить торжество,
аромат ее, вкус ее, цвет...

Пусть вдали я вечернюю вижу зарю,
и неведом мне жребий земной...
Если ты — не со мной, я сижу и творю.
Это значит — опять ты со мной!

УДИВЛЕНИЕ

Нам многое свыше дано —
и крупное, и пустяки.
Меня удивляет давно:
откуда берутся стихи?
Наш мир удивительно мил,
пропитан отрадой насквозь.
Пришло удивление в мир —
и с этого все началось.
С реальностью мифы мира,
тону в удивленьи своем.
И ты удивляешь меня —
не чем-то, а всем существом.
Словами, и складом ума,
и фибрами тонкой души.
И ты удивленью — сама
дивишься невольно в тиши.
С вершины спускается склон,
в долине — туманы гурьбой...
Я буду всегда удивлен —
любовью, стихами, тобой.

СИЖУ У МОРЯ, ЖДУ ПОГОДЫ...

Сижу у моря, жду погоды.
Шумит, как в юности, прибой.
Проходят дни, проходят годы.
Путь к неизвестности — прямой.

Сижу у моря, жду погоды.
Тоска. Безделье. Лениность. Нудь.
Отнюдь — я не такой породы.
Мне б горы вечные свернуть.

Сижу у моря, жду погоды.
Но — не у моря. За столом.
Жду — не погоды. Не свободы.
Не торжества добра над злом.

Все это было. Есть. И будет.
Того, что будет, я дождусь.
А то, что есть, во мне пребудет,
Всем бывшим — с будущим сочтусь.

Как будто, все идет отлично.
Душа с судьбой — не вразнобой.
И жду я. Жду я. Как обычно.
Чего же? Встречи жду с тобой!

ЗУРАБ КИКНАДЗЕ

СЛАДОСТЬ БОЖЕСТВЕННЫХ НАПЕВОВ

«О, этот мир коварный!» — восклицает Автандил, герой Шота Руставели. Почему же он ропщет на несправедливость мира?! Что он знает о жизни, юный, безусый, — ведь таким рисует его автор?! Похоже, его представление о мире гораздо шире, чем дает на то основание его личный опыт. Автандил — что Адам, оставшийся без рая. Быть может, Аравийский двор был подобен раю? В каждом плаче Автандила, пустившегося на поиски рыцаря, звучит горе Адамово, познавшего суетность бытия вне рая.

Если человеку приходится расстаться с родиной и скитаться по чужбине, — это его личная беда. Но если он несет в себе боль Адама, изгнанного из рая, это уже вселенское горе. Существует еще одного рода скорбь: скорбь нации, согнанной с родной земли, оттуда, где она сформировалась в единый народ. В этом случае личное, общечеловеческое и национальное переплетаются между собой. Такой скорбью скорбит еврейский поэт в Испании, сердце которого — на Западе, а душа — на Востоке. «О, этот мир коварный!» — восклицание Руставели столь же естественно и для испанской еврейской поэзии, расцвет которой почти на столетие опережает руставелевскую эпоху. «Ты откуда нас приводишь, где сравнишь нас с землей?» — вот формула судьбы испано-еврейских поэтов, в течение веков наполняющаяся религиозным смыслом.

«Отряхни от себя бранный мир, как птица отряхивает росу ночную! Полети ласточкой, чтобы избежать греха и превратностей судьбы, бушующей как море!..» — взывает душа человеческая в одном из стихотворений Иехуды ха-Леви.

Сумел ли одолеть этот мир автор этих строк, или покорился ему? Иехуды ха-Леви (1075—1141) — герой трагической легенды: отправившись в Святую Землю, он сделал остановку в Александрии. Большой город, олицетворяющий в

легенде бранный мир, в котором поэт встретил бесчисленных своих поклонников, засосал его, как болото. Медные трубы явились для него непреодолимым препятствием, и поэт не смог достичь родины. Его поглотила ночь галута*.

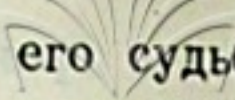
«Ты откуда нас приводишь, где сравнишь нас с землей?» Этот руставелевский укор миру с его обнадеживающей эсхатологией — «Только Бог один заступник всем отвергнутым тобой» — составляли основную тему и религиозно-патриотической лирики испанской еврейской поэзии. Но это была не просто литературная тема — ее корни глубоко проросли в историю народа и проявлялись во врожденной личной эсхатологии каждого поэта.

Когда я размышляю об испанской еврейской поэзии, ее трагической теме, о судьбе Иехуды ха-Леви, мне вспоминается Борис Гапонов, известный среди нас как переводчик «Витязя в тигровой шкуре» на еврейский язык.

Издатель перевода поэмы поэт Абраам Шлонский пишет в своем предисловии к книге: при чтении этого перевода у него создалось ощущение, что перед ним — древнееврейская рукопись, обнаруженная в некоей старинной сокровищнице... И еще, что переводчик создал новый языковой мир, в который вплел и язык других веков — язык мудрецов и средневековых поэтов. Но, надо сказать, дело здесь не только в языке. Язык, разумеется, придает свой аромат, но за ним стоит нечто другое.

Существует мнение, что переводчик постигает и передает на своем языке не текст оригинала, а непосредственно ту действительность, которую этот оригинал отражает. Такое, пожалуй, случается редко в переводческой практике, но в этом случае, как видно, подразумевается, что переводчик должен проникнуться опытом, отраженным в переводимом произведении. Если кто-то из переводчиков «Витязя в тигровой шкуре» и сумел произнести всем своим существом руставелевское «О, этот мир коварный!», так это Борис Гапонов — *hoj ha-xeled!* И это обращение — «Что ты вертишь нас?» — безусловно очень личное, в нем слышен глас всего гонимого народа. Гапонов повторяет слова Руставели на своем возрожденном языке, но испытания, выраженные им, выпали на его долю задолго до того, как он прочел и полюбил поэму грузинского поэта. В его недолгой жизни, в которой он всегда оставался пришельцем и пасынком, отразилась судьба его народа.

* Галут — изгнание, рассеяние, диаспора.

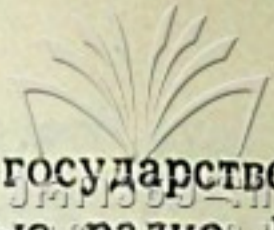
Своей личной участью он повторил историческую его судьбу. Он изгоняется из страны плена, в которой ему довелось физически родиться как отдельному представителю гонимого народа, чтобы после многочисленных скитаний наконец вернуться на свою первоначальную родину. Эвакуированный из Крыма, он объездил Западную и Восточную Грузию, чтобы приобщиться к жизни грузинского еврейства как «работник одиннадцатого часа», которого никто «не нанимал», и этот опыт также нашел отражение в книге его жизни в виде литературного подвига, рождающего космогонический образ. Ничто не ново под солнцем... Это, на первый взгляд, простое заключение Екклесиаста поймет только тот, кто испытал на себе древность новизны. Поэма могла прозвучать конгениально лишь на языке, прошедшем через горнила всех этих испытаний, для которого новое — старое, и старое — новое. Морис Метерлинк писал, что язык мыслит гораздо глубже, чем человек, пусть даже гениальный, который (добавлял он) его лишь мгновенная вспышка. Сердце Гапонова бьется в стихии языка, на котором редко кто писал после испано-еврейских поэтов. Абраам Шлонский отмечает: Гапонов «перелил» текст из одной посуды в другую, не расплескав ни капли. Языковой мир Руставели невредимым переместился в другую оболочку, поскольку у них одна субстанция. Глина зрима, субстанция — невидима. Когда говорят о библейском пласте руставелевской поэмы, имеют в виду лишь зримые его «проявления», но существует и то, что не подвластно глазу, и выявить это под силу лишь древнееврейскому сосуду. Красное церковное вино перелили в глиняный кувшин, в котором оно уже было когда-то. Старинный сосуд принял священный напиток, уже осененный его благодатью. Европейскому сосуду, окажись он даже в руках гениального поэта-переводчика, такое оказалось бы не под силу. Впрочем, обязательна ли гениальность? Гапонов просто дунул в волшебную свирель, и она заиграла. Требовалось лишь настроить инструмент на тональность грузинской поэмы. Но ведь язык — не только инструмент в руках человека, тем более этот язык, на протяжении многих столетий изолированный от обыкновенных историй и как язык Священного писания (лашон ха-кодеш — «язык святости») до поры до времени схороненный для более великих дел (поэтому в качестве «сосуда» для светских тем испанские еврейские поэты использовали арабский). Наверное, высказывание Мартина Хайдеггера о том, что язык есть дом бытия, исполнено и иного глубокого смысла, но тот язык, на который Гапонов

перевел «Витязя в тигровой шкуре», был действительно для него, бездомного, домом (ибо подвал — его обиталище в Ку-таиси — никак не назовешь этим словом), домом, в котором он заново обрел свою настоящую родину. Он вернулся на родную землю. Но не таким, каким вышел оттуда. Он заимствовал здесь нечто такое, чего у него не было изначально. Тайные знаки этого — иберизмы, которыми пестрит текст его перевода, свидетельствующие о любви и верности переводчика грузинскому языку. Когда говорят, что Гапонов создал свой языковой мир, имеется в виду, что поэт сделал своей собственностью то, что всегда принадлежало всем, а именно язык, ввел его в свой дом и отметил собственной печатью. Этот язык глубоко индивидуален, как индивидуален язык «Витязя в тигровой шкуре», и никто не сможет его использовать для выражения собственных мыслей. Он построил себе дом, как построила его премудрость (кн. Притчи 9:1), возвел его на прочных столбах. Для обосновавшихся в этом доме уже не существовало проблемы «коварного мира», поскольку этот дом подобен вратам аравийским, царству Ростевана, где царит неземная гармония и в котором, казалось, навечно обосновались пришельцы, поселенцы этого мира — патриархи. Именно такую страну обещал им Господь.

Борис (Дов) Гапонов родился в 1934 году в Евпатории. Мать у него была еврейкой, отец — русским. В скурых биографических сведениях сообщалось, что отец Гапонова то ли погиб на войне, то ли пропал без вести. Однако это не соответствовало истине, отец был жив и тщетно искал свою потерянную семью. В конце концов он напал на ее след, но только на след. А когда, наконец, нашел, все было кончено — пришли к концу бесконечные скитания в этом брэнном мире, и Борис нашел вечный покой в израильской земле. И это — часть биографии переводчика «Витязя в тигровой шкуре», часть его судьбы. Провидению было угодно, чтобы воспитанием Бориса занялся его дед-талмудист, чтобы зерно «святого языка», брошенное в его душу, проросло и дало всходы. Дед успел только заложить основы. Библию с ее арамейскими переводами Борис изучил уже самостоятельно, он прочитает и Мишну*, и светские книги — все, что сможет раздобыть на этом языке. Его поэтическая натура не гнушалась грамматических штудий, ввиду отсутствия словарей он составляет собственные, используя родной русский, идиш, свой второй

* Мишна — составная часть Талмуда.

родной язык, европейские языки. Современный государственный язык Израиля — иврит он изучит с помощью радио. Не хвалясь, он мог сказать, что владел ивритом как родным языком. И он избрал этот язык языком поэзии. Что касается грузинского, он говорил, что его изучением занялся параллельно с еврейским в возрасте 14—15 лет. С сожалением вспоминал он, что в кутаисской русской школе, где он учился, стимулы и перспективы изучения грузинского были равны почти нулю. Но те несколько сохранившихся писем к друзьям, написанных им по-грузински, никого не убедят, что грузинский не был его родным языком. Несомненно существует гений языка, и Борис Гапонов был им.

Он совершил невозможное. В 50—60-х годах в одном из кутаисских подвалов корректор заводской газеты (кто теперь помнит ее название — «Ленинец»?!) принялся за перевод «Витязя в тигровой шкуре» на язык еврейских поэтов, волею судьбы оказавшихся в Испании. Они говорили на нем с Сионом, с землей Палестины, которую никогда не видели и не надеялись увидеть. Беседовали со своими сердцами и Богом. И переводчик, берясь за этот труд, естественно, не мог уповать на то, что плоды его труда когда-либо достигнут Израиля, а если и достигнут, то увидят свет. Да и понял бы его сегодняшний читатель?

Труд увидел свет в Израиле, и читатель принял его — это были два чуда того времени. Чудо — для обитателя кутаисского подвала. И сам перевод оказался чудом, недаром Абраам Шлонский сравнил его с древней рукописью из старинной сокровищницы. Язык испанских поэтов, схороненный до поры до времени, как бы ожил в грузинской поэме. Более того — под пером переводчика начал новую жизнь. Грузинский оригинал вскрыл тайные возможности еврейского языка.

Какие особенности характеризуют еврейский текст «Витязя в тигровой шкуре»? Он заслуживает самого пристального внимания и изучения. С одной стороны — самостоятельная ценность еврейского текста независимо от оригинала, занявшего свое место в еврейской литературе; безупречное языковое чутье, поразительное актуальное знание его, виртуозное мастерство; истинно руставелевское отношение к слову и такое же владение стихией языка — все это делает перевод конгениальным оригиналу. Подобно оригиналу, еврейский текст поэмы пестрит лиценциями или неологизмами. Некоторые из них внесены в толковые словари еврейского языка, а это означает, что они стали принадлежностью его лексическо-

го фонда. Отдельная тема — ибсризмы еврейского текста в семито-еврейском оформлении, которые выглядят полпредами грузинского языкового мышления в тексте перевода. Читая перевод поэмы, мы, становимся свидетелями, как, в каком виде возвращаются к еврейскому читателю многие поэтические образы или концептуальные слова-понятия, что проникли в поэму Руставели из библейских книг.

Каждая строфа в еврейском переводе, исключений по существу нет, звучит совершенно, конгениально оригиналу. Все маджамы (омонимически рифмованные строфы) звучат как маджамы. Но в тексте Гапонова их больше, чем в оригинале. Объяснение этому следует искать не только в виртуозном владении языковой стихией переводчиком, актуальном знании им языка, но и в сегодняшнем фонетическом состоянии самого языка, когда в определенной позиции определенные звуки звучат одинаково, в результате чего многие слова совпадают по звучанию. Более того, переводчик при этом часто сохраняет и ритм строки оригинала.

Что еще можно сказать о переводе «Витязя...» на еврейский? Переводчик создает новый размер — более или менее точное соответствие руставелевскому «шаири». Как известно, руставелевский «шаири» бывает двоякого вида — «низкий» (с т. н. женской рифмой) и «высокий» (с т. н. мужской рифмой), и у Гапонова «шаири» — двух вариантов — с односложной и двусложной рифмами. И чередуются они так же, как «высокий» и «низкий шаири» — у Руставели.

Конгениальность Гапонова и в том, что он воспроизводит даже словотворчество Руставели. Он творит на своем языке так же, как творил Руставели. И если «Витязя...» отличает *lilientia poetica*, авторство которой принадлежит исключительно Руставели, то и в тексте Гапонова — свои художественные лицензии, являющиеся собственностью Гапонова — «гапонизмы».

Борис Гапонов принадлежит к числу тех поэтов, про которых Руставели сказал так: «Не сомнет он хода мысли, а отступит только с боем и, взмахнув чоганом* ловко, вновь сумеет стать героем». Геройство по-еврейски — «гебура»; что значит и «победа», победа, которую одержал над Словом Борис-Дов Гапонов.

* Чогани — палка для выбивания мяча.

ПОЭЗИЯ

Инна КУЛИШОВА

ПО ДОРОГЕ В ИЕРУСАЛИМ

Жара, словно обморок мысли,
расплавит безумную боль.
Лениво плывает Тбилиси
в мой шепот: «Останусь с тобой».

И в города мягком овале,
вписавшись, как в сон, в эту явь,
на лицах года зимовали.
А взгляду хотелось бы вплавь

отправиться по небу выше
любых пожеланий и просьб.
Но солнце бросало на крыши
домов свою желтую трость.

Ах, Господи! Вижу смягченный,
как здесь, азиатской чертой,
рельефом судьбы уточненный,
иной силуэт городской.

Открытый, под пазухой солнца,
жестоко зовущий к себе,
он, мощный, навстречу несется,
но по вертикальной тропе.

Я знаю, что остановиться
не сможет ни взгляд, ни душа.
Лишь боль разъяренной львицей
все гонит, в затылок дыша.

СТОЯ НА ЗЕМЛЕ ИЗРАИЛЯ

(К 50-ЛЕТИЮ)

Здесь ты часть горизонта
и, втоптаный солнцем
в свои корни, отросток на почве.
Взгляд пространство сгрызет, на
секунды раскромсан.
Доверяя единственной почте,

будут по небу ползать
зрачки с поперечной
мыслью альфу сосватать с омегой.
Здесь не взгляду примерзнуть,
но сплавиться в нечто,
не угнавшись за собственным «ЭГО».

В каждой точке, открытой
здесь по вертикали,
ты находишь себя, словно буква
посреди алфавита.
Петляя веками,
различаешь реальность как будто.

Но минуя ее, не
оглянешься всею.
И уйдешь в непонятной печали.
Только море в истоме
землю с небом целует,
словно две неизбежных скрижали.

* * *

Мне даны забытые потери

От мыслей, от любви, от расстояний
Бегу я через Яффские ворота.
Меня не ждут. Душа, как поле брани.
Ее уже не посещает кто-то.

Священных мест таинственная плесень
Скрывает тяготение к побегу.
Тому, кто мне давно не интересен,
Я не открою правды. Человеку

Дано не более, чем представленье.
А тот, уехавший, наверно, понял,
К чему все это. Разрубая звенья,
Он смысла, как и я, уже не помнил.

Нашептывают улицы о тщетном.
Опаздываю жить. У магазина
Сверну куда-нибудь, где беспросветны
Безвыходные песни муэдзина.

Вернусь. И пожалею. И устану.
И вместо лиц поставлю многоточья.
Желания, сподобясь каравану,
Затихнут вдалеке поодиночке.

Угадан город, отраженный в небе.
Я снова возвращаюсь к старым стенам.
Священник, отслужи по мне молебен.
Я тяготею к быстрым переменам.

* * *

Поговорим,
И ты меня поймешь.
По взгляду.

Я о многом. Я о многом.

Поговорим.
Ты вовремя уйдешь.
И скоро мне шататься
по дорогам.

«Ты мечешься», —
подумаешь.

Ну что ж...
Есть в Азии
две родины восточных.

Плеснут в лицо они
пригоршню точных
и сладких слез.

И мыслей внеурочных.

Поговорим.
И ты меня поймешь.

Страна, в которой жаль, что здесь не вырос,
еще не знала о моей тоске.
Но к сердцу, словно к берегу, прибилась
желание остаться вдалеке.

Я помнила названья переходов,
и этот мир еще был не со мной.
И я ждала у моря непогоды,
чтобы уйти, качая головой.

И глядя в ночь, укутанную светом,
я понимала: больше мне не спать.
Объединив потерянным ответом
два дома.

Два желанья уезжать.

Гурам ШАРАДЗЕ

ТРИ ПОРТРЕТА

Новейшая история Грузии изобилует именами, которыми по праву гордится грузинский народ. Их служение Родине на самых различных поприщах — будь то культура или наука, политика или экономика — было и остается примером истинной гражданственности. Среди этих личностей есть и евреи. Мы расскажем о трех из них. Двое — Иосиф Елигулашвили и Илья Гольдман — внесли неоценимый вклад в становление Грузинской демократической республики (1918—1921) и последующую борьбу за ее освобождение; третий — Исаак Давиашвили, ученый, своеобразный полпред грузинской культуры в Израиле.

Иосиф ЕЛИГУЛАШВИЛИ

Он был сыном известного кутаисского купца и благотворителя Арона Елигулашвили (1856—1938). Родился в Кутаиси 12 ноября 1890 года.

Среднее образование получил в Кутаисском реальном училище, высшее завершил в Московском коммерческом институте. С малых лет Иосиф помогал отцу и старшим братьям вести торговые дела, так что наряду с блестящим экономическим образованием обладал прекрасными практическими навыками и опытом (ж. «Чвени дроша», Париж, 1953, № 14, июль, с. 39).

Во время большевистского переворота (октябрь 1917) Иосиф Елигулашвили находился в Москве, где у его семьи конфисковали огромное состояние; он на себе испытал весь ужас «военного коммунизма». Иосиф возвращается на родину окрыленный желанием работать на благо отечества, однако вместо прибыльных частных дел решает заняться государственной деятельностью. Сначала он был назначен членом Комитета внешней торговли независимой Грузинской республики, затем был избран депутатом Учредительного собрания, после

чего направляется в Европу экономическим агентом, а впоследствии был представлен на должность замминистра финансов, торговли и промышленности. И всюду он отличался своей преданностью работе, компетентностью и исполнительностью.

В 1919 году во время выборов в Учредительное собрание Иосиф Елигулашвили был представлен по партийным спискам социал-демократической партии (№ 93) от Кутаиси вместе с другим кутаисским евреем Моше Даварашвили (№ 51). Как известно, в выборах победила социал-демократическая партия, и в числе победивших кандидатов в депутаты было два еврея и оба из Кутаиси (газ. «Эртоба», 1919, № 30, 7 февраля, с. 1). Кстати, среди победивших по партийным спискам был еще один еврей, родом из России, Илья Гольдман (газ. «Социал-демократ», 1917, № 98, 9 августа, с. 3). В августе 1920 года Иосиф Елигулашвили был назначен экономическим агентом Грузии в Роттердаме и Франции, вследствие чего освобожден от членства в Учредительном собрании (газ. «Клдэ», 1920, 17 августа, № 54, с. 3, об этом нас осведомил г-н Даниел Хаханашвили).

В феврале-марте 1921 года, после советизации Грузии, Иосиф Елигулашвили вместе с национальным правительством отправляется в эмиграцию. Как выясняется, вместе с академиком Эквтиме Такаишвили он принял активное участие в деле вывоза и спасения в 1921 году национальной сокровищницы Грузии (об этом подробнее в книге Г. Жордания «Возвращенная сокровищница», Тбилиси, 1983, с. 25). Этот факт подтверждает ранее неизвестное воспоминание Эквтиме Такаишвили, записанное грузинским политическим эмигрантом Валико Чубинидзе, проживающим в Париже. Предлагаем несколько фрагментов из этого воспоминания: «...Красная Армия приближалась к Тбилиси. Меня позвал мой друг, великий Иванэ (Джавахишвили): Видишь, Эквтиме, подходит русское войско, пылающее ненавистью к независимой Грузии и нашему духовенству. Они разгромят и разворуют наши церкви, музеи и все общественные учреждения. Ты должен немедленно встретиться с председателем правительства (Нозэ Жордания) и сообщить ему, что нашей национальной сокровищнице грозит серьезная опасность, затем нужно будет срочно все собрать и на время вывезти отсюда ради ее спасения. Я сразу согласился и направился во Дворец правительства. Встретиться с Жордания в те дни было не просто, но меня он принял незамедлительно, выслушал и велел позвать моего ста-

ринного знакомого и друга Иосифа Елигулашвили — помощника министра финансов, человека просвещенного, энергичного и делового. Господин Ноэ обратился к нему: Иосиф, ты будешь сотрудничать с Эквтиме, вам дается полное право действовать по своему усмотрению для сбора сокровищ, также даю вам полное право на реквизицию любого транспорта и нужных сумм. Он продиктовал приказ своей секретарше, подписал и передал нам, добавив: Эквтиме, ты назначаешься начальником этих сокровищ и последуешь с ними за границу с правом сохранения нынешних полномочий. Копию описи сокровищ, подписанную членами составленной вами комиссии, оставите, где сочтете нужным.

Я отказался от поездки за границу, объяснив, что не смогу оставить семью. Господин Ноэ холодно отрезал: «Поедешь с женой!» И продиктовал секретарше приказ относительно нашего назначения. Затем мы с Иосифом подписались под приказом, он передал копию секретарше, пожелал нам удачи и сказал: «Я всегда в вашем распоряжении, если что, обращайтесь ко мне». На прощание крепко пожал нам руки. Разумеется, я поблагодарил его от моего и Иванэ (Джавахишвили) имени. Мы сразу приступили к делу, и всюду нам с готовностью шли навстречу; конечно же, с помощью великого Иванэ и благодаря особым организаторским способностям Иосифа Елигулашвили мы блестяще справились с задачей...» Жизнь показала, отмечает В. Чубинидзе, «насколько правильным было решение великого Иванэ, приведенное в исполнение по поручению председателя национального правительства Ноэ Жордания профессором Эквтиме Такаишвили и господином Иосифом Елигулашвили» (В. Чубинидзе. Еще один справочный дневник о сокровищах, жур. «Чвени дроша», Париж, 1986, № 108, с. 78—80, 82; Эк. Такаишвили. К истории грузинского музейного имущества, в книге: Избранные труды, т. 1, Тб., 1968, с. 400).

Во время моего пребывания в Париже в октябре 1989 года Нино Салиа поведала мне о том, что грузинское правительство благодаря Иосифу Елигулашвили в 1922 году приобрело близ Парижа в Левиле поместье и двухэтажный дворец («Шато»), который и по сей день принадлежит Грузии и на протяжении 70 лет был прибежищем грузинской эмиграции (подробнее см. Г. Шарадзе. Французский дневник, Тб., 1990).

Ранее Нино Салиа опубликовала не менее интересные сведения относительно эмигрантской жизни Иосифа Елигулашви-

ли: «...Целью его жизни был труд и общественная деятельность. Этот редкой души грузинский еврей был тихим, незаметным, стеснительным человеком. Казалось, в его умных и печальных глазах застыла вся боль человеческого. И кто знает, скольким нуждающимся грузинам помогал этот трудолюбивый, не знающий покоя и усталос и человек. Он не оставлял без внимания ни одного дела, касающегося грузинской культуры. Приобретал интересные книги, предназначая их в дар Тбилисскому университету. Он покупал церковную утварь, которую собирался в знак благодарности передать храму Сиони за то внимание и расположение, которое было оказано грузинами в Париже грузинским евреям во время второй мировой войны. Покойный не успел передать при жизни этот столь ценный дар...» (Н. Салиа. Иосиф Елигулашвили, «Бэди Картлиса», Париж, 1952, № 13, ноябрь, с. 30).

В Париже Иосиф Елигулашвили был избран членом грузинского Национального совета, а также председателем Ассоциации грузинских евреев, покинувших родину, и проявил большое мужество и самоотверженность в деле спасения грузинских евреев во время второй мировой войны.

Благодаря своей деятельности Иосиф познакомился и сблизился с другими евреями, в чьих кругах он пользовался большим уважением. Беседуя со своими новыми друзьями об истории Грузии Иосиф всегда подчеркивал особые отношения между грузинским народом и грузинскими евреями...

...Иосиф Елигулашвили был лучшим выразителем единства, на протяжении веков связывавшего грузинских евреев и грузинский народ. Вся его жизнь давала грузинским исследователям еврейского вопроса богатый материал о совершенно особенных, отличных от других евреев свойств грузинского (и северокавказского) еврейства, отличие это было не только нравственно-обрядовым, но и физическим. Это обстоятельство позволяло грузинским евреям называть себя «грузинами Моисеевой веры»; эти же обстоятельства и этот мотив помогли грузинским евреям избежать ужаса геноцида, обрушившегося на евреев в странах, оккупированных нацистской Германией в годы второй мировой войны (см. жур. «Чвени дроща», Париж, 1953, № 14, с. 40—42).

Иосиф Елигулашвили скончался после тяжелой болезни в Париже 20 октября 1952 года и с большими почестями был предан земле на кладбище Банио (см. «Могилы беженцев», Париж, 1973, с. 23). «На похороны пришло множество его почитателей как иностранцев, так и грузин. Присутствовало все

наше правительство в полном составе во главе с Председателем правительства г-ном Н. Жордания и послом Грузии Ак. Чхенкели.

Прощальное слово на могиле произнес на французском языке главный раввин, от имени грузинского правительства на грузинском и французском выступил г-н К. Канделаки, от имени парижской грузинской колонии на французском — г-н В. Инцкирвели и от имени парижского комитета социал-демократов — В. Чубинидзе. От редакции «Мебрдзоли Сакартвело» на похоронах присутствовал Гр. Уратадзе (Хроника журнала «Мебрдзоли Сакартвело», Париж, 1952, № 8, декабрь, с. 28).

Здесь же приведем прощальное слово министра финансов, торговли и промышленности независимой Грузии Константи́на Канделаки, сказанное на могиле своего соратника: «Покойного Иосифа Елигулашвили многие знали как первого грузинского еврея, выступившего на государственном поприще в годы независимости Грузии. Но многие не знали его как человека и гражданина, как грузинского патриота.

Рожденный в традиционно любящей все грузинское старой семье грузинского еврея, Иосиф Елигулашвили был воспитан в Кутаиси, в атмосфере ожидания грядущих перемен к лучшему. Он включился в революционное движение еще со школьной скамьи, совсем молодым попал в тюрьму и даже был выслан из Кутаиси.

В высшем учебном заведении он принадлежал к передовому крылу студенчества и, практически не будучи вовлеченным в революционную деятельность, занимался тем не менее той отраслью и направлением в науке, которые формировали демократическое мировоззрение и привили ему любовь к общественной деятельности. Это была всесторонне образованная личность с глубокими экономическими знаниями, столь нужная нашему отечеству.

Грузин сердцем и духом, он оставался почитателем веры своих предков; и поскольку и как грузин и как еврей он подвергался политическим гонениям, Иосиф до конца своих дней оставался противником российского самодержавия.

Поэтому он с готовностью принял предложение отдать свои знания служению свободной независимой Грузии.

Вскоре молодой Иосиф Елигулашвили был приглашен на должность помощника министра финансов, торговли и промышленности. Это обстоятельство у некоторых вызвало опасения, сможет ли соответствовать должности и справится ли со столь сложными обязанностями молодой человек? Однако

стоило с ним пообщаться и поговорить о деле, как даже самые опытные чиновники и деловые люди выражали ему свое уважение.

Оккупация Грузии и вынужденная жизнь на чужбине была для него так же невыносимо горька, как и для большинства его соотечественников. Большая семья — как говорил отец покойного, «нас всего 28» — много лет была предметом его забот, и благодаря своей неисчерпаемой энергии Иосиф смог поставить ее на ноги.

Иосиф никогда никому не отказывал в помощи.

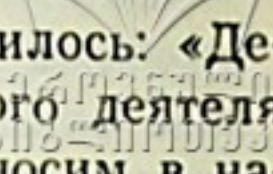
Особое испытание выпало на долю покойного во время оккупации, когда фашисты подвергали гонениям евреев за их национальную принадлежность, уничтожая людей сотнями тысяч.

В эти тяжелые времена грузинские евреи собирались у Иосифа, ожидая от него спасения, уповая на его знания, энергию и самоотверженность.

Иосиф сумел заинтересовать всех грузинских эмигрантов судьбой грузинских евреев, связав их вопрос с историей Грузии. Заручившись поддержкой грузинских эмигрантов и иностранцев, Иосиф, благодаря невероятным усилиям, спас от неминуемой гибели несколько сотен грузинских евреев. Это подняло его престиж в глазах евреев, выходцев из других стран, и укрепило их симпатии к Грузии.

Эту самоотверженную страницу в биографии Иосифа не забудет еврейская грузинская эмиграция. Своей деятельностью он способствовал восстановлению за пределами Грузии ее древней исторической традиции — уважать и защищать людей всех национальностей и вероисповеданий. Покойный всегда высоко ценил эту традицию. Много, очень много грузин помогло ему в этом деле, этого мы не забудем никогда, но более всего помогло то, что именуется историей Грузии!..» (жур. «Мебрдзоли Сакартвело», Париж, 1952, № 8, с. 28—29).

Выражением глубокого уважения грузинской политической эмиграции памяти Иосифа Елигулашвили явились гражданская панихида и траурное заседание в Париже 2 декабря 1962 года в ознаменование 10-й годовщины со дня его кончины, где выступили В. Чубинидзе, Г. Григолашвили, Н. Урушадзе, И. Гобечиа, В. Нозадзе, Л. Зурабишвили, Ш. Каландадзе, вдова Н. Жордания Инна Жордания. Были зачитаны письма бывших министров независимой Грузии — юстиции Раждена Арсенидзе и труда Георгия Эрадзе, которые по болезни не смогли принять участия в заседании. В частности, в

письме министра юстиции Раждена Арсенидзе говорилось: «Десять лет назад мы потеряли большого общественного деятеля Грузии — Иосифа Елигулашвили. Десять лет мы носим в наших сердцах память о нем, и эта память никогда не сотрется. Его имя навеки запечатлено в счастливых и горьких страницах нашей истории.

В пору независимости Грузии Иосиф заботился об укреплении основ молодого государства, налаживал его экономическую жизнь. Это был самый сложный, самый болезненный участок в те времена хаоса и беспредела, в который была ввергнута бескрайняя Российская империя, а вместе с ней и маленькая Грузия...

Вкупе с покойным Константином Канделаки, министром финансов, торговли и промышленности, Иосиф тянул это тяжелое ярмо... Именно здесь проявился его высокий патриотизм, великая любовь к нашей стране и самоотверженность... В плеяде деятелей борцов за возрождение Грузии Иосифу принадлежит одно из самых почетных мест. Он воистину заслужил право на бессмертие своей самоотверженной общественно-политической деятельностью. Своим великолепным практическим талантом, самоотверженным творческим подходом к работе он преданно служил грузинской государственности там, на нашей родине, и здесь, в тяжелых условиях эмиграции, изо всех сил боролся за восстановление поправленных прав нашей страны.

...Грузинские евреи, наши братья и соотечественники, вправе гордиться тем, что взрастили для Грузии столь достойного сына; грузинский народ никогда его не забудет, а его деятельность запечатлится в истории Грузии, как блестящая страница неразделимого грузино-еврейского единства и сотрудничества...

Так последуем же его примеру! Будем преданы нации и родине, как был предан им Иосиф Елигулашвили. Продолжим дело, которое он лелеял, неустанно, всеми своими помыслами будем служить освобождению Грузии. Так мы отдадим дань его памяти и исполним его духовное завещание» (жур. «Чвени дроща», Париж, 1963, № 38, с. 25—27).

Илья ГОЛЬДМАН

Если Иосиф Елигулашвили принадлежал к старинной грузинской еврейской семье, то Илья Гольдман, отдавший независимости Грузии много сил и энергии, был родом из Госсии.

Каким образом он попал в Грузию? Сведения об этом мы нашли в некрологе «Илья Гольдман», написанном бывшим министром труда независимой Грузии Георгием Эрадзе — он был опубликован в 1963 году в 40-м номере парижского журнала «Чвени дроша» («Наше знамя»). (Русский вариант автографа хранится в Нью-Йорке у дочери Ильи Гольдмана Тезы Гольдман, любезно предоставившей мне ксерокопию статьи во время моего пребывания в Нью-Йорке в сентябре 1990 года):

«Во время первой мировой войны Илья Гольдман был призван в армию и попал на Кавказский фронт. Февральскую революцию 1917 года он встретил в Кутаиси. Его избирают депутатом Солдатского Совета от полка, а затем секретарем исполнительного президиума Совета рабочих и солдат. На этой должности он налаживает отношения с Советом рабочих депутатов, председателем которого являлся Григол Уратадзе, а также сближается с грузинскими политическими деятелями (Илья Гольдман. Памяти Григола Уратадзе, жур. «Чвени дроша», Париж, 1959, № 30).

Как уже говорилось, Илья Гольдман был по национальности евреем, родившимся и воспитанным в России. Юрист по образованию, социал-демократ по убеждению, антибольшевик, попавший в Грузию по причине первой мировой войны, он, не раздумывая, встал рядом со свободолюбивым грузинским народом в борьбе против российского самодержавия. С распадом русской армии на Османском фронте, он собрал вокруг себя сознательных людей, служивших в русской армии, и встал на поддержку кутаисского Совета рабочих депутатов. Политическая разумность и осмотрительность Ильи Гольдмана дали свои плоды, — Кутаиси смог избежать разорения и кровопролития, благодаря чему он заслужил глубокое уважение жителей Кутаиси и всего грузинского народа (газ. «Социал-демократ», 1917, № 100, 26 июля, с. 1; газ. «Чвени квекана», 1917, № 98, 9 августа, с. 3).

Тем временем в России устанавливается большевистский режим, начинается гражданская война и тотальная анархия, Гольдман принимает решение остаться с женой в Грузии.

По инициативе Евгения Гегечкори Илью Гольдмана вызывают в Тбилиси в министерство труда (он становится заместителем министра). Плодотворная деятельность Ильи Гольдмана оставила ощутимый след во всех отраслях министерства. Комиссией министерства труда под его руководством был раз-

работан проект Кодекса труда, который позднее был объявлен законом.

Илья Гольдман придавал большое значение труду, как жизненному источнику страны, создающему богатства, вспоминает Георгий Эрадзе. И поэтому он признавал обязанностью государства охрану труда законом. Вместе с тем, считал он, трудящиеся не должны забывать о своем высоком долге перед страной.

Он всегда выступал за то, чтобы рабочие бастовали лишь в крайне исключительных случаях, улаживая свои отношения с капиталом, он считал, что нельзя бессмысленно терять время, и ни рабочие, ни хозяева не должны допускать простоя производства. Под его непосредственным руководством были созданы учрежденные законом органы (Тарифная палата, Мировая камера и др.), он также помогал министерству снабжения как специалист иностранного языка, автор многих трудовых договоров, проектов или статистических данных и т. д.

В выборах Учредительного Собрания Грузии, прошедших в 1919 году, Илья Гольдман был выдвинут в депутаты по партийным спискам социал-демократической партии от Кутаиси и одержал победу.

Илья Гольдман был активным создателем независимой Грузии. К сожалению, независимость ее оказалась кратковременной. В феврале-марте 1921 года Советская Россия грубым, бесцеремонным военным вмешательством отрезала путь грузинскому народу к свободе и самостоятельности.

Илья Гольдман последовал за национальным грузинским правительством в эмиграцию в надежде, что при поддержке мировой общественности Грузия вновь восстановит утраченную независимость.

С этой надеждой Илья Гольдман 43 года прослужил флагу независимой республики. В пятидесятых годах он является членом правления американского Совета восстановления независимости Грузии. Его статьи и рецензии печатаются в органе этого Совета «Чвени гза» («Наш путь»), который выходил в Нью-Йорке под редакцией Гиви Кобахидзе.

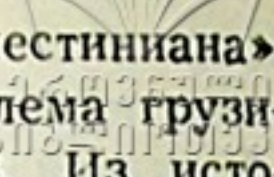
Ицхак ДАВИД

С Исааком Давиташвили мне довелось работать в кабинете руствелологии Тбилисского государственного университета в 60-х годах, когда под руководством профессора Л. Менабде составлялся сборник «Руставели в мировой литературе» (уже

вышли в свет несколько томов этого сборника, куда включены материалы И. Давиташвили). Тбилисский парень, выросший в стенах нашего университета, привлекал внимание широким кругозором, глубиной мышления и удивительным знанием языков (помимо русского и грузинского, он прекрасно владел еврейским, испанским, английским, арабским, итальянским, древнегреческим, немецким, французским, голландским), а также своими экспериментами в области версификации и новеллистики. Работая в Тбилисском государственном университете (у академика Г. Церетели), а затем в Институте истории, археологии и этнографии им. Ив. Джавахишвили АН Грузии (у профессора И. Табагуа), он занимался вопросами общего языкознания, сравнительной грамматики индоевропейских и семитских языков, древнееврейской философии, испано-еврейской и испано-арабской поэзии, изучил сведения, оставленные странствующими по Грузии и Кавказу европейскими путешественниками. С 1972 года Исаак Давиташвили живет в Израиле и работает над переводом «Витязя в тигровой шкуре» в Кавказологическом (бывш. картвелологическом) научном комитете, носящем имя известного переводчика Бориса Гапонова. Он занимается крайне полезной для грузинской культуры работой и не забывает своей родины. Помимо этого, Ицхак Давид является первым советником премьер-министра Израиля в области культуры и науки. В предисловии к первому тому своей книги, изданной на грузинском языке в 1976 году в Тель-Авиве — Иерусалиме, Ицхак Давид пишет: «Я по сей день проникнут чувством великого благоговения и благодарности к моим грузинским друзьям и коллегам, в процессе тесного сотрудничества и взаимоотношений с которыми я причастился к величию грузинской души, к ее доброте, естественности, прямолинейности, чего мне так не хватало и о чем я так мечтал, попав в новую этногосударственную обстановку... Я горжусь тем, что я грузинский еврей» и далее: «Издание первого тома на грузинском языке, родном языке Иоана Зосимэ и Галактиона Табидзе, символично», поскольку «содержание материала по складу мышления, восприятия и переживания представляет грузинскую квинтэссенцию, не было никакой необходимости воспользоваться другим, пусть даже намного более распространенным европейским языком».

Мне посчастливилось внимательно ознакомиться с книгой благодаря содействию директора фундаментальной библиотеки АН Грузии г-на С. Хадури. Книга содержит труды И. Давиташвили, написанные в 1973—1976 годах, среди которых на

сегодня особый интерес вызывает «Грузинская палестиниана», состоящая из пяти глав: 1. Предисловие; 2. Проблема грузино-еврейских этнорелигиозных взаимоотношений; 3. Из истории взаимоотношений Грузии и Палестины; 4. Грузинские памятники в Палестине; 5. Крестовый монастырь (история, современность).

Автор трактует задачу труда следующим образом: «Основной целью являлся обзор и анализ существующих историко-литературных источников, подведение итогов уже сделанного и воссоздание в ряде случаев соответствующей картины современного этапа исследования (Крестовый монастырь) вследствие чего основная работа была перенесена в окрестности Иерусалима... Самое примечательное, пожалуй, нахождение могилы Шота Руставели (предположительно, грузинских царей, духовенства и других достойных сынов отечества) в подпольном могильнике Крестового монастыря...»

Летом 1975 года, по проведении предварительных подготовительных работ, И. Давиташвили устраивает первую научно-исследовательскую экспедицию Кавказологического комитета им. Б. Гапонова и Объединения евреев—выходцев из Грузии (председатель Р. Балуашвили) в Иерусалимский монастырь. «В сей величавой и исторической обители, осмотру которой всегда сопутствует трепетное волнение сердца, словно причащаешься к извечному зову древних грузин, словно к тебе зывают предки из глубины веков, когда ты смотришь на эти стены и дышишь этим воздухом», — поэтически повествует автор. В монастыре ему оказывали помощь местные монахи — Иеротеос, затем Наркис, а также представители Иерусалимского муниципалитета.

В первых главах книги, опираясь на богатую научную литературу и историко-литературные памятники на грузинском, иврите, арабском, русском и западноевропейских языках, И. Давиташвили делает обзор историко-этнических и культурно-религиозных взаимоотношений Грузии и Палестины, включая «расселение евреев в Грузии (как итог политико-экономических явлений) и стремление грузин к Палестине, создание ими церковно-монастырских центров (итог религиозного фактора)». Ссылаясь на соответствующие источники и фотоиллюстрации, И. Давиташвили заключает: «Имеющиеся в Палестине древнегрузинские памятники и рукописи несомненно имеют огромное значение для изучения грузинской письменности, литературы и церковно-духовной деятельности. Разумеется, исследование столь богатого наследия потребует десятилетия напря-

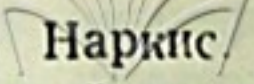
женного и подвижнического гряда» и тут же бьет в колокол тревоги: «Время летит, и хотя Израиль-Палестина существуют, но в здешних монастырях и церквях уже давно, к сожалению, не звучат торжественные молебны грузинской православной церкви. Неумолимый бег времени, пожары, разбои стирают и выветривают грузинский след... То, что застал здесь Тимотэ Габрошвили, не дано было увидеть Ал. Цагарели, а увиденное Цагарели, верояно, не дано увидеть нам. Все преходяще, время безжалостно, сегодня еще можно увидеть осколок камня с какой-либо грузинской буквой, завтра же будет поздно...

Гефсимания, Вифлеем, Синай, Иерусалим, Назарет — где только не звучал грузинский язык под палестинским небом... Ни у кого не может возникнуть сомнений относительно того, какое большое значение имеет охрана грузинских памятников за пределами Грузии, там, где из-за неумолимого течения времени замерла грузинская речь».

С этой точки зрения, на первом этапе исследования грузинской палестиняны И. Давиташвили ставит целью фундаментальное исследование Иерусалимского грузинского Крестового монастыря, чему посвящает пятую главу своей книги.

И. Давиташвили рисует картину прошлого Крестового монастыря до сегодняшнего дня, дает краткую историю и анализ инородных наименований этого монастыря, описание географического местоположения и зодческих особенностей монастырского комплекса. Автор перепечатал план и продольный разрез монастыря, выполненный Э. Пьеротти и опубликованный еще в 1864 году: 1. Вход в церковь; 2. Молитвенный зал; 3. Купол; 4. Патриарший трон; 5. Иконостас; 6. Алтарь; 7. Место для певчих; 8. Вход в святую келью; 9. Место появления крестового дерева.

После 1864 года план Пьеротти неоднократно перепечатывался различными авторами, но до И. Давиташвили никто не обращал должного внимания на представленную на этом плане левую комнату алтаря, с полом из мраморных плит, вероятно, скрывающих потайной ход. По этому поводу И. Давиташвили пишет: «Во время одной из последних экспедиций в этой небезызвестной маленькой комнате мой взор привлекли две аккуратно уложенные на полу плиты от стены к стене, на которых стоял массивный шкаф с церковной утварью. Слева, между полом и плитой, явственно проглядывала щель, свидетельство того, что плиты фактически играли роль двери, ведущей в подземелье, где, по первоначальному предположению, должен был находиться погреб или склеп. Эту версию

 Наркис

подтверждал и новоприбывший в монастырь монах ^{Зна-} Меня пронзила мысль о могилах Руставели и грузинской знати (а также монастырских настоятелях и братьях), тем более что тщательный осмотр, а затем и изучение монастырской территории в целях выявления каких-либо склепов-могильников или некрополя не принесли желаемых результатов. К тому же на протяжении веков монастырь фактически представлял неприступную крепость, и поэтому вряд ли можно было допустить мысль, что обитатели монастыря хоронили своих покойников, тем более из знати, за монастырскими стенами. Надо было искать могильники в пределах монастырских стен, но где?! В существующих специальных литературно-научных источниках нет даже намеков на какой-либо могильник или некрополь на монастырской территории. Логически возникал вопрос, где же хоронили обитатели монастыря усопших? Однако ответа не было ни в одном из многочисленных литературных и церковно-исторических источников. Удивление вызывало и то, что несмотря на научно-исследовательские экспедиции и проделанную работу, нигде не говорилось о входе в подземелье с левой комнатки алтаря».

Это открытие поставило исследователя перед необходимостью изучения монастырского подземелья.

«Несмотря на неоднократные обращения к патриарху Бенедикту, митрополиту Василиосису, архитектору Капаццини и др., нам не дали возможности изучить монастырское подземелье, хо я во время одной из последних экспедиций сквозь щель между каменным полом и мраморными плитами, при посредстве слабого освещения, угадывалась некая складская пустота, спуститься в которую возможно было при помощи лестниц. Вокруг углубленных оснований столбов (здесь же приводится приблизительная схема — Г. Ш.), если мы имеем дело с некрополем, должны были быть могильные плиты, возможно, с древнегрузинскими надписями.

Как тут не вспомнить «Палестинский дневник» поэта академика Ираклия Абашидзе, опубликованный им еще в 1960 году: «Греческий патриарх должен нам позволить хоть частично расчистить стены, хоть частичку раскопать место, где, согласно легенде, должна находиться могила нашего гениального предка... Он должен нам позволить», и дальше: «В том месте, где по легенде находится могила великого Руставели, у столба, на котором изображен его портрет, я крепко постукиваю ногой и слышу глухой, едва различимый гул снизу, здесь и пол как будто бы несколько мягче и слегка подраги-

вает. Я опять повторяю движение ногой... Опять глухой гул? Что это может быть? Теперь Георгий Церетели пробует меня, он тоже как будто что-то почувствовал. Гробница? Но разве гробница может прощупываться ногой? Весьма интересно... Это место непременно нужно раскопать».

Однако, к сожалению, ни в 1960 году, во время научной экспедиции И. Абашидзе, Г. Церетели и А. Шанидзе, ни в 1966 году, во время пребывания съемочной группы Г. Патарая, И. Руруа и Г. Мелкадзе, снимавшей фильм к юбилею Руставели, в Крестовом монастыре не удалось провести каких-либо археологических работ из-за стойкого сопротивления греческой патриархии (см. И. Абашидзе, «Палестинский дневник», Тб., 1961; И. Руруа, «Среди памятников Палестины», Тб., 1973).

И в 1975 году уже третья по счету попытка И. Давиташвили вновь провалилась: «Греки торопливо замаскировали плиты, ведущие в подземелье, шкафом и различными предметами».

Год спустя положение вроде бы несколько улучшилось. На настоятельные просьбы и обращения евреев Грузии к греческой патриархии муниципалитету Иерусалима пришлось несколько обнадеживающих ответов, в результате чего:

«24 декабря 1976 года мы вновь посетили монастырь. Греки устроили нам сердечный и вежливый прием. Кроме знакомого нам архимандрита Наркиса, на встрече присутствовали: игумен греческих монастырей отец Даниел, главный архитектор греческих ортодоксальных монастырей Кацаминлис и молодой монах-археолог Циприан. С нашей стороны — господа Р. Балуашвили, М. Даниелсз. (Здесь же приводятся фотоснимки, запечатлевшие эту встречу — Г. Ш.) ...Я подробно ознакомил присутствующих с результатами проведенных исследований и своим предположением о существовании гробницы-некрополя в подземелье монастыря, а также высказался о сути грузино-греческих и ряде других традиций в отношении захоронений Руставели и грузинских царей и знати. Я с почтением попросил разрешения на осмотр подземелья.

Содержание нашей беседы на английском языке монах Циприан переводил отцу Даниелу на греческий. В данном случае отец Даниел был решающим лицом и от него зависело многое. Диалог, завязавшийся между нами, временами проходил в обстановке едва заметной неловкой напряженности:

Отец Даниел: Какими источниками, подтверждающими су

уществование какой-либо гробницы, и в частности могилы Руставели, вы располагаете?

Ответ: О приходе Руставели в Палестину и его погребении здесь свидетельствуют не только грузинские источники (Цагарели и др.), но и греческие... — Я перелистываю книгу Пападопулоса, указываю страницу, где речь идет о Руставели, и протягиваю Циприану, который читает и задумчиво передает книгу отцу Даниелу.

Отец Даниел (пробежав глазами страницу): Это понятно, но я лично бывал внизу, когда это было вызвано необходимостью укрепления верхнего мозаичного слоя и осматривал указанное место...

Я прошу его хотя бы приблизительно набросать схему подземелья. Он начинает чертить на листке, поясняя при этом: между мозаичным слоем верхнего пола и волнообразной скалистой поверхностью нижнего (?!) приблизительно 60—90 см и мы сочли целесообразным заполнить это пространство щебнем и камнями, чтобы укрепить мозаичный слой верхнего пола, только и всего, так что нет никакой необходимости сейчас опять все это разрушать и спускаться вниз...

Архитектор Кацаминлис: Я недавно назначен на эту должность и поэтому не до конца знаком с обстоятельствами дела, во всяком случае, положение наше незавидное — мы не можем со всеми (?!) считаться, ведь завтра с просьбой о проведении раскопок могут обратиться и другие, но мы учтем работу и цели экспедиции вашего института (имеется в виду Кавказологический комитет), и пригласим вас присутствовать при проведении запланированных археологических восстановительных работ...

Здесь же случился интересный эпизод. Если раньше греческое духовенство категорически отказывало нам в каком-либо перемещении мраморных плит, которые, как уже говорилось выше, представляли вход в подземелье, то сейчас любезно согласилось поднять эти плиты. Признаться, это меня насторожило, поскольку после стольких объяснений и бесплодной беседы согласие выглядело подозрительным... В большом волнении мы направились к церкви. Я не могу не отметить добросовестного отношения монаха Циприана к нашей работе, по-видимому, в нем возобладал научно-археологический интерес. Р. Балуашвили (Барлави) вооружился специально прихваченным на этот случай фотоаппаратом... Мы осторожно переставили шкаф, перенесли иконы, подсвечники, подготовили место для рабочих, пришедших со специальными инстру-

ментами, и приступили к работе. Мы намеревались основательно сфотографировать (пусть даже сверху) спуск в под-земелье...

Когда мы наконец подняли плиты, нашему взору предстала следующая картина: остатки старой мозаичной поверхности были тщательно замазаны новым слоем, был заделан и скрыт от взора ведущий вниз вход, я провел рукой по замурованной поверхности — сомнений в ее недавнем происхождении не оставалось, сохранилась даже характерная влажность...

Что ж, и цель, и результат этой работы были очевидны. Нам ничего не оставалось, как отснять мозаичные остатки, осмотреть снаружи слоистый состав каменного пола, установить хронологическую последовательность мозаичных слоев. Обследование монастырского подземелья мы отложили до лучших времен в надежде на наши потенциальные возможности и доброжелательность греков к нашей работе.

Следует отметить, что на этот раз, несмотря ни на что, общение с греками прошло в деловой и дружественной обстановке.

Разумеется, от них не укрылось отношение благодарной грузинской еврейской интеллигенции к Грузии и к ее истории, к древнегрузинским памятникам в Палестине... Мне вспоминались слова покойного академика Ш. Амиранашвили в отношении гробницы царицы Тамар: «Греки не стали бы разорять могилу православной царицы...»

И конечно же, наверное, не стали бы разорять могилы, расположенные вдоль столба, на котором изображен портрет православного грузинского поэта... Мы сердечно попрощались с греками, думается, после 1960 года отношения несколько потеплели, они записали наши координаты, пообещав сотрудничество в научно-исследовательской области. Действительно, к кому же еще обращаться за помощью, если половина иерусалимских церквей-монастырей находится в их руках, так что и завтра, и послезавтра нам придется вести переговоры с ними, и поэтому самый оптимальный путь — это путь убеждения и доказательств, со временем туманные тезы так или иначе прояснятся, время возьмет свое...».

И все же в одной из глав своей книги И. Давиташвили не скрывает возмущения: «Безжалостность времени, сама история постепенно, но тщательно стирает следы, следы грузинского церковно-монастырского элемента на палестинской земле. Сегодня они все еще запечатлены в остатках безмолвных

надписей и развалин, во фресках, а может, и в духе. Грузинская церковь должна уделить большее внимание грузинским памятникам в Палестине, вести переговоры с представителями патриаршего руководства. Излишни напоминания о долге каждого из нас в отношении этого вопроса... И хотя грузинские молитвы больше не звучат на древней палестинской земле, грузинский след в Палестине не должен исчезнуть!».

В Иерусалиме побывал католикос-патриарх Всея Грузии Илья Второй, предпринявший в этом направлении обнадеживающие шаги, добрые плоды от которых можно ожидать уже в ближайшем будущем. Крестовый монастырь ждет своего настоящего хозяина и новых исследований!

ВМЕСТЕ — ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ВЕКОВ

На рубеже двух столетий — XX и XXI — в Грузии происходит множество кардинальных событий и, пожалуй, одно из них — празднества в честь 2600-летия проживания евреев в Грузии. Эта знаменательная дата отмечается по программе подготовки к 3000-летию государственности Грузии. Празднества, посвященные 26-вековому пребыванию евреев в Грузии, — уникальное событие в жизни грузинского и еврейского народов, так же как уникальны и отношения между ними. Как зародились эти отношения, что им сопутствовало в течение долгих веков, как они развивались — всего этого не уместить в одной небольшого объема статье, это требует коллективного труда историков, этнографов, писателей, философов, и тем не менее мы попытались найти ответы на некоторые интересующие нас вопросы и обратились за помощью к главному раввину Грузии Ариэлю Левину.

Ариэль Левин родился в 1961 году в г. Тбилиси в семье журналиста Григория Левина. По окончании тбилисской 66-й средней школы поступил в Государственный политехнический институт на факультет «Автоматизированные системы управления». Пять лет проработал программистом в вычислительном центре Минздрава Грузии.

Приблизительно в это же время молодой программист начинает серьезно интересоваться вопросами иудаизма, судьбой своей нации, задумывается над истинным смыслом жизни — в этом ему оказывают помощь книги. Лживость и фальшивость некоторых из них, критически трактующих Библию, убедят его в правильности решения — пойти в услужение Богу, Богу, который спас еврейство от ассимиляции и исчезновения с лица земли. Евреев всегда спасала сильная вера. Одним из показателей религиозности и традиционности грузинских евреев, как считает главный раввин, является тот факт, что на сего-

дняшний день в Израиле проживает около 80 тысяч грузинских евреев, в то время как в США их выехало из Грузии всего около 3 тысяч.

— Много ли евреев уезжает сегодня из Грузии? И чем это вызвано?

— Сейчас процесс несколько замедлился. Кто хотел уехать, уехал. Помимо всего прочего, этому способствовала и тяжелая общественно-политическая и экономическая ситуация в стране. После того, как положение нормализовалось, многие евреи изъявляют желание жить на два дома — в Грузии и Израиле. И чем больше Грузия будет походить на нормальную страну западного типа, тем больше людей будет стремиться жить на два дома.

— Сколько евреев проживает в Грузии? И какое количество их проживало до отъезда?

— Сейчас в Грузии около 14 тысяч евреев, 10 тысяч проживает в Тбилиси. Я думаю, что до массового их отъезда в Грузии проживало около 100 тысяч евреев.

— Понятно, что евреи, покинувшие ту или иную страну, все еще сильно связаны с ней, а что можно сказать в этом отношении об их детях, которые родились уже в Израиле, насколько тесно связаны они со странами, откуда вышли их родители?

— Евреев в Израиле часто называют по той стране, откуда они приехали, — грузинские евреи, русские, польские, американские, но уже их дети, родившиеся в Израиле, называются сабрами. Как связаны сабры с теми странами, откуда приехали их родители? Это ведь зависит от того, в каких условиях жили они в тех странах. Например, я знаком с одним немецким евреем, который очень много ездит по свету, и если у него есть хоть малейшая возможность не лететь через Франкфурт, он не летит. Он не хочет даже ступить на землю Германии... Память жива, и раны не заживают.

На мой взгляд, наиболее сильно привязана к своей бывшей родине община грузинских евреев.

— Евреев преследовали повсюду. Грузия, пожалуй, единственная страна, где никогда не было антисемитских проявлений. В начале девяностых годов, правда, случались отдельные выпады, но их скорее всего можно отнести к разряду ху-

Лиганских, не имеющих под собой политико-идеологической основы... На Ваш взгляд, почему в Грузии так и не взошли семена антисемитизма?

— События, происходившие в Грузии в начале 90-х годов, конечно же, нельзя назвать антисемитскими. То, что в Грузии антисемитизм не дал всходов, прежде всего заслуга толерантности грузинской нации. Грузия — испокон веков многонациональная страна, и грузины всегда терпимо относились к другим нациям, в данном случае не только к евреям. Здесь также важен и фактор грузинской церкви. Грузинская церковь никогда не призывала к притеснению других наций и религий, в то время как в некоторых странах церковь занимала весьма жесткую позицию в отношении евреев, тем самым провоцируя всяческие выпады против нашего народа. Грузинская церковь никогда не отличалась антисемитской направленностью. Помимо этого, причина, возможно, и в том, что грузинские евреи никогда не претендовали на землю грузин, на независимость, на власть. С другой стороны, в Российской империи евреи не имели права занимать никаких должностных постов, там был официально определен процент поступающих в университеты евреев. Существовало множество ограничений, вплоть до того, что евреям запрещалось жить в больших городах...

— Сколько в Грузии действующих синагог?

— Две синагоги в Тбилиси, три — в Кутаиси, по одной в Батуми, Они, Сурами, Ахалцихе, Поты, Карели, Гори. В Сухуми... не знаю, считать или нет, но вместе с сухумской синагогой — тринадцать.

— И раз мы вспомнили о Сухуми. Во время войны в Абхазии, когда все перемешалось, и люди, дружно жившие бок о бок, вдруг в одночасье оказались непримиримыми врагами, только два народа — греки и евреи — не пошли воевать против грузин... Они могли не воевать и на стороне Грузии, поскольку правительства Греции и Израиля организовали выезд своих соотечественников из зоны конфликта. И тем не менее, они шли воевать, правда, до сих пор нет точных сведений, сколько евреев пало в боях за целостность Грузии — тогда они все считались грузинами, у их фамилий тоже грузинские окончания, и не было времени разбираться, кто грузин, а кто еврей...

— Почему евреи, жившие в Абхазии, не пошли воевать против грузин? Может быть, из-за схожести, в каком-то смысле, истории. Постоянные преследования, постоянные захваты. Может, они слышали зов крови. Грузины и евреи веками сообща защищали свою землю... А вообще-то я как-то над этим не задумывался...

— Как Вы думаете, что является самым важным духовным стимулом для евреев?

— На мой взгляд, важнейший духовный стимул, и не только для евреев — это вера, религия и национальное самосознание.

— Двадцатishестивековой юбилей, который отмечают грузинский и еврейский народы, это светский или духовный праздник?

— Я думаю, духовный, хотя религиозным его не назовешь. К этому празднику долго готовились. Не исключено, что в нем примет участие и премьер-министр Израиля Биньямин Нетаниягу.

— А как собирается отметить праздник главный раввин Грузии?

— Вместе со всеми.

В заключение главный раввин Грузии поздравил с праздником 26-векового пребывания евреев в Грузии читателей нашего журнала и всю Грузию.

Беседу вела Ирина ЗУРАБАШВИЛИ

Нодар ХОНЕЛИДЗЕ

«...ИСТОМИЛИСЬ ГЛАЗА МОИ ОТ ОЖИДАНИЯ БОГА МОЕГО»

Известно, что зарождение и утверждение монотеизма сыграло определяющую роль для дальнейших судеб человечества. Именно монотеизму современная цивилизация обязана своей гуманистической направленностью. На протяжении веков философия, культура, творческий гений человечества — то полемизируя, то приходя к согласию, черпали из неиссякаемого трансцендентного источника монотеистической идеи, религиозное и этическое содержание которой поражает своей глубиной.

Попытка осмыслить явление подобного масштаба, вникнуть в его суть сопряжена с чувством особой ответственности, «страха и трепета» в известном понимании этих слов. В небольшой по объему статье трудно осветить даже отдельные аспекты монотеизма — будь то теологический, исторический или религиозный. Задача, поставленная нами, гораздо скромнее.

Каждый из населяющих нашу планету народов имеет свою, оригинальную, обусловленную различными факторами судьбу. Это, в первую очередь, относится к тем, кого цивилизованный мир знает и именуется нацией. Самобытность, многообразие и разноликость рода людского налицо, и не видеть этого невозможно так же, как невозможен разговор о монотеизме без народа Израиля — еврейской нации, которой само Провидение уготовило уникальную миссию и судьбу.

Известно, что общепризнанной теории о нации как таковой не существует, и это понятие нельзя сводить к значению этноса. В одной из бесед Мераб Мамардашвили как-то заметил, что нацию можно понимать как «общность определенного народа в определенном пространстве перед лицом исторического рока. Элементом же этого рока является воля и ре-

шимость самого народа быть нацией»*. Мераб Константинович высказал эту мысль в связи с другой проблемой, но она невольно пришла на ум, когда речь зашла о народе Израиля, поскольку, наверное, не ошибемся, если скажем, что с точки зрения проявления духовных сил и исключительной воли к выживанию на протяжении своей древней, подчас трагической, истории еврейский феномен не имеет аналога в летописи человечества.

У этого феномена множество аспектов и, в первую очередь, — этноконфессиональный. Ни у одного народа нет такого слияния и единения этнического с конфессиональным, как у евреев. Объясняется это тем, что религиозная идея Израиля одновременно является и национальной идеологией. Исходное требование этой идеи — монотеизм, признание Единого Бога, Творца мироздания и всего сущего. Пронесенная сквозь призму национальной идеологии она утверждала в сознании сынов Израилевых, что именно им поручено возвестить миру об истинном Боге, именно им надлежит жить в соответствии с определенными нравственными предписаниями.

Вера в это предначертание стала неременным условием и неослабевающим стимулом существования еврейского народа.

Знаменательно, что точкой отсчета своей истории евреи считают религиозное обращение одного человека, своего родоначальника Авраама, а нацией осознают себя после Синайского Откровения — дарования Торы.

Каким бы ни было отношение историографии к этим событиям (амплитуда подтвержденных и неподтвержденных версий, начиная с античности, здесь более чем ощутима), фактом остается то, что именно эти два события определили формирование религиозного сознания и национальной психики израильтян. Здесь исток избранности народа Израиля и основа основ еврейского менталитета.

С учетом того, что исходящая от Авраама традиция, по библейской хронологии, охватывает почти четыре тысячелетия, а с момента принятия Закона Моисеева минуло приблизительно тридцать три века — время это вмещает и период галута (рассеивания), когда потерявшим отчизну и государственность евреям приходилось жить соответственно в языческой, эллинистической, римской, арабской и европейской средах — становится

* М. Мамардашвили. Беседы о философии (на грузинском языке). Тбилиси, 1992, с. 161.

понятным, с какой прочной идейно-политической мотивацией и уникальной социально-психологической аурой мы имеем дело, когда речь идет о еврейской ментальности.

Вышесказанное вовсе не означает, что еврейство всегда представляло собой этакий монолит, не дававший трещин, не знавший ни внутренних противоречий (в том числе и религиозного характера), ни серьезных отклонений от Моисеева Закона. Все это имело место, и Библия, а вслед за ней и еврейские хроники последующих эпох беспристрастно зафиксировали подобные явления. Но разве возможно, чтобы новый взгляд на мир, новая вера утвердились в сознании всех и каждого раз и навсегда. Ведь монотеизм, по сути, являлся глубокой абстракцией в мире, где царили истуканы и идолопоклонство.

Вера в Единого Бога, тем не менее, начала тлеть задолго до того, как Моисей удостоился лицезреть Купину Неопалимую, после чего и стал проповедовать монотеизм в виде религиозного, культурного, юридического и морального кодекса, совершив тем самым великий переворот в духовной и этической сферах. Подобное мировоззрение было присуще еще патриархам, начиная с Авраама. Они руководствовались идеей справедливости, гостеприимства и милосердия. Во имя этого родоначальник готов был дискутировать даже с Богом (Быт. 18:23—32;). С точки зрения Единобожия в сознании библейских праотцев показателен эпизод встречи царя Салимского Мелкиседека с Авраамом (Быт. 14:18—20). Воистину: «Заложить можно только ту основу, которая заложена с самого начала».

Интуитивное постижение Единого Бога, или эзотерическое учение о нем, известно еще в Древнем Египте. Это отразилось в знаменитой — правда, кратковременной реформе фараона Эхнатона (прибл. конец XV, первая половина XIV в.в. до н. э.). По мнению ряда ученых (Д. Брестед, А. Эрман), утвержденная Эхнатоном новая государственная религия была не просто культом бога Атона. Она обожествляла силу, посредством которой светило оказывало свое животворное влияние на землю. В сохранившемся с тех давних времен гимне есть такие слова: «О Ты, Единственный Бог, рядом с которым нет никого». Эти обстоятельства вызвали к жизни соображение о возможной связи и обусловленности между религиозно-культовыми тенденциями периода царствования Эхнатона и монотеизмом Моисея (У. Олбрайт).

Определенное направление в ориенталистике, именуемое

панвавилонизмом (Ф. Делич, Г. Винклер и др.), усматривало/ признаки монотеизма и в истории Вавилона.

Разумеется, нельзя отвергать большое культурное, политико-экономическое или иное влияние Древнего Египта и Вавилона на жизнь и судьбу еврейского народа, тем более что в обеих странах подтверждено существование как генотеизма, так и монолатрин, но речь здесь идет лишь о чисто внешнем сходстве. В Египте и Вавилоне всегда господствовал политеизм. Вышеупомянутая реформа Эхнатона, т. н. Амарнский период, относится к такого рода исключениям, которые лишь подтверждают правило.

Единобожие Израиля — явление совершенно иного содержания и значения. Монотеизм не был засвидетельствован у какого-либо другого народа того времени и представлял собой национальную религию евреев.

Вера, являвшаяся уделом немногих избранных — патриархов, — в результате деятельности Моисея стала религией целого народа. Было продекларировано: «Бог един», воля Его абсолютно свободна (отсюда и впоследствии сложившийся принцип свободы воли у человека), Ему не предшествует никакая первичная субстанция. Все мироздание и все сущее создано Его волей и словом. Пройдут века, и грузинский поэтический гений, подхватив эту идею, устами Руставели благодарственно подтвердит: «Тот, кто создал мирозданье самовластьем всемогущим, И с небес дыханье жизни даровал всем тварям сущим, Мир земной нам, людям, отдал, многообразно цветущим...» и совершенно однозначно провозгласит: «Образ тел во всей вселенной создал Ты, Единый Бог». Но до того монотеизму предстоял долгий и тернистый путь. Он отверг языческую концепцию темного, слепого, иррационального, но всемогущего рока и начал целенаправленно постулировать всемогущество Универсального Бога добра и справедливости.

Согласно такому мировоззрению человек — не случайное, преходящее явление, но субъект высокой этической предначертанности: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему...» (Быт. 1:26). Этот идеал лег в основу иудаизма, а затем и христианства.

Несмотря на то, что идея Единобожия представляла собой труднопостижимую абстракцию, сыны Израиля все-таки откликнулись на ее зов. Это говорит о том, что подобное мировосприятие не было чуждо потомкам Авраама, тем более что в пору тяжелых испытаний им явился Моисей, человек с уникальным даром пророка и предводителя.

Полученные у нескораемого тернового куста полномочия вовсе не облегчали задачи новоявленного вождя, скорее наоборот, так как на него легло бремя двойной ответственности: перед Господом — за судьбу избранного Им народа и перед народом — за авторитет, действенность новой идеи. Появление Моисея было принято и с надеждой, и с настороженностью, а то и недоверием. Но он с непреклонной решимостью приступил к исполнению возложенной на него миссии. По его сигналу начался исход евреев из Египта, он сумел тем самым воплотить в реальность стремление собратьев к свободе. С его именем «связан наиболее смелый и значительный прыжок, когда-либо имевший место в истории человечества» (У. Черчилль). Однако это было не только политическим достижением. Освобождение из египетского плена Израилевых колен знаменовало собой рождение Нации. Моисей же положил начало явлению непреходящей значимости — пророчеству, по сути и назначению своему так резко отличающемуся от языческого прорицательства. В дальнейшем пророчество такого рода воспримет и впитает в себя христианство, а затем фигура пророка появится в исламе, когда последний сделает наиболее радикальные выводы из монотеистической идеи.

Первым торжеством новой религии стало освобождение народа от рабства по воле Господа и с помощью Его пророка. Выяснилось, что Господь управляет не только силами природы, но и ходом Истории. Подтверждением этому стало откровение у Синайской горы — дарование Торы.

На этот раз Всевышний сам обратился к сынам Израилевым (Исх. 19:18). Поскольку блюсти десять заповедей евреям вменялось в обязанность непосредственно Господом, они и составили суть Моисеева Закона, а впоследствии заняли главенствующее место на шкале духовных ценностей человечества. Синайское откровение придало морали императивный характер. Отныне ответственность перед Господом ложилась на всех и на каждого.

Суровость и бескомпромиссность требований Торы исходила из существующей реальности; монотеизму предстояло утвердиться и победить в обстановке грубого фетишизма, политеистической разнузданности, языческой жестокости с ее отвратительной практикой человеческого жертвоприношения. Дело усугублялось еще и тем, что евреи после исхода не сразу вступили в Землю Обетованную, а находились в пустыне, неся на себе тяжкое наследие рабства. На тяготы жизни в пу-

стыне народ реагировал то ропотом, то открытым выражением недовольства (Исх. 14:11, 12; 16:2, 3; Числ. 14:2, 3, 4), а то и неповиновением и бунтом против своего освободителя (Числ. 16:2, 3). В такой непростой, полной драматизма ситуации (Исх. 32:26, 27; Числ. 16:28—50) пришлось Моисею вести колена Израилевы к намеченной цели. Примечательно, что великий пророк оставался заступником собратьев перед Господом в моменты Его гнева за их прегрешения. Велика была любовь Моисея, но еще больше — милость Господня. Сорокалетняя эпопея исхода из Египта, завершившаяся у берегов реки Иордан, изобилует эпизодами, подтверждающими сказанное (Исх. 14:13, 15, 16; 16:4,5; Числ. 21:4—9).

В результате деятельности Моисея выявился резкий контраст между Израилем и языческим миром. Универсальный по сути своей монотеизм в силу вышеизложенного приобрел форму национальной религии. Конфликт с язычеством стал тем более неизбежен, что евреям требовалось пространство, где они могли бы свободно расселиться, вести оседлый образ жизни и отправлять богослужение. Иными словами, народ нуждался в собственной территории, но для этого подходила не любая страна, а именно та, которая была обещана их предкам — патриархам, где, как было сказано Моисею, «...течет молоко и мед...» (Исх. 3:7,8). Давнишней мечте — поселиться в Ханаане — Моисей придал значение реальной цели.

Его пророческий гений учел ключевое географическое положение Ханаана, он наверняка предчувствовал, что Истинного Бога со временем признают и другие народы. Непоколебимая вера именно в такое развитие дальнейших событий отличала многих харизматических вождей еврейского народа. Вспомним наиболее яркого из них, царя и псалмопевца Давида (ок. 1010—970 гг. до н. э.), который спустя несколько веков после Моисея пел Всевышнему: «Все народы, тобою сотворенные, придут и поклонятся пред Тобою, Господи, и прославят имя Твое, Ибо Ты велик, и творишь чудеса, — Ты, Боже, един Ты» (Псалом 85:9, 10).

Заповедь — «Не мсти и не храни злобы на сынов народа твоего, а люби ближнего твоего, как самого себя; Я Господь» (Левит, 19:18) и всеобщность этого принципа, направленного против ксенофобии: «И когда будет жить у тебя пришелец в земле вашей, не притесняйте его. Как туземец среди вас да будет у вас пришелец, проживающий у вас; люби его, как самого себя, ибо пришельцами были вы в земле Египетской; Я Господь, Бог ваш» (Левит, 19:34) — провозглашен-

ные поначалу для вразумления евреев, со временем должны были стать достоянием всего человечества. Что подтверждал тот же Давид: «Дабы познали на земле путь Твой, во всех народах спасение Твое. Да восхвалят Тебя народы, Боже, да восхвалят Тебя народы все!» (Псалом 66:3,4).

Ханаан же представлял собой перекресток тогдашних цивилизаций, и, конечно же, не случайно на него пал Божий жребий — именно здесь должны осесть колена Израилевы. Для этого Моисей сделал все — он был и пророком, и предводителем, и законодателем для своего народа. Тора называет его непревзойденным пророком. Хотя Моисей так и не удостоился вступить в Землю Обетованную, он, тем не менее, является вдохновителем победы, которую одержало рожденное в пустыне и возмужавшее на воле поколение, превратившее Ханаан в Эрец-Исраэль.

Евреи никогда не теряли связи с этой землей. После разрушения Второго храма и утери Иудеей своей сомнительной независимости (70 г. н. э.), даже после того, как захватчик запретил само учение Моисеево и переименовал страну в Сирию — Палестину, а народ в очередной раз изгнал с родных мест (132—135 г. н. э.), еврейское население там полностью не исчезало. Во все времена галута еврейство сохраняло верность Эрец-Исраэлю. Основы этой верности также заложены Моисеем.

Процесс консолидации евреев как монотеистической нации продолжился в Ханаане. Формы организованного проживания, будь то правление Судей или монархическая власть (несмотря на противоречивость такого выбора народом), в своей легитимности исходили из идеи Единого Бога (Адонаи Эхад), заступника и покровителя Израиля. Ярким подтверждением становления государственности еврейского народа и его возрастающей мощи стало провозглашение Иерусалима столицей и духовным центром объединенного царства (ок. 1000 г. до н. э.) и строительство в нем Храма Господня (ок. 960 г. до н. э.). Жесткий, но справедливый суд Самуила, ратная доблесть Саула, меч и перо Давида, мудрость Соломона, его религиозная (и не только религиозная) лирика — в такой последовательности складывалась неповторимая эпоха древнееврейского государства.

Однако золотой век длился недолго. Вследствие внутренних политических распрей и активного вмешательства извне, дали трещину государственная целостность и националь-

ное единство. Десять колен Израилевых обособились в Северное — Израильское, а два остальных — Южное или Иудейское царства (рубеж 30—20 годов X в. до н. э.).

В пору глубокого социального кризиса, упадка веры и деградации морали в обоих царствах почти одновременно (VIII в. до н. э.) возникает пророчество с качественно иным видением мира и пониманием Божьей воли. Феномен этот не объяснить лишь историческими обстоятельствами, но, вне всякого сомнения, толчок ему дали вышеозначенные процессы. Пророчество в Израиле всегда носило идеологический, мобилизующий народ характер. Усилив эту черту, классическое пророчество — его составляют книги Священного Писания от Исаяи до Малахии — вместе с тем приобрело остро обличительный пафос.

Основываясь на учении Моисея, пророки по-новому формулировали и проповедовали неведомые доселе этические принципы. Возник раскол между их наставлениями и вульгарным пониманием служения Богу. «Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших» (Амос, 5:22), — негодует Господь через своего пророка. Накаленность обстановки и взаимное неприятие вызывали порой преследования пророков царской властью.

Концепция этих религиозно-этических проповедников и бунтарей состояла в том, что формальное исполнение богослужения ни в коей мере не заменит истинной веры и что игнорирование Синайских заповедей неминуемо повлечет за собой национальный крах. «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; Научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за вдову» (1:16, 17). — призывал Исаяя от имени Господа. Пророки смело обличали укоренившееся в народе зло. Наиболее тяжким грехом считались идолопоклонство, кровопролитие, искажение права, обирание нищих. «Так говорит Господь: за три преступления Израиля и за четыре не пощажу его, потому что продают правого за серебро, и бедного — за пару сандалий» (Амос, 2:6). Проявление даже отдельной несправедливости они рассматривают не как частный случай, а как поразивший все общество недуг. Поэтому взыскивалось со всех, невзирая на «регалии»: «И что будет с народом, то и со священником; и накажу его по путям его и воздам ему по делам его» (Осия, 4:9).

Гневное осуждение и горячий призыв к покаянию, благородная идея спасения Израиля и всего человечества облекались в блестящую ораторскую или литературную форму, а

перспектива Божественного спасения и впервые прозвучавший у Исайи мессианский мотив придали монотеизму не-сокрушимый оптимизм: «И пойдут многие народы, и скажут: Придите и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас своим путям и будем ходить по стезям Его. Ибо от Сиона выйдет Закон, и слово Господне — из Иерусалима. И будет Он судить народы и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копья свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будет более учиться воевать» (2:3,4). Бесспорно — в лице древнееврейских пророков дело имеем с уникальным явлением, во многом определившим становление нашей цивилизации.

В связи с этим весьма показательное мнение Карла Ясперса. Говоря о том этапе развития, когда человек начал созревать для ясного, четкого понятийного мышления и у него появилась потребность в рациональном объяснении явлений, немецкий философ указывает, что духовно-интеллектуальное брожение происходило в древности параллельно и независимо друг от друга в Китае, Индии, Персии, Израиле-Иудее и Элладе. Этот период (между 800 — 200 гг. до н. э.) К. Ясперс называет «осевой эпохой». А в древнееврейских пророках «осевой эпохи» он видит такое обостренное личностное самосознание и этический пафос, свободный от какого бы то ни было фетишизма, что это дает ему основание считать их предтечами философской веры: «...Пророческая религия была освобождением от магии, вещной трансценденции, освобождением столь радикальным, как нигде в мире, и хотя она была дана только на исторически ограниченное мгновение немногим народам, но записанная, она взывала ко всем людям грядущего, умеющего слышать».

Велика заслуга классических пророков в сохранении и дальнейшей кристаллизации веры в Единого Бога. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть и другую существенную грань их деятельности: поразительную точность прогнозирования грядущих политических и военных событий. Они понимали, что при столкновении интересов великих держав (Египет, Ассирия, Вавилон) не следует целиком и полностью полагаться на Египет; что разобщенная нация и раздробленная страна не смогут противостоять агрессии Ассирии или Вавилона. Подвижность некоторых пророков совпало с кульминацией одного из самых драматичных отрезков еврейской истории — с разрушением Первого храма и Вавилонским пленом (586—516 гг. до н. э.). Предотвратить эту катастрофу пророки оказались не

в силах, хотя Иеремия неустанно предупреждал о надвигающейся беде (Иер. 13:7—19; 21:7; 25:11), чуть не заплатившись за это жизнью (Иер. 26:8; 38:4—13).

И все-таки убежденность этих благородных мужей в неминуемом возвращении на землю отцов, восстановлении храма и возрождении Израиля — будь то пламенный Иезекииль (36:22—38), неутомимый строитель Агей (1:1, 2, 8, 9, 14) или провидец будущего Иерусалима Захарий (1:6, 17; 8:3, 7, 8; 12:2—11; 13:1; 14:2—11) — имела решающее значение и для утешения пребывающего в плену народа, и для духовного укрепления возвратившихся оттуда людей.

Монотеизм обусловил то, что евреи не растворились в языческом мире и, в основном, сумели сохранить национально-религиозное единство.

Учение иудейских пророков впоследствии — как оно того и заслуживало — было включено в Священное писание.

Эпоху божественного вдохновения завершает Малахия. Наступает период фиксированного закона, берущий свое начало в реформах Ездры и Неемии (середина V в. до н. э.).

Мечта о восстановлении политической независимости не сбылась. Но нация продолжала существовать исторически, поскольку осталась верна своей религиозной, т. е. национальной идее. Эту верность предстояло пронести через нескончаемую череду жестоких испытаний...

Деятельность Моисея и пророков, на примере которых мы попытались изложить значимость монотеизма, думается, в достаточной мере выявляет суть проповедуемых ими принципов, непреходящая ценность которых констатирована самим Спасителем: «Не думайте, что Я пришел нарушить Закон и пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить» (Матфей, 5:17). В этих словах, на наш взгляд, все значение Ветхого Завета, которое, претерпев своего рода сублимацию, в результате мистерии на Голгофе с новой высоты освятило мир.

Спустя девятнадцать веков после падения Иудеи и рассеяния евреев по земному шару Теодор Герцль (1860—1904) в программном труде «Еврейское государство», опубликованном в 1896 году, заявит: «По-моему, еврейский вопрос — национальный вопрос... И чтобы его разрешить, надо прежде всего сделать его вопросом мировой политики... мы — народ, и народ единственный в своем роде».

Тот факт, что еврейство не только не прекратило своего существования, но и сохранило и развило свой жизненный потенциал, выдвинуло из своего лона лидера, устами которого

объявило миру, что решение вопроса государственности еврейской нации является безотлагательной проблемой международного значения, однозначно указывает на такую жизнестойкость и непоколебимость этого народа, которую не объяснить материалистической концепцией или только таковой (как это нередко делалось). Последовавшие за брошенным Герцлем призывом события, реализация его политической программы — наглядное тому подтверждение.

На примере Израиля можно с уверенностью утверждать: нация немыслима без собственной системы ценностей, ориентиров, определяющих ее место в общечеловеческой семье, делающих необходимым и достойным уважения участие этого конкретного суверенного субъекта в мировых процессах. В противном случае следует воздержаться от слова «нация».

Подходит к своему завершению сложный, интересный, не познанный пока век. Говоря словами К. Ясперса, «никто не может знать, что же действительно старое и что, собственно говоря, будущее. Эпоха еще не ясна в своей сущности. Поэтому не понимая ни себя, ни ситуации, люди борются, быть может, против подлинного смысла».

Возможно, так оно и есть. Поэтому на распутье тысячелетий представляется необходимым еще раз окинуть взглядом пройденный человечеством путь, осмыслить дарованный нам мир, найти в себе экзистенциальную волю и интеллектуальное мужество для шага в неведомое будущее, в котором еще более остро встанет вопрос выживания и сохранения национальной самобытности. И, может быть, именно тогда сбудется мечта идущего по дороге человека, которого встретил в горах путник Праведный, и чьими устами он выразил чаяния многих и многих поколений — «самим распоряжаться собственной судьбой». В пору таких размышлений нашему взору вновь и вновь предстает великий босоногий пророк перед Купиной Неопалимой, сияние которой явилось призывом к долгожданной свободе, когда «сердце... рвется, словно раненый мчится олень к роднику исцеляющему», и без которой не бывает ни справедливости, ни добра, ни любви; а «без любви...»...

ВСПОМИНАЯ УШЕДШИХ ДРУЗЕЙ

«И ДЕЛАЛ ОН УГОДНОЕ В ОЧАХ ГОСПОДНИХ...»

Ни на секунду не задумываясь, я с благодарностью принял предложение Зазы Абзианидзе написать несколько слов о Нисане Бабаликашвили. Казалось, что может быть проще рассказать о любимом человеке, с которым связано не одно десятилетие ежедневного общения, дружбы. Рассказать так, чтобы собеседник услышал его тихий голос, увидел его семенищащие шаги, явственно представил доброе, улыбающееся лицо.

Однако все оказалось гораздо сложнее. Не хотелось вкратце пересказывать его и без того короткую биографию, ограничиться т. н. «служебной характеристикой» — это лишило бы читателя возможности увидеть и почувствовать Нисана. Его знали многие, и каждый из этого множества людей знал его по-своему. Кто-то с ним дружил, кто-то его любил, кто-то соглашался с ним, кто-то нет... но для всех Нисан был личностью, Человеком.

В нашей суетной жизни мы часто не осознаем, кто находится рядом. В каждодневной рутине разные мелочи становятся более значимыми и притупляют наши чувства. Отсюда постоянная торопливость, спешка, небрежность в общении: «Привет, что нового, не пропадай, звони...» Это — с близкими. Мы их не щадим. С дальними же мы более учтивы.

Мы не всегда дорожим присутствием ближнего, но зато слишком хорошо осознаем степень и тяжесть утраты. Теряем часть своего. Но это потом, после потери, когда память вплоть до малейших деталей воскрешает все, что связывало тебя с ушедшим. Именно эти детали восстанавливают все подлинное, настоящее, прошедшее сквозь тончайший фильтр наших чувств.

Нисан был Человеком праведным. Позволю себе, не лукавя, сказать, он ни разу, даже мысленно не нарушил ни одну из Десяти Заповедей. В то же время он был свободным человеком — гражданином, ученым, поэтом. Он не писал стихов (во всяком случае, не публиковал их), но всей душой любил и чувствовал изысканную поэзию Библии. Иначе чем объяснить его безукоризненные переводы на грузинский язык «Плача Иеремии», «Екклесиаста», «Песни песней»...

Сын мудрого, сурового, но доброго раввина тбилисской синагоги и тихой, почти безмолвной матери, он вместе с сестрами и братом вырос в семье, к которой обращались люди, нуждавшиеся в тепле, утешении, добром слове. В семье же он изучил (неофициально запрещенный тогда) родной язык.

В 1964 году он окончил факультет востоковедения Тбилисского государственного университета. Тут следует сказать, что в университет Нисан пришел не сразу. До университета он учился в Тбилисском институте инженеров железнодорожного транспорта. Трудно объяснить, какая сила завлекла его в инженерию и чем бы он обогатил советское локомотивостроение, но расставание с этой областью прошло безболезненно, во всяком случае, мне кажется, что «прозрение» пришло благодаря внутреннему голосу, указавшему на его подлинное призвание и миссию.

Блестящее знание языков (иврит, грузинский, русский, немецкий, английский, арабский), солидное образование, далеко выходящее за рамки университетских программ, высокая культура и подлинная интеллигентность сформировали ученого Нисана Бабаликашвили. Научные работы еще при жизни утвердили его в ряду первоклассных исследователей-гебраистов. В одной из служебных характеристик говорится: «Исследования Н. Бабаликашвили внесли заметный вклад в область еврейской эпиграфики, еврейских языковых традиций грузинских евреев... Его работы отличаются высоким профессионализмом...» Высокий профессионализм Нисана-ученого был обеспечен знаниями и колоссальной ответственностью, с которой он относился ко всему за что брался. Здесь же уместно сказать, что Нисану-студенту безусловно повезло: ведь в университете он был учеником выдающегося ученого и педагога Георгия Церетели и воспитанной им блестящей когорты грузинских семитологов: Константина Церетели, Алекси Лекишвили, Тины Маргвелашвили, Этери Сихарулидзе, Марии Недоспасовой... Полученные им знания Нисан-ученый и педагог щедро передавал другим, уже своим ученикам.

Учеников у него было много. Это — коллеги, студенты университета, переводчики, лингвисты, языковеды, интересующиеся ивритом, Библией. За советом, консультацией к нему обращались люди из разных стран и городов. В архиве Института востоковедения сохранились письма почти из всех центров гебраистики с просьбами выслать оттиски его статей. Георгий Васильевич Церетели доверил ему продолжение начатой им работы — изучение «Тбилисской рукописи древнееврейского Пятикнижия», хранящейся в Институте рукописей нашей Академии. Эта работа велась вместе с учеными-гебраистами из Института Библии университета французского города Нанси. Увы... ей не суждено было завершиться. Скончался академик Церетели, скончался профессор Жерар-Эммануэль Вейль, не стало Нисана...

Многим, очень многим своим ученикам, выехавшим в Израиль, он облегчил жизнь на исторической Родине. Он их обучил родному языку в Грузии. Мы помним, с какой любовью проводил он почти подпольные занятия. Изучение иврита в Союзе не поощрялось. Нисану нередко доставалось за такую «самодеятельность», которую он, несмотря ни на что, не прекращал.

Уехать из Грузии, покинуть ее навсегда... об этом он даже не думал. Ему посчастливилось по приглашению матери Бориса Гапонова (вскоре после его смерти) побывать в Израиле. Это было счастьем, недоступным для многих его советских коллег. Он мог оставаться там два месяца, но вернулся уже через месяц счастливым и... убежденным в правоте своего решения — не покидать родного Тбилиси.

Добрый Человек, Нисан постоянно заботился о благе других, ни на минуту не думая о своем шатком здоровье. Делал все молча, тихо. Мало кто знает, сколько он бился за улучшение условий жизни и облегчение страданий Бориса Гапонова. К Нисану обращались все, никогда не думая о его времени, усталости, недуге. Обращались потому, что знали — отказа не последует. Поразительно, как он помнил дни рождения не только друзей, но и их детей, родителей. Всем он дарил тепло, внимание. Просто, между прочим, без лишних слов... «Это моему сыну, он же учит французский...» «Э.о.» оказывалось великолепной книгой.

Книги были неотъемлемой частью его жизни. Редкая семья могла похвалиться такой библиотекой, какую имел он. Именно библиотекой, доступной всем, а не закрытой коллекцией.

Вообще дети Малки и Израиля Бабаликашвили, будучи многосторонне развитыми людьми, составляли как бы единое интеллектуальное целое. Одна из его сестер, Цаца, посвятила себя книгам. Она была сотрудником Фундаментальной библиотеки Академии наук. Многим посчастливилось общаться с ней, обращаться за советом. Компетентность ее была поразительной. Вторая сестра — Рива — известна в Тбилиси как один из лучших специалистов по теории музыки. Долгие годы она проработала в Тбилисской музыкальной школе для одаренных детей, воспитала не одно поколение учеников.

Музыка, особенно классическая, была страстным увлечением Нисана. Богатейшая фонотека (пластинки, кассеты) занимала большое место в его тесной квартире (если жилье этой семьи в старом Тбилиси можно назвать квартирой). Его часто можно было встретить в концертных залах, в оперном театре. Он мог пропеть (вот голосом он явно не мог похвастаться, что компенсировалось абсолютным слухом и поразительным чувством произведения) с начала до конца оперы Верди, Бизе, Россини... Порой он этим «злоупотреблял». Особенно во время наших экспедиций по Грузии, Дагестану, Северному Кавказу, Крыму, где он облазил почти все еврейские кладбища, переписывая эпитафии. Ночью в машине Нисан вдруг начинал петь. Пел громко, даже очень громко. Остановить его было невозможно: не действовали ни просьбы, ни уговоры. Надо было устраиваться на ночлег, но «концерт» продолжался. «Программа» была разнообразной и, что самое страшное, почти бесконечной.

В работе он был фанатиком. Ничто его не останавливало. Тяжелые полевые условия, погода, дальние переезды, пища, совершенно противная его здоровью — все это не имело никакого значения. Главное — иметь при себе огромный портфель — «акушерский саквояж». Боже, чего только в нем не было. Железная щетка, рулетка, различные кисточки, калька, тушь, постоянно (!) влажная тряпка, книги, тетради и... водка. Это для нас, непрременных участников «автоодиссей» Шуры Цубылевского — водителя Зекерии Богданова и, реже, меня, чтобы не мешали общению с усопшими предками. В этих легких поездках собирался огромный, казалось, малозначительный материал, переносимый на кальку, записываемый в блокноты. Потом длительный период его обработки, публикации и, наконец диссертация, блестяще защищенная, получившая самые высокие оценки авторитетных семитологов многих стран.

Изданная отдельной книгой, она стала раритетом сразу же после выхода в свет.

Нисан тяжело болел. Болезнь была хронической, изнуряющей, приносящей много физических страданий. Однако никто, даже из самых близких ему людей, не может припомнить, чтобы он говорил о своих недугах. Относился он к ним пренебрежительно. Потащить его к врачу было, практически, невозможно. Другьям стоило немалых усилий уложить его, уже обреченного, в больницу, где он тихо скончался 10 мая 1936 года, успев раздать им всю свою доброту и тепло.

Георгий АНТЕЛАВА

НАШ ШУРА ЦЫБУЛЕВСКИЙ

Прекрасному поэту, переводчику и литературоведу Александру Семеновичу Цыбулевскому (1928—1975) исполнилось бы 70 лет. В день его рождения, 29 января, мы были на его могиле. Она, как и все когда-то образцово ухоженное еврейское кладбище около Навтлугского базара, уже несла на себе печать запустения. И не удивительно — многие родные и близкие покоившихся здесь покинули Грузию, пережившую тяжелые годы высвобождения из-под обломков «красной империи», одной из многочисленных жертв которой был и Александр Цыбулевский.

В ранней юности переехал Шура Цыбулевский вместе с родителями из Ростова в Тбилиси, который стал ему родным в самом высоком смысле этого понятия. Он не только прекрасно знал город, особенно старые кварталы, но и нежно любил и тонко воспел его в своих стихах и прозе.

**Вновь дерево Иудино в цвету
Очутится над улочкой крутою.
Присядет чинно дева на тахту,
Окрашенную всякий год тутою.**

**А под балконами наклон горы,
Чреватые подвалами панели.
Дворы, дворы. Неведомые цели
Поэзии. Еще, еще дворы.**

Только самых близких водил он этими проходными дворами, раскрывая неведомые даже для его коренных жителей красоты старого Тбилиси...

Учился А. С. Цыбулевский на русском отделении филологического факультета Тбилисского государственного университета. Вот как вспоминает об этом сокурсник Булат Окуджава в интервью, опубликованном в «Заре Востока» в связи с его шестидесятилетием под характерным заглавием (для тех, кто считает его чуть ли не изменником за то, что волей судьбы, вернее, репрессивной машины Советского Союза, он вырос в России и писал по-русски) «Эта мудрая жизнерадостность моего народа»: «В 1945 году (когда раненного

на фронте добровольца привезли в свой родной город — ^{авт.)} я стал студентом Тбилисского университета. На филологическом факультете вместе со мной училось несколько молодых одаренных ребят. Почти все мы писали стихи. И хотя судьбы, характеры и взгляды у нас были разные, в нас одинаково сильно, почти неукротимо клокотало честолюбие и жило неистребимое желание, почти потребность, перевернуть весь мир. Мы мечтали прославиться, «глаголом жечь сердца людей», покорить своими строчками Грузию, Москву, весь земной шар... Мы читали друг другу свои стихи, спорили, ругались, мирились, снова читали и снова спорили... Так продолжалось без конца. Утихомирить нас, внести относительный порядок в наши нестройные ряды мог только мой однокурсник Саша Цыбулевский. В вопросе Саши у нашей орды наблюдалось удивительное и непоколебимое единодушие — поэт от Бога. И поэтому его авторитет был непререкаем. Саша безвременно ушел от нас, и, по-видимому, так и не успел сказать своего главного, заветного слова. Но для нас, для его друзей, и для всех тех, кому были близки и дороги его выстраданные строчки, он навсегда остался самым дорогим человеком. А для меня особенно. Потому, что Саша был не только самым верным и самым надежным товарищем, но и первым чутким, серьезным и взыскательным литературным наставником» («Заря Востока», 9 мая 1984).

В 1948 году «органы с холодным умом, горячим сердцем и чистыми руками» провели очередную профилактическую операцию (а вдруг кто-то уже стал забывать 37 год!). Из университета забрали группу студентов, аспирантов, молодых преподавателей «за террористические намерения против Советской власти». Среди них оказался и Шура Цыбулевский... После возвращения он не любил вспоминать те годы. Правда, кое-что из лагерной жизни он рассказывал. В основном, это были эпизоды, в которых он всегда выглядел комичным. Он очень любил своих солагерников. Часто встречался с ними и радовался этим встречам. Но одна встреча — с лысым человеком с авоськой в руках, мирно шедшим перед гостиницей «Интурист», его так ошеломила, что нам, свидетелям этой встречи, пришлось его поддержать, чтобы он не упал. Он побледнел, остановился и еле-еле проговорил: «Вон идет... П. К. ...это бывший следователь... он меня бил... издевался...» Мы долго стояли молча, каждый по-своему представляя отношения Шуры с «грозным феликсовичем»...

В 1960 году Георгий Васильевич Церетели основал Ин-

сти: ут востоковедения Академии наук Грузии. По рекомендации друзей и по иронии судьбы Шура был принят в Институт в должности заведующего фотограмметрической лабораторией (он до конца жизни так и не понял значения этого сложного, но, видимо, нужного слова). В то время Шура увлекался фотографией. Вместе с искусствоведами (особенно он любил «блуждать» с Ренэ Шмерлинг) объездил и исходил всю Грузию, создал несколько серий прекрасных фотокартин, посвященных архитектурным памятникам (Джвари, Вардзия, Самтависи, Шатили, Греми...) и поразительно оживших затем в картинах-стихотворениях. Нам до сих пор не дает покоя идея объединения этих картин в одном фото-поэтическом альбоме. Но где они сейчас? Еще при жизни разбросаны, раздарены... Они сохранились, хоть и выцвели, в домах друзей, знакомых. Однажды тетя Лиза, его мама (именно «мама», как ее всегда называл Шура) с горьким, присущим только ей юмором указала на стопку фотографий — ищет себя и никак не может найти: то фото, то стихи, а где он сам?

А он в них и был! Наш Институт в первое время помещался в одном крыле бывшего Заведения св. Нины (затем партийной школы, а ныне Министерства иностранных дел). Над лестницей, в маленькой каморке, была «оборудована» фотолаборатория, в которой постоянно горел красный свет, и Шура либо сгорбившись кудесничал, либо сидел в «предбаннике» и читал новые, неведомые нам книги или потрепанные машинописные страницы самого дорогого тогда издательства «Самиздат». — Кто? — спрашивал он, не поднимая головы, когда мы открывали дверь. Иногда он сам стоял на площадке лестничной клетки и зазывал нас к себе. Забывая о науке, мы часами сидели и слушали стихи, его и чужие (Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, особенно любимого Мандельштама, Ахмадулиной...), целые страницы прозы Булгакова...

С каким увлечением работал он над диссертацией «Русские переводы поэм Важа Пшавела», внимательно вслушивался в каждое слово поэта, требовал от нас точнейшего толкования сложных мест. Уже тяжело больной, фактически обреченный, стоял он на кафедре, но поразительно ясным был его глубокий анализ переводов Цветаевой, Мандельштама, Пастернака и Заболоцкого. Впоследствии (1980 г.) диссертация вышла отдельной книгой и получила самые высокие отзывы специалистов. Было отмечено, что Александр Цыбулевский по-новому освещает не только проблемы перевода. С большой любовью и тонкостью дает оценку отдельных сторон ориги

нального творчества поэтов-переводчиков. И что особенно важно, на этом фоне он проникает в поэтический мир самого Важа Пшавела.

А до этого было два маленьких сборника стихов и поэтической прозы: первый — тоненькая книжечка стихов «Что сторожат ночные сторожа» (1967) под редакцией Е. Евтушенко и с предисловием С. Чиковани; второй — более полный сборник стихов и прозы «Владелец шарманки» (1973) под редакцией его ближайшего друга Гии Маргвелашвили. Оба сборника были очень тепло приняты читателем. Как справедливо отметила в своей рецензии на первый сборник Лия Тихонова, «две добрые руки ввели Александра Цыбулевского из неизвестности в литературу и рекомендовали его читателю. Это Симон Чиковани, написавший предисловие к сборнику, и его редактор Евгений Евтушенко. Вряд ли этот шаг для них случаен. Видимо, почувствовали они в авторе этой книжки, пусть пока и совсем небольшой по объему, нечто достойное внимания».

Второй сборник, изданный более крупным тиражом, быстро разошелся по всей нашей тогдашней стране, и автор получал восторженные письма читателей из разных, подчас глухих ее уголков. Особое восхищение вызывала необычная проза, то ли дневники, то ли новеллы о Грузии, Средней Азии, Дагестане, о дорогах и тропинках, по которым бродил автор то пешком, то в автобусе Института Блаженных Блужданий (так он называл Институт истории грузинского искусства АН Грузии, где у него были друзья, в особенности, как было уже сказано, Ренэ Шмерлинг). А как прекрасны его зарисовки Самарканда, Бухары, и на этом сугубо восточном фоне образ Высокого Спутника — академика Георгия Васильевича Церетели, которого он боготворил (повесть «Шарк-Шарк»). Мы храним письмо Натальи Лубоцкой, прекрасного человека, востоковеда-индолога из Голландии, хорошо знавшей Тбилиси. Кто-то из ее друзей послал ей эту красивую книжку. В письме есть такие строки: «Получила недавно книгу «Владелец шарманки». Такая книга могла выйти только в Тбилиси. Интересно, трудно, неудобно и... радостно. А автору было, наверно, совсем трудно жить. Похоже, что он одновременно жил и в нашем, и в четвертом измерении. Эта книга издана в 1973 году. А были потом еще или не успел?..»

В своих постоянных странствиях Шура чувствовал себя как рыба в воде. Он каким-то только ему присущим чутьем всегда безошибочно находил «злачные места» с местными «ре-

ликтами». Мог зайти в затерянную чайхану, сесть с незнакомыми стариками и запросто беседовать с ними на неведомом никому языке, держа в руке то пиалу с чаем, то стакан вина... Или забраться на такие скалы, спуск с которых был уму непостижим...

В последние дни своей жизни он молча сидел на балконе и часами смотрел на старый город, словно все не мог наглядеться. Он угасал, светлел внутренне. В гробу он был прекрасен, нечеловечески красив...

Остались Кира, Саша, автор первой тоненькой книжки стихов «Бассейн» (1990), остались друзья (хотя многие уже отошли в мир иной). Среди самых верных — Тома Фрадкина, которая разобрала и переписала его многочисленные записные книжки, собрала неопубликованные стихи, отдав этому титаническому труду часть своей души и жизни. Некоторые из них были опубликованы в любимом им журнале «Литературная Грузия», с которым он тесно сотрудничал.

В юбилейный год Александра Цыбулевского, в год, когда отмечается древнейшая дата пребывания его народа на земле Грузии, мы хотим представить читателю, молодому читателю, который, возможно, и не слышал о существовании такого замечательного земляка, и не знаком с его оставшими библиографической редкостью сборниками, несколько неопубликованных стихов нашего незабвенного друга Шуры Цыбулевского.

**Мария НЕДОСПАСОВА, Александр ГВАХАРИЯ,
Георгий АНТЕЛАВА**

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

РЕНЭ

Автобус. Дождь не устает косить —
В полях уже не всколосятся злаки.
Но тень твою я мог бы воскресить
Одним лишь прежним восклицаньем: маки!

1968

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Бегут трамваи по траве,
Окраина — бескрайна.
Где я, где ты? — Те тени две —
Прекрасна эта тайна.

Мы плотно ставни притворим,
Оставим только щелку,
Заговорим, отговорим
Без умолку и толку.

1972

* * *

Я смутно думал о вине
Перед Манглиси, что вполне
Весь исчерпал себя во мне,
Но оставался сам во вне,
Прекраснее, чем был, вдвойне.

1969

* * *

Кривые лесенки. Шагал
Не смог бы сам кривее...
Есть счастье в том: я тут шагал
Где все вокруг — евреи.

Детали скачут, как река,
Легки и не суровы.
В подвале дома мясника
Ну что? Да пол-коровы.

А прокопченный мир суббот,
Легенд крутое тесто.
Горели все и равви тот,
Не сдвинувшийся с места.

Что ж от добра искать добро?
Стою над бездной синей,
Со мною вместе серебро
Ушел транжирить иней.

1969

* * *

Балдахины гудят надо мной,
Где старухи окрашены хною,
Чайхана, чайханы, чайханой,
Чайхане, чайхану, чайханою.

Обойди, обойдусь, обойду...
Пахнут дымом восточные грозы.
Панджу-як, шашу-беш, себай-ду,
Катят кости вовсю виртуозы.

В общем это единственный звук,
Как растет он в ночи, будь неладен,
И стремительный взмах этих рук
Словно у пианиста украден.

1972

* * *

Ну я прожил, живу и что же,
Чем я заполню пустоту?
Иду себе, к себе, о Боже,
Стоят деревья на мосту.

Куда они пустили корни?
Неужто я несусь обман?
Ночной, горячий хлеб из торни,
Луна неполная... Туман.

1970

ВЕК ЛЮБВИ

В этом году исполнилось бы 100 лет известному издателю и общественному деятелю Марку Израилевичу Златкину. Совсем немного не дожидаясь до этого юбилея, закончив свои дни в прекрасном и вечном Иерусалиме. Внимательный читатель извлечет из книги воспоминаний Марка Израилевича «Когда книга сближает народы» историю русско-грузинских культурных связей, познакомится с бесконечной любовью и талантом написанными портретами выдающихся деятелей культуры Грузии и России.

С 1924 года имя Марка Златкина неразрывно связано с крупнейшим в Закавказье издательством «Заря Востока» (сегодня это достаточно известное издательство «Мерапи»). В двадцатые годы Тбилиси посещали Сергей Есенин и Владимир Маяковский, Андрей Белый и еще раньше Константин Бальмонт, Максим Горький и Осип Мандельштам. В коридорах издательства можно было встретить знаменитых рыцарей поэтического ордена «Голубые роги» Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Валериана Гаприндашвили, Колау Надирадзе и великого прозаика Константиноэ Гамсахурдиа.

Эти встречи и переписка с друзьями вдохновили Марка Израилевича на создание еще одной книги.

Только из посвящений на книгах, подаренных Марку Израилевичу, можно было составить уникальную летопись. Искренней и крепкой была его дружба с писателями послевоенного поколения. В талантливых переводах А. Кочеткова, П. Антокольского и других русских писателей выходили книги Григола и Ираклия Абашидзе, Демны Шенгелая, Константиноэ Лордкипанидзе и др. В 1945 г. в «Заре Востока» издается сборник Николоза Бараташвили — великого грузинского романтика в переводах Бориса Пастернака. Через 10 лет появляется двухтомник Важа Пшавела в переводах Николая Заболоцкого. (Заметим кстати, что раньше Пшавела пробовали переводить Осип Мандельштам и Марина Цветаева).

Любовь Марка Израилевича к настоящей литературе не признали никаких запретов. Только в Грузии мог-

ли решиться на издание стихов и переводов Бориса Пастернака в 1958 — году травли и преследований поэта, влюбленного в Грузию.

В не самые лучшие годы увидели свет и «Картвельские оды» Бенедикта Лившица. Вообще, уникальная серия, задуманная и осуществленная Златкиным, невзирая на политические катаклизмы, «Стихи о Грузии и переводы», позволила нам открыть для себя Арсения Тарковского, Андрея Вознесенского, Беллу Ахмадулину, Евгения Евтушенко и др.

Когда в воздухе запахло перестройкой, в «Мерани», опередив Москву и Ленинград, издали однотомники Бориса Пильняка и Исаака Бабеля, Николая Гумилева, Осипа Мандельштама.

Подхвачена и реализована была плодотворная идея издания подстрочного перевода и полной библиографии поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Марк Израилевич мог по праву гордиться тем, что издал все, выполненные, начиная с XIX века, переводы этого средневекового шедевра. Не могли обижаться и критики — грузинские и русские — книги их, посвященные грузинской классике и современности, своевременно выходили в свет.

Златкин умел заражать других безмерностью своих планов, умел загораться и от пламени чужих замыслов. Так появилась книга грузинского фольклора в переводах Яна Гольцмана с рисунками волшебного Ладо Гудиашвили. Сегодня — это библиографическая редкость, так же, как «Литературная богема старого Тбилиси» Иосифа Гришашвили в переводе Нодара Тархнишвили и Владимира Леоновича, книга Михаила Буянова «Дюма на Кавказе» с рисунками и фотографиями прошлого века. Нужно было именно упорное стремление Марка Израилевича, чтобы собрать самых одаренных русских поэтов и подарить читателю загадочного Галактиона. Да всего ведь не перечислить!

Марк Израилевич очень любил молодежь, доверял молодым самую сложную работу. Но любил он и далекое прошлое. Во многом благодаря ему мы имеем на русском языке почти все шедевры древнегрузинской литературы, от «Мученичества Шушаник» Иакоба Цуртавели (V в.) до Давида Гурамишвили (XVIII в.).

Посчастливилось и мне: я переводила замечательные книги моих друзей — представителей «Новой волны» в Грузии: Эдишера Кипиани, Тамаза Чиладзе, Арчила Сулакаури, Гурама Гегешидзе, а также эпос «Русуданиани» (XIII—XV вв.)

и «Исторические хроники Грузии» Вахтанга Челидзе. Последняя работа, увы, осталась незавершенной, из 3-х томов на русском языке вышли лишь два.

Среди книг, изданных Златкиным, многие, причем самые разные, навсегда войдут в историю как грузинской, так и русской культуры. К примеру, Ираклий Абашидзе (цикл «Последам Руставели») в переводе Александра Межирова, Анна Каландадзе в переводе Е. Николаевской и Б. Ахмадулиной, Отар Чиладзе (впоследствии стяжавший славу как прозаик, автор пяти романов) в переводе Наталии Соколовской.

Изданная много лет назад в Тбилиси тоненькая книжка стихов, переводов, писем и заметок москвича Владимира Полетаева, не дожившего до 20 лет (издание посмертное), сегодня входит в литературный обиход и частями публикуется в самых престижных изданиях.

«Начинавший у Златкина» (это звучало как лучшая из характеристик) Юрий Юрченко сегодня издал уже 7 книг в Германии.

Вот как нас много — от великих и до малых сих. И мне кажется, что мы все до сих пор ощущаем тепло добрых глаз Марка Израилевича, и нашей рукой ведет его безмерная любовь к человеку и к слову.

Анаида БЕСТАВАШВИЛИ

Главный редактор ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Амиран АРАБУЛИ (зам. главного редактора), Гурам БЕНАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Георгий ГАЧЧИЛАДЗЕ, Гурам ГВЕРДЦИТЕЛИ, Коба ИМЕДАШВИЛИ, Михаил КВЛИВИДЗЕ, Лия СТУРУА, Лиана ТАТИШВИЛИ (отв. секретарь), Тамаз ЧХЕНКЕЛИ.

Художник ОЛЕСЯ ТАВАДЗЕ

Техредактор К. КОТОМИНА

**Корректоры: М. МЕРАБИШВИЛИ,
Е. СОПРОМАДЗЕ**

**„ლიტერატურნაია გრუზია“
საქართველოს მწერალთა კავშირის
ორგანო**

Сдано в набор 18.06.98. Подписано к печати 26.08.98
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печать, высокая. Заказ № 1168.
Тираж 300.

Цена договорная

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

Адрес редакции: 380003, Тбилиси, ул. Костава, 5.
Телефоны: 93 65 15, 99 06 59.

© «Литературная Грузия», 1998.

Типография издательства «Самшобло», Тбилиси, ул. Костава, 14.

106/16
7

საქართველოს
განმანათლებლო
სამსახური

